

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ  
НА ВОСТОКЕ РОССИИ  
В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ  
(1918–1919 гг.)**

*Сборник научных статей*

Новосибирск  
2009

УДК 94(470+571) "1918/1919"  
ББК ТЗ(2)612  
К 651

*Утверждено к печати  
Ученым советом Института истории СО РАН*

Сборник подготовлен и опубликован  
при финансовой поддержке  
Российского гуманитарного научного фонда  
(исследовательский проект № 07–01–00551а)

**Редакционная коллегия:**

д-р ист. наук В.И. Шишкин (науч. редактор),  
канд. ист. наук В.В. Журавлев,  
канд. ист. наук Д.Г. Симонов

**Рецензенты:**

д-р ист. наук А.Г. Борзенков,  
д-р ист. наук А.А. Николаев,  
д-р ист. наук В.А. Исупов

**К 651** **Контрреволюция** на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Сб. науч. ст. / Науч. ред. В.И. Шишкин; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2009. 198 с.  
ISBN 978-5-94356-736-0

Сборник статей посвящен российской контрреволюции на востоке страны в годы гражданской войны. Авторы статей анализируют различные проблемы этой интересной и сложной темы, которая в постсоветской отечественной историографии продолжает сохранять исключительную актуальность. Статьи написаны с учетом публикаций предшественников, на довольно широком фактическом материале, в том числе архивном, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот.

Сборник рассчитан на научных сотрудников, преподавателей высшей и средней школы, работников архивов и музеев, краеведов, аспирантов и студентов.

ISBN 978-5-94356-736-0

© Институт истории СО РАН, 2009.

© В.И. Шишкин — научное редактирование, 2009.

*В.В. Журавлев*

## **ПРАВОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СИБИРСКОЙ КОНТРЕВОЛЮЦИИ В 1918 г.**

Благодаря своим колоссальным масштабам, беспрецедентной сложности и поныне неисчерпанным последствиям события российской революции и гражданской войны 1917–1922 гг. были и остаются фундаментальным вызовом историческому мышлению. Поток посвященной им исследовательской литературы не иссякает, а бесчисленные опыты рассмотрения и истолкования этой эпохи в той или иной перспективе (социально-классовой, партийно-политической, национальной и др.) оформились в качестве устойчивых и в определенной степени автономных традиций, наделенных собственной логикой развития.

Естественно, что историки не проходили и мимо культурных вообще и идеологических в частности аспектов истории данной эпохи. Однако в литературе долгое время практически безраздельно господствовал взгляд на феномены культуры как на «отражение глубинных социальных структур и властных отношений», прямо или опосредованно восходящий к «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса. В сущностной оппозиции к данному подходу находится метод исторической антропологии. Последний подразумевает отношение к культуре как к системе ценностей, знаков и условностей, являющейся «источником политических стилей и даже силой, руководящей судьбами наций», и, следовательно, «стратегическим первоначальным пластом» исторического исследования<sup>1</sup>. При изучении идеологии и политических аспектов культуры целью такого анализа становится выявление смысловых систем или их элементов, порождающих или расшатывающих авторитет и влияющих на распределение и осуществление власти.

Впрочем, в изучении истории революции и гражданской войны антропологический подход, столь характерный для современной западной историографии в целом и для отдельных тематических облас-

---

<sup>1</sup> *Энгельштейн Л.* Повсюду «культура»: о новейших интерпретациях русской истории XIX–XX веков // Новая русская книга. 2001. № 3–4. С. 107.

тей отечественной исторической науки, пока проявляется очень робко, причем авторы немногочисленных публикаций концентрируют свое внимание практически исключительно на революционном лагере. Между тем, целостное понимание грандиозного культурного конфликта, которым в антропологической перспективе предстают события 1917–1922 гг., недостижимо без детального изучения в широком историческом и культурном контексте системы основных представлений, характерной для антибольшевистского движения.

В начале 1918 г. в Сибири была предпринята попытка создания альтернативной советам власти в лице Временной Сибирской областной думы. Несмотря на неудачу этого предприятия, первая сессия Сибоблдумы заложила идеологические и организационные основы антибольшевистского подполья, сыгравшего важную роль в падении советской власти, после выступления Чехословацкого корпуса 25 мая 1918 г. 18 ноября того же года в Омске к власти пришел адмирал А.В. Колчак, признанный Верховным правителем Российской государственства не только на всем пространстве востока России, но и в иных «белых» регионах. В промежутке между двумя этими переворотами — антибольшевистским и колчаковским — власть в «белой» Сибири менялась еще дважды. 30 июня Западно-Сибирский комиссариат передал ее Совету министров Временного Сибирского правительства, а 3 ноября последний, в свою очередь, «уступил престол» избранному на Государственном совещании в Уфе Временному Всероссийскому правительству (так называемой Директории). Таким образом, за неполный год в Сибири пять раз менялась власть, и в условиях такой стремительной политической динамики властям приходилось объяснять населению, почему произошла данная перемена, чем данный режим отличается от предыдущих, каковы его цели. Издававшиеся для этого декларативные акты правительств сибирской контрреволюции являются весьма ценным источником, позволяющим реконструировать системы ценностей, идеологию и политическую эволюцию антибольшевистского движения на востоке России.

6 (19) декабря 1917 г. в Томске собрался Чрезвычайный Сибирский областной съезд. На съезде были представлены «революционно-демократические» организации в диапазоне от левых эсеров до областников, но при безусловном преобладании партии социалистов-революционеров. Представителям «цензовых» организаций было отказано в участии в работах съезда. В принятой съездом декларации по текущему моменту заявлялось, что политические и экономические обстоятельства вынуждают съезд «временно создать... общесибирскую социалистическую, от народных социалистов до большевиков

включительно, с представительством национальностей, власть в лице Сибирской областной думы и областного совета, ответственного перед областной думой»<sup>2</sup>. В первых числах января 1918 г. (по ст. ст.) начались предварительные частные совещания избранных членов Сибоблдумы, постепенно съезжавшихся в Томск.

Однако 24 января (6 февраля) 1918 г. в Томск было передано по прямому проводу обращение председателя Центрального исполнительного комитета советов Сибири Б.З. Шумяцкого к Томскому совету рабочих и солдатских депутатов. В обращении указывалось, что легальная деятельность членов Сибоблдумы дает возможность открыто налаживать «единый фронт против советов», и содержался призыв немедленно произвести аресты среди депутатов<sup>3</sup>. 26 января (8 февраля) 1918 г. Томский губернский исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов вынес постановление о роспуске Временной Сибирской областной думы. Ее члены, «в случае неподчинения постановлению о роспуске», объявлялись «врагами народа» и подлежали суду революционного трибунала<sup>4</sup>. Ряд членов думы были арестованы красногвардейцами<sup>5</sup>.

Несмотря на это, 26 и 27 января (8 и 9 февраля) 1918 г. состоялись два частных совещания оставшихся на свободе членов Сибоблдумы, на которых обсуждался вопрос о дальнейших действиях<sup>6</sup>. Лидер эсеровского большинства думы П.Я. Дербер настаивал на немедленном открытии заседаний и избрании полномочного правительства, которое, перебравшись на Дальний Восток, «могло бы действовать и решать». Под влиянием его аргументов большинство согласилось «устроить тайно от большевиков заседание»<sup>7</sup>.

Утром 28 января (10 февраля) 1918 г. на разных квартирах начались заседания думских фракций, а вечером для выяснения спорных вопросов собралась согласительная комиссия<sup>8</sup>. В 9 часов вечера в присутствии 47 членов думы было объявлено об официальном открытии работ Временной Сибирской областной думы.

Первыми актами, которыми организующаяся региональная власть

---

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. П-5, оп. 4, д. 656, л. 1.

<sup>3</sup> Якушев И.А. Очерки областного движения в Сибири // Вольная Сибирь. 1928. № 3. С. 23.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Вестник Временного правительства автономной Сибири. 1918. 11 июля; Борьба за власть советов в Томской губернии. Томск, 1959. С. 218.

<sup>6</sup> Якушев И.А. Очерки... // Вольная Сибирь. 1928. № 3. С. 24.

<sup>7</sup> Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1. С. 76.

<sup>8</sup> Якушев И.А. Очерки... // Вольная Сибирь. 1928. № 3. С. 25.

заявила о себе и своей антибольшевистской позиции, стали декларация Временной Сибирской областной думы и обращение Сибирской областной думы ко всем трудящимся Сибири. Оба документа были подписаны заместителем председателя думы А.Б. Лазебником-Лазбенко и секретарем Войтенко, и в обоих документах отсутствует дата.

Относительно бо́льшую известность приобрел первый акт — декларация, — пространный документ (1 146 слов), впервые опубликованный 10(23) марта 1918 г. в газете «Вестник Маньчжурии»<sup>9</sup>. Этот документ датируется 27 января 1918 г. по упоминанию-ссылке в позднейшей декларации Временного Сибирского правительства «О государственной самостоятельности Сибири» от 4 июля 1918 г.<sup>10</sup> Согласно сведениям Г.К. Гинса, автором текста декларации являлся П.Я. Дербер<sup>11</sup>.

Текст декларации включает введение, четыре нумерованных пункта с подпунктами (основную часть) и заключение.

Введение состоит из пяти абзацев.

Первый абзац излагает обстоятельства, побудившие к изданию акта. Авторы документа констатировали центральный, с их точки зрения, элемент сложившегося политического положения — факт разгона Всероссийского Учредительного собрания — и указывали на виновников происшедшего.

Во втором абзаце дается развернутая характеристика тому, чем же собственно являлось разогнанное Учредительное собрание. Этой цели служат три его определения: (а) историческое («то, что составляло мечту и цель многих революционных поколений в тяжелой борьбе с царизмом»), (б) актуально-политическое («то, что являлось единственным якорем спасения великой революции»), (в) перспективное (то, что «только и могло закрепить и углубить завоевания революции» — «истинное полное народоправство»).

Затем следует собственно политическое кредо. Вопреки реальности января 1918 г. в качестве непререкаемой истины провозглашалось, что «народно-трудовая революция не может погибнуть»,

---

<sup>9</sup> Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Сб. док. и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 681–684.

<sup>10</sup> «Временное Сибирское правительство... было бы лишено возможности правомерно взять на себя тяжелый труд определения будущих судеб родины, если бы не имело в этом отношении авторитетного указания со стороны Сибирской областной думы, выраженного в ее декларации от 27 января 1918 года». См.: Временное Сибирское правительство... С. 117. Эту же дату приводит в своих воспоминаниях Г.К. Гинс. См.: *Гинс Г.К. Сибирь...* С. 77.

<sup>11</sup> *Гинс Г.К. Сибирь...* С. 77.

что «верховную волю народа никакими расстрелами и пролитием крови не убить и не задушить», что «власть Всероссийского Учредительного собрания непререкаема и неприкосновенна» и что «все организации и партии должны склонить свою волю перед волей и решением полномочной и единственной власти — Учредительного собрания».

Четвертый абзац носит инвективный характер. Совет народных комиссаров (как посягнувший на власть Учредительного собрания) объявлялся «врагом народа», а большевики в целом (как противопоставившие Учредительному собранию советы крестьянских, рабочих и солдатских депутатов) — «изменниками революции».

Наконец, в пятом абзаце провозглашается неизбежность победы «верховой народной воли», воплощенной в Учредительном собрании.

Основная часть декларации посвящена изложению политической программы областной думы. В первом пункте определены принципы государственной политики новой власти: скорейшее возобновление работ Всероссийского Учредительного собрания, незамедлительный созыв Сибирского Учредительного собрания, на период до последнего события — переход «всей полноты власти в пределах Сибири» к Временной Сибирской областной думе. Второй пункт посвящен вопросам войны и мира: утверждалось, что грядущий мир должен быть миром «справедливым, демократическим, без аннексий и контрибуций, с гарантией народам и национальным меньшинствам права на самоопределение», «миром без победителей и побежденных», что «ответственность за мирные переговоры» могут нести «только Всероссийское Учредительное собрание или все краевые народные органы» и что мир может быть достигнут «только общими усилиями союзных нам народов». Однако уже до заключения мира дума провозглашала необходимость безотлагательно отозвать с фронта и ближайшего тыла «уставших солдат-сибиряков», распустить «гарнизоны, находящиеся на территории Сибири» и создать «добровольческую сибирскую армию». Третий пункт прокламирует позиции думы по национальному вопросу: оставляя на решение «народов, живущих на своей территории, в разное время присоединенных к Российскому государству» решение вопроса о том, образуют ли они самостоятельные государства или входят как автономно-федеративные единицы в состав Российской республики», дума высказывала надежду, что «все народности Сибири поймут, что их жизненные интересы лежат на линии федеративного устройства». Наконец, в четвертом пункте освещены основные направления будущей социально-экономической поли-

тики думы: проведение в жизнь принятого Учредительным собранием закона о безвыкупном переходе всех помещичьих, частновладельческих, казенных, удельных и других земель с водами, лесами и недрами в общенародное достояние, наделение землею в первую очередь малоземельного и безземельного крестьянства, проведение национализации «копей, рудников и т. д.» и организации «общественного контроля и регулировки» в области добывающей и обрабатывающей промышленности, «установление государственного контроля над банковским делом для ограждения трудящихся от банковской спекуляции и эксплуатации»; «переложение налоговых тягот от беднейшего населения на имущие классы», осуществление 8-часового рабочего дня, минимума заработной платы, всех видов социального страхования, таксировка цен на предметы первой необходимости, предоставление общего и специального образования за счет государства.

Заключение декларации состоит из четырех абзацев. Здесь авторы декларации указывают на «грандиозность и величие» провозглашенных планов и принимают на себя всю ответственность за их осуществление. Однако в этом они рассчитывали на поддержку «трудящихся классов, всех многочисленных народов и граждан необъятных пространств Сибири». В последней фразе документа провозглашалось, что «дума вступает на путь верховной законодательной власти в свободной отныне автономной Сибирской республике».

Важнейшей темой и главной ценностью авторов данного акта несомненно выступала идея Учредительного собрания — «всероссийского парламента всех народов и классов»: это словосочетание использовано в тексте декларации 16 раз, причем в 12 случаях речь идет о Всероссийском Учредительном собрании и четыре раза — о его планируемом областном аналоге — Сибирском (Всесибирском) Учредительном собрании. Другой важной темой декларации являлась Сибирь. Она упомянута в тексте 19 раз. Сибирь названа «родной» (2 раза), трижды указано на ее территориальный масштаб, четырежды — на ее многонациональный характер, трижды упомянут обретенный ею автономный статус. Россия так или иначе упомянута в тексте 10 раз, причем в 6 из этих случаев — в контексте трансформации в федерацию, а в 2-х случаях — распада.

Небезынтересно проследить и черты образа врага, выступающие из текста декларации. Большевики упоминаются в тексте декларации семь раз, один раз упоминается Совет народных комиссаров, один раз союзники большевиков — «так называемые „левые эсеры“». Большевики четырежды описываются как совершающие «преступные» действия, как «преступники», четырежды как носители разрушения и



хаоса («кровавый вихрь», «сплошной ужас», Учредительное собрание ими «разбито», «растоптано»), дважды как «предатели» («изменники») революции и Учредительного собрания.

Старый режим лишь дважды упоминается в тексте и оба раза в контексте протяженного и более-менее отдаленного исторического прошлого: упоминаются «многовековой гнет феодально-бюрократического царского режима», который, в числе прочих причин, привел «к истощению хозяйственного организма страны», и «царизм», «тяжелая борьба» с которым составляла занятие «многих революционных поколений».

Наконец на культурно-образовательные черты потенциальной аудитории данного акта указывает словосочетание «якорь спасения» — скрытая цитация крылатого латинского выражения «*sacram anchoram solvere*» («спастись священным якорем», то есть избежать неминуемой гибели). Адекватное восприятие данного речевого оборота подразумевало наличие базовой эрудиции как минимум гимназического уровня.

Другой акт, принятый первой сессией Сибоблдумы, — «Обращение Сибирской областной думы ко всем трудящимся Сибири» — несмотря на идентичные подписи, существенно отличается от декларации. Почти в три раза меньший по объему (414 слов), насколько известно, этот документ впервые был опубликован лишь 11 июля 1918 г. в газете «Вестник Временного правительства автономной Сибири»<sup>12</sup>. Какие-либо данные об авторстве текста и дате принятия отсутствуют.

Текст документа разбит на двенадцать абзацев, многие из которых состоят лишь из одного предложения.

Начальный протокол состоит из двух абзацев, в первом из которых излагаются чрезвычайные обстоятельства появления данного акта: факт ареста большевиками 16 членов думы и 2 членов Временного Сибирского областного совета, а также делопроизводства и имущества областного совета. Во втором абзаце дается интерпретация этого факта: большевики не допустили свободного открытия работ думы, «сознавая свой позорный конец, неразрывно связанный с работой» последней.

Основная часть обращения начинается с распоряжений по существу дела. Таких распоряжений четыре: повторное объявление о принадлежности «всей полноты власти в Сибири» Временной Сибирской

---

<sup>12</sup> Вестник Временного правительства автономной Сибири (Владивосток). 1918. 11 июля. № 3.

областной думе, заявление о создании думой для «осуществления своей власти» временного правительства, информирование о переезде правительства и думы «на безопасную территорию» и, наконец, заявление о горячем протесте «против насилия, допущенного захватчиками власти».

После этого следует обращение за поддержкой ко «всем народам Сибири, всем национальностям, трудовому крестьянству, рабочему классу, солдатам, казачеству, всей трудовой интеллигенции, всем революционно-демократическим организациям» и провозглашение двух целей — созыва Сибирского Учредительного собрания и проведение «правдивого всенародного суда» над большевиками.

Завершается обращение лозунгом: «Да здравствует автономия Сибири, да здравствует Всероссийское и Всесибирское Учредительное собрание!».

Стилистические различия между декларацией и обращением очевидны: обращение написано более эмоционально, лаконично и энергично. Однако наибольший контраст представляет образ врага, нарисованный обращением. Большевики упомянуты в тексте девять раз и во всех девяти случаях большевики упомянуты в контексте насилия, а трижды — прямо сопоставлены или даже отождествлены со старым режимом («ленинские жандармы», «большевистские палачи, как и царские опричники», и даже «большевистско-царские опричники»).

Однако «горячий протест» и достаточно радикальная политическая программа не позволили сибирским областным органам утвердиться в качестве реальной власти где-либо на территории востока России. Характерно, что в актах Сибирской областной думы говорится лишь о планах создания армии и отсутствует прямое обращение к каким-либо вооруженным силам, за отсутствием у сибирских властей таковых. Депутаты областной думы разъехались из Томска, а члены правительства во главе с П.Я. Дербером выехали в Харбин.

Ситуация резко изменилась в конце мая — начале июня 1918 г., после антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса и подпольных отрядов, начавших процесс свержения советской власти на востоке России под бело-зеленым знаменем автономной Сибири.

Органом, объявившим о своих правах на правительственную власть в первые же дни антибольшевистского восстания, был Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства, объединивший уполномоченных правительства.

О своем вступлении во власть комиссариат объявил в целом ряде

актов: воззваниях «Граждане крестьяне!» (без даты)<sup>13</sup>, «К населению» от 30 мая 1918 г.<sup>14</sup>, «Граждане» от 31 мая 1918 г.<sup>15</sup>, «Всем самоуправлениям» от 31 мая 1918 г.<sup>16</sup> и, наконец, в декларации «Ко всему населению Западной Сибири» от 1 июня 1918 г.<sup>17</sup> Первые четыре акта были написаны в Новониколаевске. Три из них — воззвания «Граждане крестьяне!», «К населению», «Всем самоуправлениям» — подписаны А.В. Сазоновым, М.Я. Линдбергом и Е.Н. Пославским, воззвание «Граждане» — только М.Я. Линдбергом, декларация «Ко всему населению Западной Сибири» — всеми членами Западно-Сибирского комиссариата — Б.Д. Марковым, П.Я. Михайловым, М.Я. Линдбергом, В.О. Сидоровым.

Кроме того, функции провозглашения политических ценностей новой власти выполнял и специфический военный акт — приказ № 1 командующего войсками Западно-Сибирского военного округа Временного Сибирского правительства полковника А.Н. Гришина-Алмазова от 31 мая 1918 г.

Прежде всего, новая власть формулировала обвинения по отношению к власти прежней и постулировала ее падение. В воззвании «Всем самоуправлениям» говорилось: «Временное Сибирское правительство, избранное Сибирской областной думой, во имя спасения страны от внешнего и внутреннего разгрома, во имя соединения разрозненных большевистской властью частей России в единое целое, во имя восстановления поправленных прав народовластия, — свергло всем опостылевшую большевистскую власть в целом ряде крупных городов революционными отрядами Временного Сибирского правительства при содействии чехословацких войск». Декларация от 1 июня так формулировала эти идеи: «Западная Сибирь очищена от большевиков. Они бегут, унося с собою все, что можно захватить. Ядро нового самодержавия уничтожено. Сибирь вновь свободна». Подчеркивался «антиреволюционный» характер свергнутой власти: «большевистская власть, разрушившая в корне все завоевания революции» («Граждане крестьяне!»), «власть большевиков, поправших дело Русской революции», «врагов истинной демократии» («Граждане»).

Именно в качестве противостоящей этому «новому самодержавию», как революционная легитимировалась новая власть. Подчеркивалась ее приверженность демократическим принципам (в частности,

---

<sup>13</sup> Временное Сибирское правительство... С. 41–42.

<sup>14</sup> Временное Сибирское правительство... С. 43–44.

<sup>15</sup> Временное Сибирское правительство... С. 44–45.

<sup>16</sup> Временное Сибирское правительство... С. 45–46.

<sup>17</sup> Временное Сибирское правительство... С. 46–48.

— разделения властей), ее парламентское происхождение (декларация от 1 июня: «власть перешла к Временному Сибирскому правительству, выдвинутому областной думой»), ее связь с Сибирскими областными съездами 1917 г. и приверженность созыву в ближайшем времени Сибирского учредительного собрания (воззвание «Всем самоуправлениям»). Высшей целью новой власти провозглашалось «спасение всех завоеваний революции и восстановление национальной независимости», либо просто «спасение русской революции», опорой — «трудовая революционная демократия России и Сибири», причем к сотрудничеству призывались «все ее отряды» (Там же).

Приказ командующего войсками полковника А.Н. Гришина-Алмазова был первым актом новой власти, обращенным к ее только что возникающим вооруженным силам. Небольшой по объему, текст приказа состоит из 6 предложений. Первым А.Н. Гришин-Алмазов объявляет о своем вступлении в командование войсками Западно-Сибирского военного округа. Далее он провозглашает задачу «освободить Сибирь от власти большевиков и передать эту власть Сибирскому Временному правительству, которое доведет нас до Всероссийского Учредительного собрания». Далее следует заявление о полной лояльности армии Временному Сибирскому правительству, провозглашение внеклассового и внепартийного характера вооруженных сил, построения их на началах «твердой дисциплины». Командующий выразил уверенность в том, что армия «заслужит любовь» «наших братьев рабочих и крестьян, всех граждан России и Сибири», но одновременно обещает, что армия будет «беспощадна» к «врагам Сибирского Временного правительства». Завершается приказ декларацией «твердой веры в правоту нашего дела» и «непоколебимой уверенности в его успехе».

С одной стороны, приказ развивает темы, ранее озвученные в декларативных актах сибирских антибольшевистских властей. С другой стороны, данный акт стоит в этом ряду несколько особняком. В тексте приказа Россия поставлена на первое место относительно Сибири, а Сибирское Учредительное собрание даже не упомянуто. Именно в этом акте впервые звучит тема восстановления законности («мы... будем честно служить этому законному правительству»).

Уже в воззвании «Всем самоуправлениям» члены Западно-Сибирского комиссариата заявляли, что они «взяли в свои руки общее управление», действуя «от имени Сибирской областной думы и Временного Сибирского правительства». В декларации от 1 июня говорилось, что комиссариат является «высшей местной властью временно». Таким образом, власть комиссариата с самого начала в правовом от-

ношении носила временный и подчиненный отсутствующему правительству характер.

30 июня 1918 г. состоялась передача власти от Западно-Сибирского правительства Совету министров Временного Сибирского правительства. Она была оформлена изданием шести актов: грамоты председателя Сибирской областной думы «Народам Сибири»<sup>18</sup>, воззвания уполномоченных Временного Сибирского правительства «Ко всем гражданам Сибири»<sup>19</sup> и грамот новообразованного Временного Сибирского правительства: одной общей<sup>20</sup> и трех «адресных» («Членам Западно-Сибирского комиссариата уполномоченным Временного Сибирского правительства В.О. Сидорову, М.Я. Линдбергу, П.Я. Михайлову и Б.Д. Маркову»<sup>21</sup>, «Командующему Западно-Сибирской отдельной армией полковнику Гришину-Алмазову»<sup>22</sup>, «Доблестным чехословацким эшелонам»<sup>23</sup>). Эти документы фиксировали правовые основания новой власти.

В грамоте председателя областной думы А.И. Якушева констатировалось, что «со дня низвержения советской власти в Сибири высшим представителем государственной власти являлся Западно-Сибирский комиссариат, назначенный Временным Сибирским правительством», и объявлялось, что «ныне, по прибытии в город Омск достаточного числа членов правительства, избранных Сибирской областной думой, Сибирское правительство в лице: председателя Совета министров и министра внешних сношений Петра Васильевича Вологодского и членов Совета министров: министра внутренних дел Владимира Михайловича Крутовского, министра финансов Ивана Андриановича Михайлова, министра юстиции Григория Борисовича Патушинского и министра туземных дел Михаила Бонифатьевича Шатилова, принимает на себя всю полноту государственной власти на всей территории Сибири».

То, что документ, официально объявлявший о передаче власти, был подписан председателем областной думы, на первый взгляд придавало происшедшей смене внешность законной парламентской процедуры. Однако ни один акт областных съездов, на основании которых действовала Временная Сибирская областная дума, не предоставлял председателю этого органа никаких полномочий, позволявших ему решать вопросы, касавшиеся организации исполнительной вла-

---

<sup>18</sup> Временное Сибирское правительство... С. 102.

<sup>19</sup> Временное Сибирское правительство... С. 98.

<sup>20</sup> Временное Сибирское правительство... С. 102–103.

<sup>21</sup> Временное Сибирское правительство... С. 103–104.

<sup>22</sup> Временное Сибирское правительство... С. 104–105.

<sup>23</sup> Временное Сибирское правительство... С. 105.

сти. Характерно, что И.А. Якушев не нашел нужным согласовать свое решение с действовавшим в Томске частным совещанием членов Сиб-облдумы<sup>24</sup>.

В воззвании «Ко всем гражданам Сибири» говорилось, что Западно-Сибирский комиссариат упразднялся «за выполнением возложенных на него задач», а именно — «организации в пределах Западной Сибири и Степного края достаточной для изгнания узурпаторов народных прав военной силы и восстановлению разрушенных большевиками органов народного самоуправления»; также объявлялось, что «в верховное управление страной вступают члены законно избранной Сибирской областной думой Временного Сибирского правительства». В грамоте Временного Сибирского правительства также фиксировалось, что «избранное Сибирской областной думой правительство, в лице Совета министров» вступает «в верховное управление страной». Впоследствии на эти положения будут ссылаться, ища юридическое обоснование независимости Совета министров от областной думы<sup>25</sup>.

Новая власть подчеркивала, что ее деятельность ведется «в осуществление воли Сибирской областной думы и дальнейшего развития деятельности комиссариата Западной Сибири»<sup>26</sup>. Добровольный, преемственный характер передачи власти подчеркивался сохранением за членами ликвидированного Западно-Сибирского комиссариата званий уполномоченных Временного Сибирского правительства<sup>27</sup>. Однако формулировки деклараций нового правительства существенно отличались от формулировок аналогичных актов Западно-Сибирского комиссариата.

Во-первых, свергнутая советская власть характеризовалась не как «большевистское самодержавие», а как «большевистское иго»<sup>28</sup>, то есть в терминах не социальной, а национальной борьбы. Если воззвание «Всем самоуправлениям» говорило о действиях противников большевиков, используя язык революции («свергнув всем опостылевшую большевистскую власть»<sup>29</sup>), то акты 30 июня — используя образы наведения порядка («разбив банды красноармейцев»<sup>30</sup>, «борьба с темны-

---

<sup>24</sup> Ко всем социалистам-революционерам. Б/м: Типография Сибирского союза социалистов-революционеров, [1919]. С. 4.

<sup>25</sup> Сибирский вестник. 1918. 28 октября.

<sup>26</sup> Временное Сибирское правительство... С. 103.

<sup>27</sup> Временное Сибирское правительство... С. 104.

<sup>28</sup> Временное Сибирское правительство... С. 103.

<sup>29</sup> Временное Сибирское правительство... С. 45.

<sup>30</sup> Временное Сибирское правительство... С. 103.

ми силами, *разрушившими русскую государственность*<sup>31</sup> — курсив везде наш. — В.Ж.).

Во-вторых, сибирские вооруженные силы описывались не как «революционные отряды», а как совокупность офицерства, «принявшего первые и самые жестокие удары сверженной теперь большевистской власти», казачества, «всегдашнего оплота государственности» и «рядовых добровольцев», объятых «патриотическим подъемом»<sup>32</sup>.

В-третьих, если акты комиссариата провозглашали высшей целью и ценностью новой власти «спасение всех завоеваний революции» и лишь затем «восстановление национальной независимости», то декларации Временного Сибирского правительства призывали к «созданию и укреплению на всей территории Сибири как нераздельной части Великой Всероссийской демократической республики незыблемого правопорядка и мощной государственности»<sup>33</sup>.

Наконец, опорой власти провозглашалась не «трудовая революционная демократия», а «все население, без различия национальностей, классов и партий, все государственно-мыслящие элементы, все, кому дорого возрождение России и свобода Сибири»<sup>34</sup>.

Таким образом, можно сказать, что в декларативных актах Временного Сибирского правительства имел место решительный отказ от свойственной законодательству Западно-Сибирского комиссариата революционаристской риторики и выдвижение прежде всего национальных и, во вторую очередь, демократических лозунгов.

23 сентября на заключительном заседании Государственного совещания в Уфе был торжественно провозглашен акт об образовании всероссийской верховной власти<sup>35</sup>. Этот документ, так называемая «уфимская конституция», устанавливал основные положения, которыми обязано было руководствоваться новое правительство.

Во-первых, акт провозглашал новое правительство «единственным носителем верховной власти на всем пространстве Государства Российского».

Во-вторых, акт определял взаимоотношения новой власти с региональными правительствами. Он устанавливал, что все функции верховной власти, «в виду создавшихся условий» «временно отправляемые» региональными властями, должны быть переданы но-

---

<sup>31</sup> Временное Сибирское правительство... С. 105.

<sup>32</sup> Там же.

<sup>33</sup> Временное Сибирское правительство... С. 103.

<sup>34</sup> Временное Сибирское правительство... С. 102.

<sup>35</sup> Конституция Уфимской директории // Архив русской революции. М., 1991. Кн. 6. Т. 12. С. 189.

вому правительству «как только оно этого потребует», а новые «пределы компетенции» местных правительств будут определены самой верховной властью.

В-третьих, акт фиксировал «обязанности правительства в отношении Всероссийского учредительного собрания». Новое правительство объявлялось носителем верховной власти только на срок «до созыва Всероссийского учредительного собрания». Правительство было обязано руководствоваться «в своей деятельности непрерываемыми верховными правами Учредительного собрания». Оно должно было оказывать «всемерное содействие» Съезду членов Всероссийского учредительного собрания в его работе по «подготовке возобновления занятий Учредительного собрания настоящего состава», а по возобновлении этих занятий безусловно подчиниться собранию «как единственной в стране верховной власти» и представить ей отчет о своей деятельности<sup>36</sup>.

Другим документом, возвещавшим о возникновении новой власти, была грамота Временного Всероссийского правительства «Ко всем народам России» от 26 сентября 1918 г.

Вступительная часть данной декларации повторяла основные положения «уфимской конституции», объявляя о создании на Государственном совещании в Уфе Временного Всероссийского правительства. Далее грамота провозглашала «великие цели освобождения родины от внешнего и внутреннего врага»: главной целью новой власти являлось «восстановление государственного единства и независимости России», для чего она, во-первых, «стремится освободить от советской власти еще стонущие под ее игом области России», а во-вторых, — установить «на всем пространстве Государства Российского торжество права, законности и порядка и обеспеченное пользование гражданскими свободами». Объявлялось, что «правительство вновь становится в ряды держав Согласия, дабы в единении с ними продолжить войну против германской коалиции».

Средством достижения означенных целей определялось «восстановление сильной боеспособной единой Российской армии, поставленной вне влияния политических партий и спянной крепкой воинской дисциплиной, покоящейся на началах законности и уважения личности»<sup>37</sup>.

Наконец, третий акт, оформлявший уже не возникновение нового правительства, а ликвидацию предшествовавших ему региональных

---

<sup>36</sup> Конституция Уфимской директории. С. 190.

<sup>37</sup> Приложение газеты «Народная Сибирь». 1918. 1 октября.



властей, был издан много позже — 4 ноября 1918 г. Речь идет о грамоте Временного Всероссийского правительства «Ко всем областным правительствам и ко всем гражданам Государства Российского».

Во вводной части данной декларации обосновывалась необходимость ликвидации областных правительств: «воссоздание боевой мощи Родины» «оказалось невыполнимым при отсутствии единой и стройной системы управления и при наличии в различных областях России особых правительств, встретивших большие трудности в создании условий, необходимых для снабжения армии и организации тыла во всероссийском масштабе».

Далее объявлялось, что, с одной стороны, у правительства имеется твердое намерение «предоставить отдельным частям Государства Российского права широкой автономии», с другой — оно уравнивается «сознанием великой ответственности... в исторический момент создания единого и крепкого Государства».

В заключении грамоты говорилось: правительство верит, что «все части и все народности Великой России, поняв смертельную опасность, грозящую Родине со стороны германо-мадьярских полчищ и их приспешников большевиков, сплотятся в единое мощное целое, дабы под твердым руководством всероссийской верховной власти вывести наконец нашу исстрадавшуюся отчизну из бездны распада на предначертанный ей путь всероссийского государственного возрождения»<sup>38</sup>.

Важное место в ряду декларативных актов Директории занимал обращенный к военнослужащим антибольшевистских армий востока России приказ Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева № 2 от 24 сентября 1918 г.<sup>39</sup>

Написанный сложным, цветистым стилем, приказ поднимал три главные темы. Во-первых, он провозглашал идею единения с союзниками, прежде всего чехословаками («Мы не одни, с нами за освобождение народов и за высшие идеалы человечества борется против Германии и ее союзников весь мир и все народы»). Во-вторых, речь шла об укреплении внутреннего единства антибольшевистских вооруженных сил («Спасение родины требует от всех полного единения», «неповинуящимся нет места в рядах честных бойцов за освобождение своего отечества»). Наконец, провозглашалась уверенность в скорой победе («Смело же с Богом вперед, заря победы уже видна, скоро она

---

<sup>38</sup> Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. 17 ноября.

<sup>39</sup> Уфимская жизнь. 1918. 29 сентября; Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. 1918. 26 октября.

охватит все небо и все мы радостно вздохнем, чувствуя себя свободными и достойными сынами своей великой, могучей и прекрасной Родины»).

В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. в Омске произошел военный переворот, свергший Директорию и приведший к передаче «всей полноты» верховной власти в руки адмирала А.В. Колчака.

Новая власть возвестила о своем образовании двумя декларативными актами — воззванием Верховного правителя «К населению» от 18 ноября 1918 г.<sup>40</sup> и приказом по армии Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 46 от 23 ноября 1918 г.<sup>41</sup>

В первую очередь, эти документы объявляли о прекращении существования прежней власти и возникновении новой. Приказ по армии довольно обстоятельно аргументировал необходимость произошедшей смены власти: «В час колебаний государственной власти и угрозы новой анархии, я не своею волей принял страшную тяжесть верховной власти и всю ответственность с ней связанную перед родиной нашей... Передав мне верховную власть, правительство признало тем самым, что в эти последние часы жизни государства только вооруженная сила, только армия может явиться спасением. Все остальное должно быть подчинено ее интересам и задачам». В воззвании констатировалось: «Временное Всероссийское правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу Русского флота, Александру Колчак[у]. Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, — объявляю...»<sup>42</sup>. Выражение «приняв крест» — явный парафраз Евангелия: «Ко всем же сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» (Лк. 9:23–24).

Далее А.В. Колчак провозглашал цели и задачи новой власти.

Первой, наиболее актуальной задачей называлось укрепление и повышение боеспособности армии («создание боеспособной армии» — обращение, «создать дисциплинированную и боеспособную

---

<sup>40</sup> Правительственный вестник. 1918. 20 ноября.

<sup>41</sup> Правительственный вестник. 1918. 27 ноября.

<sup>42</sup> Правительственный вестник. 1918. 20 ноября. Это же выражение, как описывающее взгляд А.В. Колчака на свою роль, использовал А.П. Будберг, когда записал в своем «Дневнике» под датой 26–31 октября 1919 г.: «На свой пост Адмирал смотрит, как на тяжелый крест и великий подвиг, посланный ему свыше...» // Архив русской революции. М., 1991. Т. 15. С. 331.

Армию Русскую» — приказ).

Второй, неразрывно с первой связанной, — «победа над большевизмом». В приказе эта победа трактовалась как «очищение»: «Я призываю вас... выполнить честно свой долг перед Родиной, с оружием в руках смыть тяжкий позор на нее наброшенный, очистить ее от предателей и врагов».

Третьей задачей, решение которой возможно лишь при условии победы, провозглашалось «возрождение и воскресение погибающего государства» (приказ), иначе — «установление законности и правопорядка» (обращение).

Решение этих непосредственных задач рассматривалось лишь как залог осуществления главной цели. Вся деятельность новой власти объявлялась нацеленной на то, чтобы «народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает» (обращение), чтобы «временная верховная власть Верховного правителя и Верховного главнокомандующего могла бы передать судьбу государства в руки народа, предоставив ему устроить государственное управление по своей воле» (приказ).

Наконец, в определении высшей цели государственного строительства, эти два документа несколько отличались друг от друга. Обращение к населению выдвигало в качестве такой цели возможность «осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру». В приказе по армии говорилось про обретение Россией «подобающего места среди великих государств».

Заканчивались эти две декларации также по-разному. Обращение от 18 ноября завершалось призывом, сформулированным в стиле Французской революции: «Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам». Что касается приказа по армии, в конце этого документа прозвучал эмоционально акцентированный религиозный мотив: «Да поможет нам Господь Бог всемогущий, которого многие из нас в годы великих испытаний забыли, выполнить свои обязательства и долг перед Родиной»<sup>43</sup>.

Интонационные и смысловые различия этих двух декларатив-

---

<sup>43</sup> Принадлежность текста приказа в целом и данного фрагмента в частности личному авторству А.В. Колчака подтверждается использованием характерного для него оборота «обязательства и долг». Он неоднократно встречается в письмах к А.В. Тимиревой, например в одном из писем от августа 1917 г.: «Я говорил сегодня... о конечной цели жизни — славе военной, ореоле выполненного обязательства и долга перед своей Родиной». См.: Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». Сб. док. / Сост. Т.Ф. Павлова, Ф.Ф. Перченко, И.К. Сафонов. М., 1996. С. 100.

ных актов были важным симптомом двойственности идеологической и политической основы нового режима.

Итак, правовое положение государственной власти восточно-российского антибольшевизма носило не вполне определенный и нестабильный характер. В ситуации революционного раскола общества, когда не существовало всеми признанных правил и норм поведения, власть в принципе не могла обрести полноценной легитимности. Ни одна из властей восточно-российской контрреволюции не могла похвастаться бесспорной законностью происхождения. В этих условиях антибольшевистские власти избирали несколько стратегий легитимации.

Во-первых, все антибольшевистские правительства использовали эмоциональные гарантии своей легитимности, оперируя «образом врага» как единственной альтернативой своей власти.

Во-вторых, власти обращались к значимым для тех или иных частей общества ценностям, надеясь в приобщении к ним почерпнуть законность своего существования. Характерна сложная, нелинейная эволюция наборов таких ценностей. Западно-Сибирский комиссариат апеллировал к ценностям революционаристским и демократическим, Временное Сибирское правительство — к национальным и демократическим, Директория — к демократическим и национальным, Верховный правитель — к национальным, демократическим и религиозным.

Наконец, обосновывая свое право на власть, различные правительства прибегали к двум вариантам внешней легитимации. В первом случае, гарантией законности власти являлось прямое или опосредованное происхождение от некоего суррогата народного представительства (Временной Сибирской областной думы или Государственного совещания). Так позиционировали себя Западно-Сибирский комиссариат, Директория и, в начальный период своей деятельности, Временное Сибирское правительство. Но вскоре Сибирское правительство сформулировало иной подход к обоснованию своих прав на власть. Оно подчеркивало, что опирается на сам факт обладания властью и на признание этой власти населением и обществом. Аналогичным образом легитимировал свою власть Верховный правитель. Зыбкость и условность обоих способов аргументации очевидны.

*Д.Г. Симонов*

## **АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ 1918 — НАЧАЛЕ 1919 г.**

История белогвардейских вооруженных формирований, действовавших в годы гражданской войны на Дальнем Востоке, получила крайне неравномерное освещение в исследовательской литературе. Недостаточно изученным остается военное строительство в регионе на начальной фазе вооруженной борьбы — в 1918 г. Самые общие сведения о возникновении и формировании здесь антибольшевистских вооруженных сил имеются в публикациях С.Н. Савченко и С.В. Волкова<sup>1</sup>. Ряд вопросов данной темы получил освещение в наших статьях<sup>2</sup>. Но она нуждается в дальнейшем исследовании, прежде всего на эмпирическом уровне. Ввести в научный оборот новый фактический материал и осуществить его первичный анализ — такие задачи решаются в предлагаемой статье.

Советская власть на всей территории Дальневосточного края была провозглашена 25 (12) декабря 1917 г. на III съезде советов, проходившем в Хабаровске. Реально же власть большевиков на Дальнем Востоке установилась лишь к февралю — марту 1918 г. 30 апреля ранее созданный Комитет советов Дальневосточного края был преобразован в Дальневосточный совет народных комиссаров (Дальсовнарком)<sup>3</sup>. Его вооруженной опорой являлись отряды Красной гвардии, насчитывавшие к маю 1918 г. 25,7 тыс. человек<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> *Савченко С.Н.* Белая армия на Дальнем Востоке: возникновение и структура (сентябрь 1918 — февраль 1920 гг.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922). Вып. 2. Хабаровск, 1999. С. 36–69; *Волков С.В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб. М., 2003.

<sup>2</sup> *Аблажей Н.Н., Симонов Д.Г.* Атаман Г.М. Семенов в Белом движении (1917–1945 гг.) // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах. Материалы региональной научной конференции 19 мая 2003 г. Новосибирск, 2003. С. 57–72; *Симонов Д.Г.* Антибольшевистские войска Приморской области летом 1918 года // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории XVII — XXI вв. Бахрушинские чтения 2007 г. Новосибирск, 2007. С. 95–108.

<sup>3</sup> *Шишкин С.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918–1922 гг. М., 1957. С. 8, 9.

Знамя борьбы с большевизмом на Дальнем Востоке первым поднял есаул Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенов. Еще в мае 1917 г. он написал доклад на имя военного министра Временного правительства А.Ф. Керенского и отправил его в Петроград через своего друга Е.Д. Жуковского. В этом докладе Семенов предложил сформировать у себя на родине отдельный конный монголо-бурятский полк и привести его на фронт якобы с целью «пробудить совесть русского солдата, у которого живым укором были бы эти инородцы, сражающиеся за русское дело». На самом деле, по мнению Л.А. Юзефовича, побуждения Семенова были несравненно прагматичнее. Он, видимо, хотел переждать в тылу смутное время развала армии, а затем, если ситуация изменится к лучшему, прибыть на фронт во главе лично им сформированной и лично ему преданной боевой единицы. Она могла бы стать надежным фундаментом быстрой военной карьеры<sup>5</sup>.

Инициатива Семенова была поддержана. В сентябре 1917 г. он с мандатом комиссара Временного правительства прибыл в Забайкалье и, расположившись на станции Маньчжурия Китайско-Восточной железной дороги, приступил к организации Монголо-Бурятского полка. После свержения большевиками Временного правительства Г.М. Семенов остался без организационной и материальной поддержки со стороны штаба Иркутского военного округа. По этой причине формирование полка шло довольно медленно. К 12 декабря 1917 г. в его рядах состояло 9 офицеров, 35 казаков и 40 бурят, всего — 84 добровольца<sup>6</sup>.

Вскоре Семенов получил возможность пополнить свои силы. В конце декабря через станцию Маньчжурия прошли на восток эшелоны возвращавшегося с фронта Уссурийского казачьего полка. Группа офицеров и сотня казаков этого полка вступили в ряды Монголо-Бурятского полка. Командир Уссурийского казачьего полка войсковой старшина Л.В. Вериго передал Семенову два пулемета и несколько походных кухонь. Тогда же со станции Даурия были привезены четыре полевых орудия 1-й Забайкальской казачьей батареи с лошадьми и амуницией, также вернувшейся с фронта<sup>7</sup>.

К 9 января 1918 г. в Монголо-Бурятском конном полку уже числились 51 офицер, 3 чиновника, 300 баргутов, 80 монголов и 125 русских

---

<sup>4</sup> Конев А.М. Красная гвардия на защите Октября. М., 1989. С. 257–258.

<sup>5</sup> Юзефович Л.А. Самодержец пустыни. М., 1993. С. 38.

<sup>6</sup> Сергеев В.Л. Очерки по истории Белого движения на Дальнем Востоке. Харбин, 1937. С. 34.

<sup>7</sup> Известия войск Восточного фронта. 1918. 26 авг.; Марковчин В.В. Три атамана. М., 2003. С. 178.

добровольцев, всего 556 человек. 10 января Семенов подписал приказ о дополнительном формировании, кроме Монголо-Бурятского полка, Семеновского пешего полка и артиллерийской батареи двухорудийного состава. Основу пешего полка составили около 300 сербских добровольцев под командованием подполковника Драговича<sup>8</sup>. Таким образом был образован отряд, получивший по месту своей дислокации название Особого маньчжурского (ОМО).

Помощником Г.М. Семенова как командира Особого маньчжурского отряда был назначен генерал-майор Н.В. Никонов, начальником штаба отряда — полковник Н.Г. Нацвалов, дежурным штаб-офицером штаба — полковник С.А. Бирюков, интендантом отряда — генерал-майор С.А. Мунгалов. Должности командира Монголо-Бурятского полка занял полковник Г.Е. Мациевский, командира Семеновского пешего полка — подполковник М.М. Лихачев, начальника артиллерии — полковник Д.В. Загоскин, начальника пулеметной команды — полковник Крузе<sup>9</sup>.

В полосе отчуждения КВЖД, где обосновался Семенов, при поддержке китайских властей еще в декабре 1917 г. были ликвидированы все советские организации. Административная власть здесь сосредоточилась в руках управляющего железной дорогой генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата, занимавшего этот пост еще с дореволюционных времен. Хорват и его администрация не поддержали инициативы Семенова, но и особо не препятствовали его деятельности.

Формированию ОМО в определенной степени способствовало и то, что в Чите, административном центре Забайкальской области и Забайкальского казачьего войска, большевики еще не имели сколько-нибудь прочных позиций. В начале января 1918 г., когда во всех крупных городах Сибири и Дальнего Востока уже установилась советская власть, в Чите был образован коалиционный Народный совет под председательством меньшевика М.А. Ваксберга. Народный совет принял на себя властные полномочия «впредь до установления во всей Российской республике власти, признанной всем народом или огромным его большинством». В Чите действовал также совет рабочих и солдатских депутатов, находившийся в оппозиции к Народному совету<sup>10</sup>.

В отличие от совдепа, в распоряжение которого имелся хорошо вооруженный отряд Красной гвардии, Народный совет не располагал

---

<sup>8</sup> *Атаман Семенов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы.* М., 1999. С. 126–127.

<sup>9</sup> *Марковчин В.В. Указ. соч.* С. 179.

<sup>10</sup> *Агалаков В.Т. Советы Сибири (1917–1918 гг.).* Новосибирск, 1978. С. 110–111.

собственными вооруженными силами. Положение изменилось, когда в ночь на 17 января 1918 г. в Читу прибыл 1-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска во главе с полковником Н.М. Комаровским, сохранившим дисциплину и весь офицерский состав. Как следствие, у Народного совета возникла реальная возможность упразднить Читинский совдеп и распустить отряд Красной гвардии.

Накануне, в ночь на 16 января, по приказу Г.М. Семенова из ст. Маньчжурия в направлении на Читу выступил железнодорожный эшелон, в котором располагались 102 бойца под командованием сотника Н.И. Савельева. Конечной задачей этого отряда являлось соединение с 1-м Читинским полком и ликвидация советских организаций в Чите. 16 января отряд Савельева без боя занял ст. Оловянная. У находившихся здесь красногвардейцев было отобрано 78 винтовок и 12 шашек. К вечеру того же дня белые без боя заняли станции Карымская и Адриановка.

В этой ситуации руководители Народного Совета не решились занять четкую антибольшевистскую позицию, и 18 января направили на станцию Адриановка делегацию во главе с читинским городским головой А.А. Лопатиным, который предложил Семенову «во избежание кровопролития и междоусобий в Чите» вернуть части ОМО обратно на станцию Маньчжурия. С такой же просьбой обратился к Г.М. Семенову и атаман Забайкальского казачьего войска полковник В.В. Зимин. В результате был составлен акт, согласно которому представители Народного совета обещали не допустить восстановления в Чите советской власти, а Г.М. Семенов взял на себя обязательство действовать этому, но, не вводя в город части ОМО<sup>11</sup>.

Власть Народного совета в Чите продержалась недолго. 16 февраля сюда прибыл распропагандированный большевиками 2-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска. Во взаимодействии с местными красногвардейцами казаки, не встретив сопротивления, заняли ключевые пункты в Чите. В тот же день вновь образовавшийся большевистский военно-революционный штаб потребовал от Народного совета передать власть исполкому и самораспуститься. Вечером состоялось последнее заседание Народного совета, на котором было принято решение выполнить данное требование. В результате в Чите установилась советская власть<sup>12</sup>.

---

<sup>11</sup> *Василевский В.И.* Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах: Краткие очерки истории. Чита, 2000. С. 12–14; *Атаман Семенов.* Указ. соч. С. 137–138.



С этого времени большевики приступили к организации боевых сил для борьбы с ОМО. Из Читы в сторону станции Маньчжурия выступили рота Красной гвардии и поддержавший большевиков 1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска. Командующим этими силами был назначен бывший прапорщик С.Г. Лазо, посланный Центральным исполнительным комитетом советов Сибири (Центросибирь) из Иркутска в Забайкалье для организации борьбы с Семеновым. Так возник Даурский (Забайкальский) фронт — один из первых фронтов гражданской войны в России<sup>13</sup>. В последних числах февраля войска советского Забайкальского фронта перешли в контрнаступление. 27 февраля они заняли станцию Борзя и разъезд № 81, 1 марта — станцию Даурия, 5 марта — станцию Шарасун, 8 марта — станцию Мацевская. Потрепанные в боях части ОМО отступили на территорию Китая и сосредоточились в районе станции Маньчжурия<sup>14</sup>.

По собственному признанию Г.М. Семенова, начиная борьбу с большевиками, он считал необходимым иметь при себе «хотя бы в зародыше» аппарат государственной власти. Поэтому штаб ОМО, помимо чисто оперативных функций, стал выполнять функции органов верховной и исполнительной власти. Как командующий самостоятельным антибольшевистским фронтом, Семенов присвоил себе права командующего отдельной армией, предусмотренные соответствующими статьями дореволюционного «Положения о полевом управлении войск». Схема организации ОМО была приспособлена к требованиям жизни. Помимо чисто военных отделов управления, состоявших из штаба отряда с оперативным, инспекторским и интендантским подразделениями, отряд имел совершенно самостоятельные судебно-административный, финансовый, железнодорожный, политический и мобилизационный отделы. В дальнейшем, в ходе продвижения ОМО вглубь территории Забайкалья, было образовано Временное правительство Забайкальской области, в состав которого вместе Г.М. Семеновым (председатель и руководитель по военным вопросам) вошли генерал-майор И.Ф. Шильников, возглавивший военно-административную и мобилизационную часть, и С.А. Таскин, взявший на себя гражданское управление на освобожденной территории<sup>15</sup>.

---

<sup>12</sup> *Василевский В.И.* Указ. соч. С. 15.

<sup>13</sup> *Шишкин С.Н.* Указ. соч. С. 14.

<sup>14</sup> *Познанский В.С.* Указ. соч. С. 69–70.

<sup>15</sup> *Атаман Семенов.* Указ. соч. С. 147–148; Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 — октябрь 1918 г.). Док. и материалы. Владивосток, 1997. С. 203.

На первых порах единственным источником снабжения ОМО являлись реквизиции. Так, 14 февраля 1918 г. на основании приказа по отряду № 23 от 11 февраля комиссия под председательством полковника Дмитриева осуществила реквизицию помещений переселенческого пункта при поселке Маньчжурия, а также имевшихся в поселке гостиниц<sup>16</sup>, необходимых для размещения частей отряда. 23–24 марта 1918 г. по приказу Семенова в поселке Маньчжурия и его окрестностях была проведена реквизиция лошадей. Реквизиции подлежали все, в том числе и единственные у владельцев, лошади. Лиц, уклонявшихся от реквизиции, Семенов приказал немедленно арестовывать и судить по законам военного времени.<sup>17</sup> 16 марта 1918 г. харбинская газета «Призыв» сообщила, что атаман Семенов реквизирует электрическую станцию бывшего железнодорожного полка в Хайларе и предложил Хайларскому общественному управлению купить ее за 180 тыс. руб. Хайларские общественники весьма сочувственно встретили предложение Семенова и обратились к управлению КВЖД с просьбой утвердить сделку. Эта просьба поставила в затруднительное положение управление дороги вследствие «сомнительной законности затеянной купли-продажи»<sup>18</sup>.

Не располагая материально-технической базой для ведения активной борьбы с большевиками, Г.М. Семенов обратился за помощью к представителям иностранных держав — союзникам России по Первой мировой войне. В начале января 1918 г. атаман встретился в Харбине с английским генеральным консулом Портером и заверил его в своем стремлении восстановить противогерманский фронт хотя бы на Байкале и намерении начать борьбу с большевиками, как ставленниками Германии. В ответ Портер передал Семенову на организацию борьбы 400 тыс. мексиканских долларов. Тогда же Семенов познакомился с прибывшим из Пекина помощником английского военного атташе в Китае майором Дени. Последний передал Семенову некоторое количество имевшегося в его распоряжении оружия и стал английским представителем при ОМО. Вскоре к Семенову прибыл представитель французского посольства в Китае капитан Пелье и представитель Японии

---

<sup>16</sup> Были реквизированы 6 номеров в Никитском подворье, 2 номера в гостинице «Россия», 4 номера в гостинице «Лондон», 3 номера в гостинице «Марсель», 2 номера в меблированных комнатах Аноева, 2 номера в гостинице «Коммерческая», 4 номера в гостинице «Централь», 4 номера в гостинице «Метрополь», 2 номера в «Маньчжурском подворье» и 2 номера в гостинице «Ориант» (РГВА. Ф. 39539, оп. 1, д. 2, л. 13).

<sup>17</sup> Восточная Азия. 1918. 23 марта.

<sup>18</sup> Призыв. 1918. 16 марта.

майор Ч. Куроки. Они, подобно майору Дени, имели официальные полномочия: помочь Семенову в организации снабжения ОМО.

Вскоре, примерно в мае 1918 г., английские и французские представители при ОМО прекратили оказывать непосредственную помощь Семенову, сделав ставку на прибывшего в Харбин адмирала А.В. Колчака. По свидетельству Семенова, майор Дени, капитан Пелье и майор Куроки уведомили его, что отныне Англия и Франция будут снабжать деньгами, амуницией и вооружением воинские формирования в полосе отчуждения КВЖД, находившиеся в ведении генерала Д.Л. Хорвата, а обеспечением ОМО будет заниматься исключительно Япония<sup>19</sup>.

\* \* \*

Во время первого наступления ОМО на Читу была предпринята попытка свержения советской власти в Благовещенске — административном центре Амурской области. Инициатором и руководителем антибольшевистского движения здесь стал атаман Амурского казачьего войска И.М. Гамов.

В начале января 1918 г. в Благовещенск вернулась с фронта Амурская казачья бригада. 1-й Амурский казачий полк оказался большевистски настроенным. Офицерский состав в нем был смещен, а командование осуществлял полковой комитет. Поэтому войсковое правление приняло решение немедленно распустить личный состав полка по домам. 2-й Амурский казачий полк и артиллерийская батарея (1 тыс. сабель, 4 орудия), сохранившие старый командный состав, были оставлены в Благовещенске и стали главной опорой атамана Гамова. К этому времени для прохождения военных сборов войсковое правление стянуло в Благовещенск 800 молодых казаков.

Большой круг Амурского казачьего войска 17 января отказался признать советскую власть и потребовал восстановить Учредительное собрание. Одновременно по решению большого круга были сформированы полк четырехсотенного состава и артиллерийская батарея из казаков призыва 1916–1918 гг. (900 сабель, 4 орудия). Второе областное земское собрание 1 февраля также высказалось за восстановление Учредительного собрания и предложило организовать на местах коалиционную власть из представителей земств, городских дум, казачьих самоуправлений и советов рабочих и солдатских депутатов при соблюдении пропорционального представительства. По инициативе домовладельцев Благовещенска был организован «Союз добро-

---

<sup>19</sup> Собственноручные показания арестованного Семенова Григория Михайловича от 5 сентября 1945 г. // *Марковчин В. Три атамана. М., 2003. С. 161–162.*

вольной гражданской милиции» во главе со штабс-капитаном Языковым. В милицию записалось около 1,5 тыс. человек, в основном из числа домовладельцев, торговцев, чиновников и гимназистов. Кроме того, в городе были сформированы офицерская рота (120 чел.) и японский отряд (60–80 чел.). В итоге атаман Гамов располагал значительной по местным условиям вооруженной силой — около 4,4 тыс. человек при 8 орудиях. Благовещенский совдеп располагал значительно меньшими силами — около 1 750 красногвардейцев и матросов Амурской военной флотилии<sup>20</sup>.

6 марта 1918 г. при попытке захватить оружие на военных складах большевики арестовали штабс-капитана Языкова. На требование атамана Гамова освободить арестованного председатель Благовещенского совдепа Ф.Н. Мухин ответил отказом. Арест Языкова явился поводом к антибольшевистскому восстанию в Благовещенске. К вечеру восставшие разоружили советский гарнизон города, захватив артиллерийскую батарею, несколько пулеметов, сотни винтовок, и арестовали около 600 сторонников советской власти. Около 800 красногвардейцев и матросов сосредоточились в Затоне на окраине Благовещенска, а 8 марта отступили вдоль р. Зея к селу Астрахановка. В тот же день мятежники попытались овладеть Астрахановкой, но были отбиты. 9 марта после артиллерийской подготовки была предпринята вторая попытка взять этот пункт, также безуспешная.

11 марта атаман Гамов объявил осадное положение в Благовещенске и общую мобилизацию мужского населения в возрасте от 18 до 50 лет. Общая численность белогвардейской группировки достигла 7–8 тыс. человек. К этому времени в Астрахановке сосредоточилось 10–12 тыс. красногвардейцев и матросов, прибывших из разных населенных пунктов Амурской и Приморской области под общим командованием А.И. Комарова. В 4 час. утра 12 марта советские войска при поддержке артиллерийского огня бронепоездов и канонерской лодки «Орочанин» перешли в наступление. Бой шел за каждую улицу, за каждый дом. Главный опорный пункт белогвардейцев в городе — железнодорожный вокзал — был сдан красным вечером того же дня (примерно в 18 час.), когда около половины его защитников выбыли из строя убитыми и ранеными. Под сильным артиллерийским огнем атаман Гамов и наиболее активные его сторонники переправились на правый берег Амура и укрылись в китайском городе Сахалине. Всего в ходе описываемых событий с обе-

---

<sup>20</sup> Бойко-Павлов Д.И., Сидорчук Е.П. Так было на Дальнем Востоке. М., 1964. С. 159, 163, 168.

их сторон было убито около трехсот человек и ранено — примерно пятьсот<sup>21</sup>.

\* \* \*

В апреле 1918 г. военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке резко изменилась не в пользу советской власти. В ночь на 5 апреля было совершено провокационное нападение неизвестных лиц на Владивостокское отделение японской конторы «Исидо» При этом два японца были убиты и один ранен. Нападение на японскую контору послужило формальным поводом к открытой военной интервенции. 5 апреля во Владивостоке высадился японский десант в составе двух рот. Вслед за японцами в тот же день сошло на берег около полуроты английской морской пехоты, а 6 апреля — еще 250 японских матросов<sup>22</sup>.

Вскоре после высадки во Владивостоке японского и английского десантов возобновил свою деятельность и атаман Семенов. 7(20) апреля ОМО выступил со станции Маньчжурия и предпринял второе наступление на Читу. Справедливости ради следует отметить, что это наступление отнюдь не было сознательно приурочено в высадке иностранных войск во Владивостоке. Скорее всего, эти два события лишь случайно совпали по времени.

По словам Г.М. Семенова, план вторжения в пределы Забайкалья базировался на быстром распространении его влияния на возможно большую часть территории Забайкальского казачьего войска, чтобы иметь возможность мобилизовать занятые станицы и получить таким путем необходимое отряду пополнение. В конце марта 1918 г. он объявил мобилизацию забайкальских казаков 2-го военного отдела в приграничных с Маньчжурией станицах по рекам Аргунь и Онон и приступил к формированию трех полков: 1-го Ононского, 2-го Акшинско-Мангутского и 3-го Пуринского общей численностью в 900 сабель. Таким образом, объявленная мобилизация дала возможность усилить отряд бригадой конницы трехполкового состава и приступить к дополнительному оборудованию броневых поездов, на которые была возложена охрана железнодорожной линии в тылу ОМО и содействие его передовым частям в их продвижении вперед. Большую помощь Семенову оказали японцы. Они предоставили ему несколько сотен своих солдат, артиллерийские орудия с прислугой и несколько штаб-

---

<sup>21</sup> *Бойко-Павлов Д. И., Сидорчук Е. П.* Указ. соч. С. 169–180; *Шишкин С. Н.* Указ. соч. С. 15–17.

<sup>22</sup> *Шишкин С. Н.* Указ. соч. С. 19.

ных офицеров. К апрелю 1918 г. у Семенова насчитывалось в общей сложности около трех тысяч человек и 15 орудий<sup>23</sup>.

Перед началом наступления генерал Н.В. Никонов, помощник Г.М. Семенова по военной части, обратил внимание на «чисто формальную ненормальность» в существовавшей в ОМО иерархии. Будучи в чине есаула, Семенов имел в своем подчинении генералов и штаб-офицеров, в отношении которых являлся их непосредственным начальником. Чтобы обойти неловкость подчинения Семенову старших в чине, высший командный состав отряда обратился к нему с предложением принять на себя звание атамана ОМО. Лишь спустя несколько месяцев это звание Семенова было узаконено избранием его на пост походного атамана Дальневосточных казачьих войск<sup>24</sup>.

9 (22) апреля 1918 г. Особый Маньчжурский отряд без боя занял станцию Даурия. Предпринятая вскоре красными попытка осуществить обходной маневр не увенчалась успехом. Вечером 14 (27) апреля отряд подьесаула А.И. Тирбаха вышел в тыл советским войскам, располагавшимся у станции Борзя, и взорвал железнодорожный мост через р. Борзя. В 8 час. утра 15 (28) апреля главные силы ОМО возобновили наступление и к 15 час. заняли станцию Борзя и поселок Суворовский. Были захвачены три пулемета, винтовки, снаряды, патроны, несколько железнодорожных вагонов и другие трофеи. В этом бою белые потеряли четыре человек убитыми и 15 ранеными. По официальной версии, наступившая темнота и сильный ветер помешали организовать преследование противника, благодаря чему красным удалось исправить поврежденный мост и вывести артиллерию. На следующий день семеновцы заняли станцию Хадабулак. Здесь конный разъезд ОМО захватил два артиллерийских орудия<sup>25</sup>.

С внешней стороны действия ОМО при наступлении на Читу выглядят вполне успешными. Однако, по свидетельству генерала И.Ф. Шильникова, это наступление было организовано из рук вон плохо. Общего приказа с изложением боевой задачи Семенов не подготовил. Оперативные распоряжения он отдавал последовательно каждому начальнику, в силу чего никто не знал о том, что делает сосед. Рабочий поезд для исправления железнодорожного пути был забыт и опоздал почти на сутки. Расчет времени перед наступлением сделан не был. В результате удар обходной колонны войскового старшины Золотухина из Кулусутая в тыл красным произошел на 1 ½

<sup>23</sup> *Атаман Семенов*. Указ. соч. С. 148–149; *Шишкин С.Н.* Указ. соч. С. 22.

<sup>24</sup> *Атаман Семенов*. Указ. соч. С. 149.

<sup>25</sup> *Сибирская жизнь*. 1918. 11 июня.

суток раньше общей атаки станции Борзя и имел только отрицательные результаты, так как, не принеся конкретной пользы, вывел из боя всю конницу ОМО. Артиллерия в количестве девяти орудий, испугавшись огня одной большевистской пушки, стрелявшей с платформы, была уведена полковником Загоскиным в тыл. Благодаря этому красные получили возможность увести девять своих эшелонов, которые застряли в шести верстах от Борзи из-за забитости путей<sup>26</sup>.

На станции Борзя 17 (30) апреля 1918 г. атаман Г.М. Семенов подписал приказ о мобилизации забайкальских казаков для борьбы с большевиками. В приказе говорилось следующее: «Станичники! Большевики, разграбив города, начали уже грабить и села. Борзя, Чиндант, Цасучей, Цаган-Олуй, Цугальская волость уже пострадали от их набегов. Во всех этих селениях взяты и увезены бесплатно лошади. Наконец, чаша терпения казаков переполнилась. Кулусутай дал этой банде хороший отпор. Заранее организованный, получив оружие и пулеметы из отряда, он встретил их, разбил, прогнал и освободился от грабежей. За ним встали Ононские станицы. И теперь Ононская линия неуязвима. Станичники! До каких пор вы будете жить под страхом прихода большевиков, до каких пор вы будете дрожать за свое имущество, за ваш скот, хлеб и даже за свою жизнь? Нужно мобилизоваться. Вы будете вооружены, у вас будут артиллерия и пулеметы. Прогоним этих грабителей из своего Забайкалья, займем Читу и восстановим порядок, спокойно займемся мирным производительным трудом».

Дабы поддержать ононских казаков в борьбе с большевиками, Семенов приказал станичным атаманам станиц Букунской, Верхне-Ульхунской, Могойтуевской, Акшинской, Мангутской, Дурулгуевской, Цасучеевской, Чиндан-Гродековской, 2-й Чиндантской, Цаган-Олуевской, Абагайтуевской, Дуроевской, Манкегурской и Онон-Борзинской немедленно призвать всех офицеров, врачей и чиновников в возрасте до 45 лет и казаков от 21 до 29 лет (т. е. срока службы 1911–1918 гг.). Названные категории лиц предлагалось командировать: верхним станицам до Могойтуя включительно — в Акшу в распоряжение есаула Н.Ф. Шильникова, а остальным низовым станицам — на станцию Борзя в распоряжение особой комиссии. Все казаки должны были прибыть на лошадях и по возможности с оружием и в форменном обмундировании<sup>27</sup>.

---

<sup>26</sup> Катанаев Г.Е. На заре сибирского самосознания. Воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. Новосибирск, 2005. С. 321.

<sup>27</sup> РГВА. Ф. 39539, оп. 1, д. 3, л. 36–38.

Призыв Семенова встретил живой отклик у казаков. Так, уже 18 (31) апреля к месту назначения прибыли 300 казаков, в том числе 90 — из Кулусутаевской станицы, 50 — из 2-й Чиндантской станицы, 126 — из Цасучеевской станицы, 34 — из Абагайтуевской станицы. Ввиду успешности мобилизации по предложению генерала И.Ф. Шильникова 24 апреля было принято решение освободить от призыва три категории лиц: совершенно неспособных к службе, имеющих об этом свидетельства из лазаретов и отметки в послужных списках; единственных в семье работников при престарелых родителях или имеющих детей без матери; всех народных учителей<sup>28</sup>.

Тогда же, находясь на станции Карымская, атаман Семенов объявил призыв казаков в станицах Митрофановской, Размахнинской, Кайдаловской и Маклаковской. Все призванные должны были непосредственно присоединиться к отряду, продвигавшемуся по железной дороге на Читу. Одновременно он потребовал от всех станичных атаманов, чтобы казаки, не выполнившие приказ о мобилизации, были арестованы и препровождены к коменданту станции Борзя для последующей отправки в юридический отдел ОМО<sup>29</sup>. В результате мобилизации численность ОМО к концу апреля достигла 6 тыс. чел. и 3 тыс. лошадей (см. табл.).

Третьего мая части ОМО заняли станцию Оловянная. Советские отряды, не принимая боя, отступили, взорвав железнодорожный мост через р. Онон<sup>30</sup>. Как свидетельствует генерал И.Ф. Шильников, при занятии станции артиллерия под управлением полковника Загоскина ничего не предприняла, чтобы воспрепятствовать красным взорвать этот мост. Большевистский командующий С.Г. Лазо пять раз лично подъезжал на автомобиле к мосту поджигать бикфордов шнур и произвел несколько взрывов, — артиллеристы при этом не произвели ни одного выстрела. После занятия Оловянной, несмотря на настояния генерала Шильникова, атаман Семенов не отдал приказа о продолжении наступления. «К несчастью», взятие Оловянной произошло за два дня до Пасхи, и после победы все устремились кутить в Маньчжурию, начиная с самого атамана — он нашел повод для каких-то переговоров с китайскими и монгольскими властями. Молодежь занялась пьянством и в Маньчжурии, и на фронте, не заботясь о ближайшем будущем<sup>31</sup>.

<sup>28</sup> РГВА. Ф. 39539, оп. 1, д. 3, л. 14, 74.

<sup>29</sup> РГВА. Ф. 39539, оп. 1, д. 3, л. 13, 41.

<sup>30</sup> Сибирская жизнь. 1918. 11 июня.

<sup>31</sup> Катанев Г.Е. Указ. соч. С. 322.



**Таблица. Численность Особого Маньчжурского отряда в конце апреля 1918 г.\***

Наименование частей	Офицеров	Солдат	Лошадей
Штаб атамана	15	—	—
Штаб отряда	12	15	—
Пеший [Семеновский] полк	107	900	90
Конный монголо-бурятский полк	76	247	302
Артиллерия	52	273	276
Артиллерийское снабжение	7	84	2
Железнодорожный отдел	44	22	—
Автомобильная рота	15	48	—
Госпиталь	9	16	—
Комендант станции	2	1	—
Начальник отделения конского запаса	2	8	30
Разведывательное отделение	4	1	2
Юридический отдел	5	1	—
Резерв офицеров	1	—	—
1-й Ононский полк	37 (251)	439 (1 616)	498 (702)
2-я батарея Забайкальского дивизиона	5	23	38
Акшинская колонна	10	320	340
Манкегурская сотня	3	155	158
Охрана железной дороги	2	72	30
2-й Маньчжурский полк (мусульман)	(57)	500 (1 009)	(1 064)
Харачины	—	253	—
Маршевая рота	—	300	—
<b>Всего в ОМО</b>	<b>408(679)</b>	<b>3 678 (5 364)</b>	<b>1 734 (3 002)</b>

\* Составлена по: РГВА. Ф. 39539, оп. 1, д. 3, л. 54.

Празднуя очередную победу, атаман Семенов продолжал издавать приказы. Осознавая, что станицы, отправившие своих казаков на службу в ОМО, могут подвергнуться нападению со стороны большевиков, 24 апреля (6 мая) он приказал им организовать отряды самообороны, на вооружение которых из запасов отряда было выделено 280 мексиканских винтовок и 14 тыс. патронов. Для руководства самообороной атаман назначил: а) от Букуна до Могойтуевской станицы включительно — офицера по назначению начальника Акшинского отряда есаула Н.Ф. Шильникова с местопребыванием в Акше, б) от Могойтуевской станицы исключительно до станицы Борзя и поселка Хадобулак Чиндантской станицы — прапорщика Моторина с местопребыванием в Цасучее и в) от Абагайтуйа до Соктуевского поселка — подъесаула Викулова с местопребыванием в Абагайтуйе. Предполагалось, что в случае нападения большевиков на какую-либо станицу, начальник самообороны мобилизует казаков по числу имеющихся

винтовок и отразит нападение. Отряду ОМО, располагавшемуся на станции Даурия ставилась задача служить резервом для охраны линии Маньчжурия — Оловянная, держать под угрозой местных большевиков Нерчинско-Заводского уезда и в случае надобности высылать необходимые силы для помощи поддержавших Семенова станиц. Для выполнения указанной задачи отряду придавались два артиллерийских орудия и два пулемета<sup>32</sup>.

В целях охраны собственно железнодорожной линии атаман Семенов приказал Забайкальскую железную дорогу разделить на два участка: 1-й — от станции Маньчжурия до моста через реку Ингода у станции Карымская включительно, 2-й — от станции Сретенск до станции Сухонда и участок Амурской железной дороги от станции Зилово до станции Куенга. Местопребыванием начальников участков устанавливались станции Оловянная и Карымская. Для охраны железной дороги атаман распорядился призвать необходимое для этого количество казаков срока службы 1907–1911 гг. Начальником всей железнодорожной охраны был назначен штабс-капитан С.Н. Меди с предполагаемым местопребыванием в Чите<sup>33</sup>.

Успехи белых при наступлении на Читу оказались кратковременными. Пользуясь временным затишьем на фронте, большевики очень быстро собрали необходимые силы. На борьбу с Семеновым были направлены красногвардейские отряды из многих городов Сибири. В течение месяца на «семеновский фронт» были переброшены из Омска 1 590 бойцов, Красноярска — 1 200, Томска — 70, Судженки, Анжерки и Кольчугино — 800, Черемховских копей — 2 000, Новониколаевска — 500, Барнаула — 210, Ачинска и Канска — 250, Тюмени — 153, Кургана — 79, а всего — 6 852 бойца. Если в начале мая 1918 г. на всем участке Забайкальского фронта насчитывалось около пяти тысяч советских бойцов, то к середине месяца их было уже почти 10 тысяч<sup>34</sup>.

15 мая войска Забайкальского фронта под командованием С.Г. Лазо перешли в контрнаступление. В тот же день красные выбили семеновцев со станций Бурятская и Моготуй. В районе ст. Ага Г.М. Семенов намеревался задержать продвижение противника, но, потерпев поражение, отступил к ст. Оловянная. 18 мая советские войска одновременным ударом по центру и флангам нанесли белым новое по-

---

<sup>32</sup> РГВА. Ф. 39539, оп. 1, д. 5, л. 2.

<sup>33</sup> РГВА. Ф. 39539, оп. 1, д. 3, л. 17.

<sup>34</sup> *Кадейкин В.А.* Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов. Кемерово, 1966. С. 247, 250.

ражение и захватили названную выше станцию. Части ОМО заняли позиции вдоль правого берега р. Онон. 27 мая противник предпринял наступление по разрушенному железнодорожному мосту через Онон. Одновременно в тыл семеновцам вышла красная конница, скрытно переправившаяся вплавь через реку 15 верст севернее моста. Этот маневр решил исход боя. Бросив артиллерию, пулеметы и раненых, белые, не задерживаясь на станциях Борзя, Даурия и Шарасун, поспешно отступили к ст. Мациевская<sup>35</sup>. Здесь фронт стабилизировался.

К этому времени ОМО имел в своем составе пехотную бригаду (1-й Семеновский и 2-й Маньчжурский полки двухбатальонного состава с пулеметными командами по восемь пулеметов), конную бригаду (1-й Монголо-Бурятский и 2-й Даурский полки четырехсотенного состава с пулеметными командами по шесть пулеметов), две офицерские роты, чины которых пополняли убыль командных кадров в других подразделениях, две сербские роты, позднее сведенные в конный дивизион капитана Драговича. Артиллерия ОМО состояла из двухорудийной тяжелой батареи Арисака, двух четырехорудийных полевых батарей Арисака, двух четырехорудийных горных батарей Арисака и одной французской четырехорудийной горной батареи. Отряд располагал четырьмя бронепоездами, оборудованными в Харбинских механических мастерских КВЖД, одним броневиком и 15 грузовыми автомобилями, на которых в случае необходимости могли быть установлены пулеметы и легкие орудия Гочкиса. Вспомогательные части состояли из одной инженерной роты и корейской рабочей роты капитана Ли<sup>36</sup>.

В силу плохой сохранности документальных источников можно привести лишь отрывочные данные о численности и вооруженности ОМО летом 1918 г. Так, на 1 июля 1918 г. в 1-м Семеновском пешем полку состояло 87 офицеров, 53 унтер-офицера, 748 солдат и восемь пулеметов. Во 2-м конном Даурском полку насчитывалось 55 офицеров, пять чиновников, один фельдшер, один писарь, 733 всадника, 375 лошадей и четыре пулемета<sup>37</sup>. Обратим внимание на то, что личный состав конного полка лишь на половину был обеспечен лошадьми. Всего в двух полках состояло по списку 1 683 чел.

Конструкция артиллерийских частей ОМО была следующая. В состав 1-го артиллерийского дивизиона входили 1-я легкая батарея (четыре трехдюймовые пушки образца 1900 г.), 2-я легкая батарея (три

---

<sup>35</sup> Шишкин С.Н. Указ. соч. С.23–24.

<sup>36</sup> Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М., 1997. С. 30.

<sup>37</sup> РГВА. Ф. 39539, оп. 1, д. 1, л. 20, 24. Численность пулеметов 1-го полка указана по состоянию на 13 июня, 2-го полка — на 6 июля.

пушки Аррисака) и 3-я горная батарея (четыре горные пушки Аррисака), всего — 11 орудий. В состав 2-го артиллерийского дивизиона входили 1-я Забайкальская казачья батарея (четыре пушки) и 2-я конногорная батарея (четыре французские пушки), всего — 8 орудий. Не входили в состав дивизионов тяжелая батарея (две гаубицы) и отдельный mortarный взвод, два орудия которого были установлены на платформы броневиков. Всего по состоянию на 9 июня 1918 г. в составе ОМО числилось 23 орудия<sup>38</sup>. Точную численность личного состава в этих частях можно указать лишь в отношении 1-го артиллерийского дивизиона. К 6 июля 1918 г. в управлении дивизиона состояло по списку 17 чел., в команде связи — 48 чел. при двух пулеметах системы Гочкиса, в 1-й батарее — 90 чел., во 2-й батарее — 91 чел., в 3-й батарее — 78 чел., всего 324 чел., в том числе «налицо» — 278 чел<sup>39</sup>.

\* \* \*

Кроме отряда атамана Семенова, в конце 1917 — начале 1918 г. в полосе отчуждения КВЖД началось формирование и других антибольшевистских воинских частей. Для их руководства в феврале 1918 г. была учреждена должность командующего Российскими войсками, на которую Д.Л. Хорват назначил бывшего командира 1-го Сибирского корпуса старой армии генерала от инфантерии М.М. Плешкова. Однако начальники отдельных отрядов не желали подчиняться Плешкову, и его командование было чисто номинальным. Начальники этих отрядов обращались в штаб Российских войск, требуя деньги, предметы снабжения и оружие, но когда дело доходило до каких-либо распоряжений, выходящих из штаба, они не желали их выполнять<sup>40</sup>.

По мнению генерала А.П. Будберга, находившегося в то время в Харбине, «трудно было сделать более неудачный выбор, так как Плешков — это типичная фигура старого командования, добродушный, обходительный барин, ничем остро не интересующийся, любящий спокойную и без волнений, равнотекущую жизнь высокого военного начальника довоенного времени, — одним словом, совершенно не то, что нужно сейчас, чтобы собрать и организовать всю эту разношерстную и несомненно очень распустившуюся толпу, забрать ее в ежовые рукавицы и заставить работать и учиться»<sup>41</sup>.

---

<sup>38</sup> Там же, л. 60, 61.

<sup>39</sup> Там же, л. 73–74.

<sup>40</sup> Протоколы допроса адмирала А.В. Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе — феврале 1920 г. // Архив русской революции. Т. X. Берлин, 1923. С. 255.

В приказе генерала М.М. Плешкова № 5 от 23 марта 1918 г. были определены условия службы добровольцев в рядах Российских войск полосы отчуждения КВЖД. На службу приглашались «офицеры и прочие военнослужащие, а также все граждане без различия религий, национальностей и политических убеждений», все, «кто желает и чувствует себя в силах принести пользу Родине-России и активно выступить на защиту порядка, закона и справедливости». Для добровольцев устанавливались следующие месячные оклады: солдатам и казакам — 80 руб., младшим урядникам — 100 руб., старшим урядникам — 150 руб., вахмистрам, фельдшерам и солдатам-специалистам — 200 руб., младшим офицерам — 350 руб., взводным командирам, делопроизводителям и казначеям — 400 руб., помощникам начальников пулеметных команд, начальникам мелких команд, полковым адъютантам — 450 руб., сотенным командирам и начальникам пулеметных команд — 500 руб., командирам батарей — 550 руб., помощникам командиров полков и полковым врачам — 650 руб., командирам полков — 800 руб. Кроме того, все военнослужащие должны были получать квартиру, пищевое довольствие, обмундирование, снаряжение и вооружение, а семьи добровольцев — квартиру или квартирные деньги из расчета, что, кроме кухни на семью из одного человека, полагается одна комната, из двух — трех человек — две комнаты, из трех — пяти человек — три комнаты, на большее число людей — четыре комнаты. Предполагалось, что, прежде чем получить назначение на конкретную должность, добровольцы-офицеры и классные чиновники, ранее находившиеся на военной службе, будут зачисляться в особые кадровые части на положение рядовых с содержанием в 200 руб. в месяц, а прочие — с содержанием в 80 руб. В то же время генерал Плешков, ожидая появления сверхкомплекта офицеров, намеревался содержать его в виде офицерских частей, как резерв для будущих формирований<sup>42</sup>.

Наиболее крупной воинской единицей, из числа созданных в полосе отчуждения КВЖД, был «Отряд защиты Родины» под командованием полковника Н.В. Орлова. Отряд начал формироваться 20 декабря 1917 г., когда сам Орлов вместе с пятью офицерами занял Миллеровские казармы в Харбине. Спустя месяц сформированная из офицеров-добровольцев 1-я особая рота этого отряда по распоряжению генерала Д.Л. Хорвата отправилась в Забайкалье на помощь се-

---

<sup>41</sup> Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т. XII. Берлин, 1923. С. 277.

<sup>42</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 278, л. 3, 7.

меновскому ОМО. 18 февраля 1918 г. в том же направлении выступила из Харбина 2-я (конная) рота «Отряда защиты Родины» под командованием ротмистра В.В. Враштила. Чуть раньше, 2 февраля, на станцию Даурия отбыл и полковник Н.В. Орлов. После провала первого наступления белых на Читу Орлов разорвал свои отношения с Г.М. Семеновым и увел обе роты отряда обратно в Харбин.

Вернувшись в Харбин, полковник Орлов продолжил формирование отряда, в состав которого вошли дополнительно к уже существовавшим подразделениям 3-я и 4-я роты, две отдельные артиллерийские батареи, пулеметная команда, автомобильный и санитарный отряды, инженерная, нестроевая и музыкантская роты, а также служба связи. 2-я рота ротмистра В.В. Враштила была развернута в конный дивизион. Начальником штаба «Отряда защиты Родины» с момента его создания состоял полковник В.В. Ванюков, командиром 1-й роты был полковник В.М. Рахильский, командиром 2-й роты — полковник Р.А. Франк, затем — полковник Гуляев, командиром 3-й роты — полковник Меньшов, командиром 4-й роты — штабс-капитан Меди. 1-й и 2-й артиллерийскими батареями командовали соответственно капитаны Г.В. Ломиковский и Карпенко. Обмундирование и вооружение, до орудий и пулеметов включительно, для своего отряда Орлов самовольно захватывал на складах бывшего Заамурского округа охранной стражи. «Добывали все с трудом, у генерала Самойлова — вспоминал позднее Орлов. Просили, получали отказ и забирали силой!». К маю 1918 г. в рядах «Отряда защиты Родины» состояло уже около двух тысяч добровольцев<sup>43</sup>.

Кроме орловского «Отряда защиты Родины», в Харбине формировался Пластунский полк под командованием полковника А.Е. Маковкина. Эта воинская часть состояла из китайских добровольцев и насчитывала к маю 1918 г. около 400 чел. Предполагалось, что Пластунский полк будет использоваться исключительно для охраны Китайско-Восточной железной дороги. Привлекая в его ряды китайцев, русское командование намеревалось таким образом освободить русских добровольцев от службы по охране КВЖД и направить высвободившиеся силы на борьбу с большевиками<sup>44</sup>.

На станции Пограничная к формированию собственного отряда приступил атаман Уссурийского казачьего войска есаул И.П. Кал-

---

<sup>43</sup> Мелихов Г.В. Указ. соч. С. 26, 28, 29; Правительственный вестник. 1919. 29 янв.; Петров А.А. Отряд полковника Орлова и Адмирал Колчак // Доброволец — XX век. 2005. № 6(1). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dobr20.ru/rub/28/113.htm>.

мыков. 3 марта он с отрядом в 130 чел. начал продвижение от ст. Пограничная к ст. Гродеково. По собственному признанию Калмыкова, он преследовал цель отвлечь большевистские силы от Семенова<sup>45</sup>. Подобно Семенову, Калмыков пользовался материальной поддержкой японцев и поэтому чувствовал себя независимым от кого бы то ни было.

Десятого мая 1918 г. в Пекине состоялось общее собрание акционеров КВЖД, принявшее решение о самостоятельности дороги как предприятия Русско-Азиатского банка и избравшее новое правление общества КВЖД. В правление вошли китайский генерал Янь Шицин (председатель), генерал Д.Л. Хорват (директор-распорядитель), А.В. Колчак, А.И. Путилов, Л.А. Устругов, А.И. Бучеров, В.С. Езерский, Н.А. Коновалов, З.В. Славута и А.С. Вентцель. Вице-адмирал А.В. Колчак был назначен главным инспектором охранной стражи КВЖД; одновременно ему поручалось и заведывание «всеми русскими вооруженными силами, находящимися в районе дороги, и управление военной ее частью». Вскоре Колчак выехал в Харбин, где принял от генерала М.М. Плешкова пост командующего Российскими войсками<sup>46</sup>.

Колчак планировал создать в полосе отчуждения КВЖД корпус пограничной стражи численностью около 20 тыс. человек. Из них 5 тыс. китайцев предполагалось использовать для охраны железной дороги, а 15 тыс. русских направить на борьбу с большевиками. К маю 1918 г. в полосе отчуждения уже имелось около 6 тыс. русских добровольцев, причем, по словам адмирала, «приток добровольцев был очень велик». Эти силы составили бы костяк будущих формирований. Для доведения корпуса пограничной стражи до планируемой численности Колчак предполагал провести в полосе отчуждения мобилизацию, которая могла бы дать около 10 тыс. человек. Однако осуществить эту мобилизацию так и не удалось<sup>47</sup>.

Решительными мерами Колчак попытался добиться реального объединения всех белогвардейских отрядов в полосе отчуждения и направить их деятельность на решение общих боевых задач. В связи с этим и произошло его столкновение с Семеновым. По словам Колчака, Семенов действовал, «не считаясь ни с Хорватом, ни с его распоряжениями, широко применяя в полосе отчуждения железной дороги реквизиционную систему, т. е. просто забирая все, что можно. Семенов

---

<sup>44</sup> Протоколы допроса адмирала А. В. Колчака... С. 255.

<sup>45</sup> Казачье эхо. 1919. 10 дек.

<sup>46</sup> Мелихов Г.В. Указ. соч. С. 43– 44.

<sup>47</sup> Протоколы допроса адмирала А. В. Колчака... С. 258.

реквизировал все железнодорожное имущество, — приставлял револьвер ко лбу, и все выносилось. Хорват противился этому, но он не слушался»<sup>48</sup>.

В начале мая<sup>49</sup> А.В. Колчак отправился на станцию Маньчжурия для того, чтобы встретиться с Семеновым и передать ему 300 тыс. руб. от правления КВЖД. Согласно воспоминаниям Колчака, по прибытии на станцию ему сообщили, что Семенов отсутствует. Это его очень удивило, так как тремя днями ранее была послана соответствующая телеграмма. Через некоторое время донесли, что Семенов все-таки находится на станции, но не желает встречаться. В сложившейся ситуации адмирал решил пренебречь самолюбием и сам поехал к Семенову, хотя имел достоверную информацию о том, что тот получил инструкцию ни в коем случае не подчиняться Колчаку.

Колчак так вспоминал об этой встрече: «Я прибыл к Семенову в вагон и спросил: „В чем дело? Я приезжаю сюда не в качестве начальника над вами, я приехал с вами поговорить об общем деле создания вооруженной силы, и нам нужно договориться, в какой мере и в какой степени я могу оказать вам помощь своим отрядом, потому что средства у нас одни и те же, средства Восточно-Китайской ж. д., и мне, как члену правления этой дороги, чрезвычайно важно знать ваши желания и цели для того, чтобы я мог распределять те остатки имущества и ценностей, которые имеются в распоряжении Правления, соответствующим образом. Я привез вам денег от Восточно-Китайской ж. д.“. Он отвечал мне довольно уклончиво, что он сейчас ни в чем не нуждается, что он получает средства и оружие от Японии и что он не обращается ко мне ни с какими пожеланиями и просьбами... Таким образом, выяснилось, что Семенов желает действовать совершенно самостоятельно и ни в какие обязательства и связи ни с правлением ж. д., ни с Хорватом входить не желает. Тогда я ему сказал: „Хорошо, я с вами не буду разбирать этот вопрос, но имейте в виду, что раз Вы со мной не могли договориться и не могли ничего выяснить, то я слагаю с себя всякую ответственность за ту помощь, которую могла бы Вам оказать ж. д.“»<sup>50</sup>.

В своих воспоминаниях Г.М. Семенов предложил следующую версию своего конфликта с А.В. Колчаком. О предстоящем прибытии адмирала он был извещен из Харбина, но, занятый постоянными боями,

---

<sup>48</sup> Там же. С. 254.

<sup>49</sup> П. Флеминг утверждает, что встреча Колчака и Семенова состоялась 15 мая (см.: *Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. 1917–1920. М., 2006. С. 77*).

<sup>50</sup> Протоколы допроса адмирала А. В. Колчака... С. 259–260.



решил не выезжать на ст. Маньчжурию для встречи нового командующего, полагая, что если Колчак желает видеть отряд, то прибудет сам на его боевые позиции. «В один прекрасный день, — утверждал Г.М. Семенов, — мне передали по телефону из Маньчжурии, что адмирал Колчак прибыл и желает видеть меня. Я поехал в Маньчжурию и явился адмиралу. По-видимому, настроенный соответствующим образом в Харбине, адмирал встретил меня упреками в нежелании подчиняться Харбину, вызывающем поведении относительно китайцев и слишком большом доверии к моим японским советникам, влиянию которых я, якобы, полностью подчинился. Покойный адмирал являлся в то время ярким противником так называемой японской ориентации и считал, что только Англия и Франция готовы оказать бескорыстную и исчерпывающую помощь национальной России, восстановление которой находится в их интересах. Что касается Японии и САСШ, то, по мнению адмирала, они стремясь использовать наше затруднительное положение в своих собственных интересах, которые настойчиво диктовали возможно большее ослабление России на Дальнем Востоке. Ориентацию на Японию адмирал считал чуть ли не преступлением с моей стороны и настойчиво требовал от меня полного отказа от самостоятельной политики в этом вопросе и подчинения Харбину. В свою очередь я напомнил адмиралу, что, приступая к формированию отряда, я предлагал возглавление его и ему самому, и генералу Хорвату. Если бы кто-нибудь из них своевременно принял мое предложение, я безоговорочно подчинился бы сам и со всеми своими людьми, и никакие разговоры о моей самостоятельной политике и сношениях с иностранными консулами не могли иметь места. В настоящее же время, когда я с ноября месяца прошлого года оказался предоставленным самому себе, я считаю вмешательство в дела отряда с какой бы то ни было стороны совершенно недопустимым, и в своих действиях, также, как и в своей ориентации, буду давать отчет только законному и общепризнанному Всероссийскому правительству»<sup>51</sup>.

«Свидание наше, — продолжает Г.М. Семенов, — вышло очень бурным, и мы расстались, явно недовольными друг другом. Адмирал отказался от посещения частей отряда и немедленно вернулся в Харбин. От этой встречи с адмиралом у меня осталось впечатление о нем, как о человеке крайне нервном, вспыльчивом и мало ознакомленном с особенностями обстановки на Дальнем Востоке. Его неприязнь и недоверие к японскому сотрудничеству в деле борьбы с красными, его уверенность в стремлении Японии к использованию нашей гражданской

---

<sup>51</sup> *Атаман Семенов*. Указ. соч. С. 159.

войны для территориальных приобретений за счет русского Дальнего Востока я считал основанными только на личных его антипатиях и потому не мог согласиться с ним. Эта первая и последняя моя непосредственная встреча с покойным адмиралом выяснила всю разность наших взглядов на ближайшие задачи внешней политики национального нашего движения и на наши взаимоотношения с союзниками. В то время как адмирал, подозревая японское правительство в агрессивных замыслах против России, строил все свои расчеты на широком использовании наших западных союзников, я никогда не верил в то, чтобы помощь с их стороны могла быть сколько-нибудь существенной. Со стороны же Японии я не видел никаких поползновений на ущемление наших интересов на востоке, и оказываемая японским правительством мне помощь никогда не обуславливалась какими-либо обязательствами с моей стороны, которые могли бы быть истолкованы как стремление использовать наше тяжелое положение в собственных интересах»<sup>52</sup>.

В прессе сообщалось, что на попытку Колчака подчинить своему командованию отряд атамана Семенова последний, якобы, заявил: «Когда, адмирал, у меня будет флот, я воспользуюсь Вашим опытом, но теперь в Ваших услугах не нуждаюсь»<sup>53</sup>. Полковник Н.В. Орлов, сопровождавший адмирала в этой поездке, отметил характерную подробность. По прибытии их поезда в Маньчжурию на станции не оказалось ни одной души. Зато при его отправлении «...перрон вдруг наполнился публикой. Были военные, но преобладал женский элемент в шляпках и в косынках сестер милосердия. Эта праздная толпа вызывающе глядела на освещенные окна вагонов. И когда поезд тронулся, шумно загалдела, а несколько дам дошло до такого неприличия, что в виде демонстрации подняло руки и показало вслед уходящему поезду кукиш...»<sup>54</sup>

Семенов не только отказался подчиняться кому бы то ни было. Он выдвинул претензии на руководство всеми антибольшевистскими добровольческими отрядами, сформированными на территории Дальнего Востока. В приказе № 125 по ОМО от 5 июня 1918 г. он заявил: «Всероссийский центральный комитет по организации Добровольческой армии назначил меня своим комиссаром по формирова-

---

<sup>52</sup> *Атаман Семенов*. Указ. соч. С. 160–161.

<sup>53</sup> *Моя газета*. 1918. 15 июля.

<sup>54</sup> *Петров А.А.* Отряд полковника Орлова и Адмирал Колчак // *Доброволец — XX век*. 2005. № 6(1). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dobr20.ru/rub/28/113.htm>.

нию добровольческих конных полков в Забайкальской области, применительно к приказу Верховного главнокомандующего от 21 августа 1917 г. за № 856, в чем выдал мне соответствующее удостоверение от 19 сентября за № 2085. Приказом по войскам Иркутского военного округа от 16 ноября за № 1059, изданным в согласии с окружным бюро, вышеприведенное полномочие, подтвержденное телеграммой начальника мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба от 12 ноября за № 45760, признано за мною правомочным агентом Временного правительства и мне приказано формировать добровольческие конные отряды. А посему я являюсь, на основании вышеуказанных документов, единственным законоуполномоченным агентом Временного правительства по организации армии на территории России...»<sup>55</sup>.

Комментируя процитированный выше приказ, Е.Х. Нилус позднее расценил его как относящийся «к разряду чисто авантюристических махинаций». Семенов, по словам Е.Х. Нилуса, «действительно был уполномочен Временным правительством на организацию в Забайкальском казачестве добровольческих отрядов. Но полномочий на проведение мобилизаций, организацию армии и т. п. Временное правительство ему не давало»<sup>56</sup>.

Не найдя общего языка с Семеновым, Колчак решил предпринять активные действия против большевиков на владивостокском направлении. 28 мая 1918 г. отряды Н.В. Орлова и И.П. Калмыкова общей численностью до 800 чел. перешли в наступление от станции Пограничная в направлении на станцию Гродеково и село Полтавка. Белые, вероятно, рассчитывали на поддержку казаков Гродековской станицы. Однако последние на своем станичном сходе приняли решение о нейтралитете и обратились к враждующим сторонам с просьбой о принятии мер к обеспечению личной и имущественной безопасности нейтральным жителям станицы. В результате контр наступления красногвардейцев, прибывших из Никольск-Уссурийска и Владивостока, 5 июня белые были отброшены обратно к ст. Пограничная. Таким образом возник Гродековский фронт, имевший три направления: Гродековское, Полтавское и Камень-Рыболовское. Советскими войсками фронта командовал Л.Н. Тонконогий<sup>57</sup>.

---

<sup>55</sup> ГАРФ. Ф. 178, оп. 1, д. 4, л. 25.

<sup>56</sup> Цит. по: Мелихов Г.В. Указ. соч. С. 30.

<sup>57</sup> Бойко-Павлов Д.И., Сидорчук Е.П. Указ. соч. С. 246; Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке (октябрь 1917 — октябрь 1918 г.). Документы и материалы. Владивосток, 1997. С. 210.

Конфликт с Семеновым показал неспособность А.В. Колчака объединить под своим командованием все русские антибольшевистские силы и наладить деловые отношения с представителями иностранных держав на Дальнем Востоке. Когда генерал Д.Л. Хорват это осознал, 9 июня он сместил Колчака с поста главнокомандующего и приказал сдать должность генералу Плешкову. Однако Колчак отказался подчиниться приказу, заявив, что если его попробуют тронуть, то он вызовет «верные ему войска». На замечание, что это может вызвать кровопролитие, адмирал якобы ответил: «Ну и пусть будет кровопролитие, но распоряжаться всей здешней сволочи я не позволю».

Подписав приказ о смещении Колчака, генерал Хорват немедленно уехал в Пекин, оставив Плешкова в весьма «щекотливом» положении. Последний по причине «дряблой нерешительности» так и не осмелился отдать приказ о своем вступлении в должность, заявив, что будет ждать возвращения Хорвата. 10 июня между вернувшимся из Пекина Хорватом и Колчаком произошло «бурное» объяснение, в результате которого Хорват вынужден был отменить приказ о смещении Колчака<sup>58</sup>. Но продолжать работать в таких условиях психологически Колчак был уже не в состоянии. В конце концов 30 июня 1918 г. он сдал должность генерал-майору Б.Р. Хрещатицкому и выехал в Токио.

\* \* \*

В конце мая — начале июня 1918 г. на железнодорожной магистрали от Пензы на западе до Иркутска на востоке произошло антибольшевистское выступление войск Чехословацкого корпуса (командующий — генерал В.Н. Шокоров). В течение июня — августа чехословаки и части вновь сформированной русской Сибирской армии (командующий — генерал А.Н. Гришин-Алмазов) освободили от большевиков всю территорию Сибири, обеспечив установление на ней власти Совета министров Временного Сибирского правительства во главе с П.В. Вологодским, образованного в Омске 30 июня 1918 г.

Ко времени выступления Чехословацкого корпуса в Сибири и на Урале, во Владивостоке располагалась группа чехословацких войск под командованием генерала М.К. Дитерихса, насчитывавшая около 13,5 тыс. чел. Политическое руководство этой группой осуществляла «коллегия», в состав которой кроме М.К. Дитерихса входили члены президиума Чехословацкого национального совета В. Гирса, В. Гоуска, В. Гурбан и Я. Шпачек. Дважды, 8 и 14 июня, руководители Владивостокской группы получали директивы Временного исполнительного

---

<sup>58</sup> Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 187–188, 194.

комитета Чехословацкой армии о немедленном выступлении против советской власти, но выполнить их не спешили. Объясняется это тем, что в отличие от своих соратников, действовавших на западе по собственной инициативе, они имели непосредственный контакт с представителями стран Антанты, которые лишь через месяц смогли занять более-менее четкую позицию по отношению к событиям, происходившим в Сибири. Кроме того, немедленное выступление чехословаков во Владивостоке затруднялось их недостаточной обеспеченностью вооружением и боеприпасами. Но при поддержке представителей иностранных государств чехословацкому командованию 20 июня удалось добиться согласия местного совета на то, что чехословацкие части возьмут под охрану находившиеся во Владивостокском порту склады с оружием, боеприпасами и амуницией<sup>59</sup>.

Между тем, командир Чехословацкого корпуса генерал В.Н. Шокоров 16 июня из Челябинска вновь телеграфировал находившемуся в Мариинске «командующему чехословацкими войсками восточнее Омска» капитану Р. Гайде: «Вышлите непременно еще раз курьера во Владивосток с моим приказом войскам, находящимся там же, двинуться немедленно на Читу — Иркутск, заняв предварительно все склады оружия и амуниции во Владивостоке»<sup>60</sup>. Курьер от Р. Гайды прибыл во Владивосток 26 июня. О полученной директиве генерал Дитерихс доложил собравшимся по его просьбе иностранным консулам. С их стороны «готовящееся выступление было в принципе встречено с симпатией», и Дитерихс «получил заверение в моральной поддержке»<sup>61</sup>. 29 июня 1918 г. войска Чехословацкого корпуса свергли советскую власть во Владивостоке.

После взятия Владивостока чехословаки двинулись по железной дороге на север, и в районе ст. Надеждинская вступили в боевое соприкосновение с красными. В ночь на 3 июля они перешли в наступление и после ожесточенного боя днем 5 июля заняли город Никольск-Уссурийский. В результате последующих боев 17 июля при поддержке отряда атамана И.П. Калмыкова был захвачен город Спасск. В боях за Никольск-Уссурийский и Спасск чехословацкие войска потеряли 73 чел. убитыми и 249 ранеными<sup>62</sup>.

---

<sup>59</sup> Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. М., 1965. С. 223.

<sup>60</sup> ГАТО. Ф. Р. 1362, оп. 1, д. 213, л. 23.

<sup>61</sup> Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 226.

<sup>62</sup> Далекая окраина. 1918. 9, 11, 20, 26 июля; Бойко-Павлов Д.И., Сидорчук Е.П.

29 июня 1918 г. во Владивостоке появилось обращение «К гражданам свободной Сибири», в котором объявлялось о переходе всей государственной власти на территории Сибири к Временному правительству автономной Сибири (ВПАС), возглавляемому эсером П.Я. Дербером. Это правительство состояло из министров, избранных в конце января 1918 г. Временной Сибирской областной думой и тайно прибывших во Владивосток незадолго до свержения в городе советской власти. В указанном обращении всем «сознательным гражданам» предлагалось записываться в ряды «народной добровольческой армии». На пост командующего вооруженными силами правительства был выдвинут полковник С.С. Толстов<sup>63</sup>, который, по оценке генерала В.Е. Флуга, был человеком «без твердых убеждений и незначительный по характеру»<sup>64</sup>. Однако командование интервентов отказалось признать новоявленное правительство. Дабы сохранить лицо, 3 июля Совет министров ВПАС поручил «управление всеми делами» Приморской области областной земской управе (председатель — А.С. Медведев), которой предлагалось работать совместно с городской управой Владивостока (городской голова — А.Ф. Агарев). По соглашению с ВПАС и генералом М.К. Дитерихсом, 4 июля Медведев и Агарев предложили полковнику Толстову принять пост командующего всеми вооруженными сухопутными и морскими силами Приморской области<sup>65</sup>. Вечером С.С. Толстов объявил о вступлении в должность и приступил к формированию штаба, начальником которого он назначил Генштаба полковника П.Г. Бурлина<sup>66</sup>.

Военный министр ВПАС подполковник А.А. Краковецкий тогда же занял специально для него учрежденный пост начальника военного отдела Приморской областной земской управы. Действуя под прикрытием земской управы, ВПАС намеревалось обзавестись собственными вооруженными силами. Указом Временного правительства автономной Сибири от 23 июля 1918 г. военный и морской министр подполковник А.А. Краковецкий был назначен главнокомандующим всеми российскими войсками<sup>67</sup>. Основой для создания российских войск, по мысли главнокомандующего, должны были стать войска

---

Так было на Дальнем Востоке. М., 1964. С. 261–268.

<sup>63</sup> Вестник Временного правительства автономной Сибири. 1918. 2 июля.

<sup>64</sup> [Флуг В.Е.] Записка о генерал-лейтенанте Хорвате и политике держав на Дальнем Востоке в 1918 году // Архив русской революции. Т. IX. Берлин, 1923. С. 294.

<sup>65</sup> Вестник Временного правительства автономной Сибири. 1918. 6 июля.

<sup>66</sup> ГАРФ. Ф. 176, оп. 2, д. 138, л. 46.

<sup>67</sup> Вестник Временного правительства автономной Сибири. 1918. 3 сент.

Приморской области, находившиеся под командованием полковника С.С. Толстова. Кроме того, в начале августа А.А. Краковецкий встретился во Владивостоке с атаманом Г.М. Семеновым и назначил его командующим 1-й Сибирской армией, действующей в Забайкалье.

В итоге вся военно-организационная деятельность Краковецкого ограничилась назначением должностных лиц в формируемые управленческие структуры. Приказом по Сибирской армии и флоту от 18 августа он назначил с 15 августа бывшего начальника штаба Приамурского военного округа генерал-майора В.Н. Доманевского начальником кабинета военного и морского министра Временного правительства автономной Сибири, а бывшего штаб-офицера для поручений при командующем Сибирской флотилией капитана Гранга Г.В. Фуса — начальником морского отделения кабинета<sup>68</sup>.

По свидетельству генерала В.Е. Флуга, первые достоверные известия о событиях в Приморской области были получены в Харбине лишь 4 июля, после чего Д.Л. Хорват решил двинуть от ст. Пограничной к Никольск-Уссурийскому отряд с целью отрезать большевикам пути отступления от Владивостока. Наступление повел отряд есаула И.П. Калмыкова; вслед за ним выступили главные силы «Российских войск» под командованием генерала Б.Р. Хрещатицкого. Тем временем Д.Л. Хорват сформировал свое правительство, получившее название «Делового кабинета Временного правителя», а 9 июля на станции Гродеково объявил о принятии на себя всей государственной власти на освобожденной от большевиков территории России<sup>69</sup>. В отличие от чисто эсеровского ВПАС, Деловой кабинет имел более правую, близкую к кадетской политическую ориентацию.

Пост управляющего военным ведомством Делового кабинета занял генерал от инфантерии В.Е. Флуг. Обязанности начальника штаба при нем стал исполнять генерал-майор В.И. Марковский, ранее занимавший должность начальника штаба Охранной стражи КВЖД. Приказом генерала Хорвата от 20 июля помощник по военной части главноначальствующего в полосе отчуждения КВЖД генерал от кавалерии М.М. Плешков был назначен главнокомандующим Российскими войсками на правах главнокомандующего армиями фронта. На главного начальника охранной стражи КВЖД генерал-лейтенанта М.К. Самойлова возлагалось исполнение обязанностей главного начальника снабжения Российских войск в полосе отчуж-

<sup>68</sup> Дальневосточная окраина. 1918. 6, 14 сент.

<sup>69</sup> [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 295.

<sup>70</sup> ГАРФ. Ф. 1397, оп. 1, д. 6, л. 2, 10, 11; ф. 176, оп. 2, д. 138, л. 110.

дения КВЖД и на территории, занятой Российскими войсками<sup>70</sup>.

А.П. Будберг, близко наблюдавший процесс «военного строительства Российских войск», по этому поводу писал: «[...] Все штаты раздуты до невозможного; имеется даже управление запасной бригады, в которой нет, да и не будет, вероятно, ни одного солдата, но зато есть два генерала, несколько адъютантов и бригадные: врач, священник и пр., и пр. Бригада эта придумана нарочито, чтобы устроить некоторых лиц; пронырливые молодцы прямо выдумывают для себя должности, сами составляют штаты, пишут проекты приказов о своем назначении и проводят все это с молниеносной быстротой»<sup>71</sup>.

Согласно справке, составленной начальником военной канцелярии Временного правителя генералом М.В. Колобовым, к 21 августа 1918 г. в подчинении генерала Хорвата состояли следующие вооруженные силы: Особый Маньчжурский отряд атамана Г.М. Семенова (до шести тысяч человек, 24 орудия, 48 пулеметов и четыре бронепоезда), отряд полковника Н.В. Орлова (одна тысяча человек, 12 орудий, 16 пулеметов и два бронепоезда), отряд атамана И.П. Калмыкова (около 500 чел., два орудия и четыре пулемета), отряд полковника А.Е. Маковкина (650 чел., восемь пулеметов), туземный полк (до 700 чел.), конный полк полковника В.В. Враштиля (500 чел., четыре пулемета), отряд атамана И.М. Гамова (700 чел., четыре орудия, четыре пулемета) и охранная стража КВЖД в составе 25 формирующихся рот (2,5 тыс. чел.), а всего — около 12,5 тыс. чел., 42 орудия, 84 пулемета и шесть бронепоездов. На содержание всех этих отрядов ежемесячно тратилось около 5,0 млн. руб.<sup>72</sup> Однако рассчитывать на эти силы в борьбе за власть не приходилось. Атаманы Г.М. Семенов и И.П. Калмыков вместе со своими отрядами фактически не признавали Хорвата, ориентируясь на японцев. Как сообщила в начале августа газета «Дальневосточная окраина», «численность отрядов генерала Хорвата заметно тает. Хунхузы, набранные в так называемый пластунский полк Маковкина, все разбежались, захватив с собой предметы обмундирования и вооружения. Пластунский полк фактически распущен»<sup>73</sup>.

Претензии Д.Л. Хорвата на власть не нашли понимания у «союзников», также как их поддержку не получило и Временное правительство автономной Сибири. Официальное письмо, посланное Хрещатицким командующему чехословацкими войсками генералу М.К. Дитерихсу, содержащее предложение совместных действий против боль-

<sup>71</sup> Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 200.

<sup>72</sup> ГАНО. Ф. П-5, оп. 3, д. 201, л. 41–44.

<sup>73</sup> Дальневосточная окраина. 1918. 4 авг.



шевиков, было возвращено нераспечатанным. Иностранные консулы во Владивостоке на общем собрании постановили просить свои правительства предложить генералу Хорвату немедленно отозвать его войска в пределы полосы отчуждения КВЖД, а самому ему обратиться к исполнению обязанностей директора той же дороги<sup>74</sup>.

Когда авангард «Российских войск» генерала Б.Р. Хрещатицкого 4 августа подошел к станции Голенки, расположенной в 30 верстах перед Никольск-Уссурийским, чехословаки преградили ему путь к городу. В результате между ними произошло вооруженное столкновение. В интервью члена президиума Чехословацкого национального совета доктора Я. Шпачека газете «Дальневосточная окраина» приводятся подробности произошедшего. Для выяснения отношений русские офицеры пригласили к себе в вагон командира чехословацкой роты поручика Горецкого. В это время, несмотря на запрет, русский бронепоезд попытался прорваться через заслон. Поручик Горецкий выскочил из вагона и приказал своим подчиненным при помощи ручных гранат взорвать железнодорожное полотно, что они и сделали. В ответ китайские солдаты, находившиеся в составе отряда Хрещатицкого, открыли огонь, в результате которого погибли два чехословацких стрелка. Д.Л. Хорват вынужден был через генерала В.Е. Флуга выразить свои соболезнования Чехословацкому национальному совету по поводу случившегося, и отстранил виновника инцидента генерала Б.Р. Хрещатицкого от занимаемой должности. Он также заявил о готовности отвести свои войска к ст. Пограничная и уволить со службы находившихся в них китайских солдат<sup>75</sup>.

\* \* \*

В этой крайне неблагоприятной политической ситуации полковник С.С. Толстов осуществил ряд мероприятий по формированию в Приморской области русских антибольшевистских вооруженных сил. В приказе № 1 от 4 июля 1918 г. он изложил основные принципы формирования армии, а именно: «Строжайшая дисциплина; армия вне политики и служить орудием для борьбы отдельных, каких бы то ни было партий и групп, не будет; никакие комитеты, выборное начало и политическая агитация в рядах армии не допустимы». «Каждый начальник, — отметил Толстов, — должен быть, прежде всего, действи-

---

<sup>74</sup> [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 297.

<sup>75</sup> Приамурская жизнь. 1918. 8 авг., 5 сент. Изучив обстоятельства инцидента, Временный правитель не обнаружил «признаков незаконных деяний» со стороны генерала Хрещатицкого и приказал дальнейшее производство по его делу прекратить.

тельно начальником и руководителем своих подчиненных, вне же службы все чины армии — братья».

В армию принимались лица не моложе 17 лет. Обязательный срок службы для добровольцев должен был составить шесть месяцев для ранее служивших в армии и восемь месяцев — для всех остальных. Для военнослужащих устанавливались следующие ежемесячные должностные оклады: рядовому бойцу — 90 руб., командиру отделения — 100 руб., командиру взвода — 125 руб., фельдфебелю — 150 руб., командиру полуроты — 350 руб., начальнику команды и старшему офицеру артиллерии — 400 руб., командиру роты — 450 руб., командиру батальона — 500 руб., командиру батареи — 600 руб., командирам полка и артиллерийского дивизиона — 650 руб. Кроме того, нижние чины должны были получать довольствие от казны, а семьи военнослужащих, включая и офицеров, — паек в размере 20 руб. на взрослого неработающего и 10 руб. — на ребенка<sup>76</sup>.

Костяк вооруженных сил Приморской области составила бывшая Владивостокская подпольная военная организация, имевшая в своих рядах около 500 человек. На ее базе в течение июля 1918 г. были образованы четыре стрелковые полка. Командиром 1-го Сибирского стрелкового полка был назначен полковник С.П. Смирнов, 2-го полка — полковник Круковский, 3-го полка — полковник И.И. Томилко, 4-го полка — полковник Н.Н. Пелль-Горский. 1-й и 2-й полки, дислоцировавшиеся во Владивостоке, составили 1-ю бригаду под командованием полковника П.А. Иванова-Мумжиева, 3-й и 4-й полки (в Никольск-Уссурийском) — 2-ю бригаду под командованием полковника Х.Е. Бутенко. В составе войск области формировались 1-я и 2-я сотни Уссурийского казачьего войска (командиры — хорунжий Коломийцев и подъесаул Кривошея 1-й)<sup>77</sup>.

Во Владивостоке 15 июля был образован 1-й Приморский артиллерийский дивизион под командованием полковника С.Л. Зозулевского. 1-й, 2-й и 3-й батареями дивизиона командовали соответственно капитаны Чуйкин, Быков и Нестеров. Кроме того, в Никольске-Уссурийском началось формирование 1-й, 2-й и 3-й отдельных Приморских легких батарей (командиры — капитаны Броккер, Резниченко и Носков). 20 августа полковник Толстов принял решение все находившиеся в его распоряжении артиллерийские части объединить в 1-й Сибирский стрелковый артиллерийский полк. 1-й Приморский

---

<sup>76</sup> Вестник Временного правительства автономной Сибири. 1918. 11 июля; Приамурская жизнь. 1918. 8 авг., 5 сент.

<sup>77</sup> РГВА. Ф. 39786, оп. 1, д. 1, л. 4, 10, 12, 16, 20, 32, 40, 73, 83.

артиллерийский дивизион был переименован в 3-й дивизион 1-го Сибирского стрелкового артиллерийского полка, а входившие в его состав три батареи — в 7-ю, 8-ю и 9-ю батареи полка. 1-я, 2-я и 3-я отдельные Приморские легкие батареи стали именоваться соответственно 1-й, 2-й и 3-й батареями 1-го Сибирского стрелкового артиллерийского полка. Батареям, имевшим нумерацию с 4 по 6, не существовало; видимо, их предполагалось сформировать в будущем. Должность командира полка не учреждалась, а общее руководство его формированием осуществлял инспектор артиллерии войск Приморской области полковник Б.П. Илинский<sup>78</sup>.

В подчинении у полковника Толстова находилась также Сибирская военная флотилия. 22 июля он назначил ее командующим капитана 1-го ранга А.Н. Пелль, начальником штаба флотилии — капитана 2-го ранга В. Александрова. 23 июля Толстов приказал расформировать доставшийся ему в наследство от большевиков Сибирский флотский экипаж. После 1 августа все моряки, не пожелавшие поступить на службу добровольцами, подлежали увольнению<sup>79</sup>. Военные моряки Сибирской флотилии довольно резко отреагировали на данный приказ. 26 июля на общем собрании они единогласно, при девяти воздержавшихся, постановили: «ни одному матросу не оставаться в бело-зеленом флоте» и потребовали предоставить им право через Николаевск-на-Амуре выехать в Россию<sup>80</sup>.

Для укомплектования формируемых частей 18 июля полковник Толстов объявил о мобилизации в войска Приморской области мужского населения Никольск-Уссурийского уезда сроков призыва 1912–1917 гг. По словам Толстова, «население названного уезда, в полном сознании своего долга перед Родиной, горячо откликнулось» на его призыв, и «мобилизация, несмотря на всю неблагоприятную обстановку, прошла нормально». Однако настроение мобилизованных, видимо, было не столь восторженным, как об этом говорил Толстов. В результате 28 июля он, «сознавая крайнюю нужду в рабочих руках, ввиду наступившей страдной поры и приступая к разработке плана общей мобилизации в области», приказал уволить со службы и распустить по домам солдат сроков призыва с 1912 по 1914 гг.

Менее чем через месяц, 22 августа полковник Толстов приказал всех солдат, призванных на действительную военную службу в Никольск-Уссурийском уезде, опять же «ввиду страдной поры», распустить

---

<sup>78</sup> Там же, л. 20, 34, 42, 62, 67, 71, 76, 81.

<sup>79</sup> РГВА. Ф. 39786, оп. 1, д. 1, л. 33, 36.

<sup>80</sup> Дальневосточная окраина. 1918. 2 авг.

тить по домам на полевые работы впредь до особого распоряжения. Охрану военного имущества и уход за лошадьми в частях Никольско-Уссурийского гарнизона предлагалось организовать по усмотрению начальника гарнизона — путем набора добровольцев или вольнонаемной охраной (т. е. сторожами, говоря современным языком)<sup>81</sup>. Возникает вопрос о том, зачем вообще стоило затевать мобилизацию населения в армию, если эта мобилизация была заведомо провальной? После того, как ее осуществили, тем более при «горячем отклике» мобилизуемых, то стоило любыми путями удержать солдат в частях, а не распускать их сразу же по домам под тем или иным предлогом.

Мало того, что полковник Толстов оказался не в состоянии решить проблему укомплектования войск Приморской области личным составом, своими приказами он внес раскол и в офицерский состав. 28 июля он приказал уволить со службы призванных по мобилизации отставных кадровых офицеров, а также лиц, произведенных в офицерские чины во время войны и пробывших на фронте менее двух лет. Лишь в исключительных случаях Толстов разрешил командирам частей ходатайствовать об утверждении их на офицерских должностях<sup>82</sup>. Офицеры военного времени составляли подавляющее большинство в офицерском корпусе Русской армии в 1917 г. Их увольнение со службы привело к тому, что войска Приморской области вообще остались без личного состава, ибо приток добровольцев был невелик. Вряд ли была необходимость назначать всех без исключения офицеров на офицерские должности. В то же самое время в частях Сибирской армии большое количество обер-офицеров занимали должности рядовых бойцов и выполняли свои обязанности более чем прекрасно.

К концу августа подчинявшиеся полковнику Толстову войска Приморской области продолжали насчитывать 400–500 человек, сведенных в слабо организованные воинские части, которые носили, однако, внушительные названия «Сибирских стрелковых полков». По словам генерала В.Е. Флуга, из двух таких полков, расквартированных во Владивостоке, лишь 1-й полк под командованием полковника С.П. Смирнова «был единственной частью, по своей организации и численности заслуживающий до известной степени присвоенного ей названия». Чины этого полка, как и вообще офицеры Владивостокского гарнизона, в подавляющем большинстве тяготились своим необычным подчинением земской управе и склонялись к объединению с Российскими войсками, находившимися в подчинении генерала Хорвату<sup>83</sup>.

<sup>81</sup> РГВА. Ф. 39786, оп. 1, д. 1, л. 45, 87.

<sup>82</sup> Там же, л. 45.

На состоявшемся во Владивостоке совещании представителей обеих военных групп было решено выдвинуть в качестве общего старшего начальника главнокомандующего Российскими войсками генерала М.М. Плешкова. Участвовавший в совещании полковник Толстов принципиально не возражал против объединения всех русских войск, но, находясь под влиянием эсеров, выступал против подчинения ставленнику генерала Д.Л. Хорвата.

Полковник В.А. Волков в интервью корреспонденту владивостокской газеты «Сибирский путь» следующим образом объяснял причины, вынудившие войска Приморской области перейти на сторону Д.Л. Хорвата: «С самого начала своего командования полковник Толстов обнаружил крайне слабые организаторские способности и политическую неустойчивость, неоднократно заявляя о своем сочувствии то Временному правителю, то Сибирскому правительству. Вместе с тем он всячески старался привить политику войскам, что абсолютно недопустимо и даже преступно в настоящий момент, когда России нужна сильная непоколебимая армия. Благодаря его крайне неустойчивому командованию, среди местных войск началась дезорганизация. Многие, которым надоело это двусмысленное, неопределенное положение, начали переходить в войска Временного правителя. Такое странное положение не могло долго продолжаться, и вот с целью предотвращения окончательного развала формирующейся армии мы решили соединиться под общим командованием генерала Плешкова. Лишь истинное горячее желание принять участие в спасении нашей родины руководит и будет руководить нами»<sup>84</sup>.

Вечером 23 августа генерал М.М. Плешков объявил о включении вооруженных сил Приморской области в состав Российских войск Дальнего Востока и приказал всем старшим начальникам прибыть к нему. К указанному времени все старшие офицеры войск Приморской области представились главнокомандующему и в 23 час. разошлись по местам. Полковник Толстов, как не исполнивший приказ М.М. Плешкова, был им отстранен от должности командующего вооруженными силами Приморской области и заменен полковником П.Г. Бурлиным. На этом процедура объединения войск была завершена.

Полковник Толстов и поддерживавшие его руководители областного и городского самоуправлений категорически отказались признавать распоряжения Плешкова. Примерно в 24 час. С.С. Толстов, А.С. Медведев, А.Ф. Агарев и А.А. Краковецкий в сопровождении отря-

---

<sup>83</sup> [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 300.

<sup>84</sup> Вестник Маньчжурии. 1918. 30 авг.

да милиции прибыли в штаб войск и попытались взять его под свой контроль, но энергичный протест коменданта г. Владивостока капитана В.П. Викторова вынудил их ретироваться<sup>85</sup>. Милицейский караул, выставленный С.С. Толстовым у штаба крепости рядом с караулом от войск Приморской области, около 3 час. ночи был изгнан с поста.

Утром 24 августа на входе в здание Приморской областной земской управы было вывешено объявление о временном прекращении ее работы. Внутри помещения происходили непрерывные совещания членов Временного правительства автономной Сибири, депутатов Временной Сибирской областной думы, областной земской управы и городской думы с участием полковника Толстова. Здание управы охранял отряд милиционеров. Сюда же был стянут весь резерв владивостокской милиции. Милиционерам удалось разоружить дежуривший в банке наряд от войск Приморской области. Но вскоре у здания банка начали сосредотачиваться дополнительные силы обеих сторон. Неизбежное вооруженное столкновение было предотвращено только благодаря прибытию отряда иностранных войск, состоявшего из американских и чехословацких солдат, который взял под свою охрану банк<sup>86</sup>.

По инициативе земской управы в течение всего дня на улицах Владивостока распространялись листовки, в которых сообщалось, что будто бы Хорват тайно ввел в город значительный вооруженный отряд, захватил штаб и силой оружия заставил старших начальников подчиниться приказу Плешкова. Генералу Хорвату приписывалось намерение арестовать членов областной земской управы и Временного правительства автономной Сибири, а также захватить банк, казначейство и т. п.<sup>87</sup> Одновременно были предприняты меры к тому, чтобы не допустить контрагитации со стороны противника. Так, в ночь на 25 августа по предписанию Приморской областной земской управы ее член Г.Ф. Семешко прибыл в сопровождении вооруженных людей в типографию газеты «Сибирский путь» и приказал разворотить штыками набор номера газеты, а уже отпечатанные экземпляры конфисковал. Действия Г.Ф. Семешко были вызваны стремлением не допустить обнародования приказа генерала М.М. Плешкова о принятии на себя командования войсками Приморской области. Правда, на страницах уничтоженного номера газеты приказы М.М. Плешкова помещены не были<sup>88</sup>.

---

<sup>85</sup> ГАРФ. Ф. 1397, оп. 1, д. 2, л. 1.

<sup>86</sup> Вестник Маньчжурии. 1918. 30 авг.

<sup>87</sup> [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 301–302.

<sup>88</sup> Вестник Маньчжурии. 1918. 30 авг.

Лидерам антихорватовской группировки удалось убедить иностранных консулов в обоснованности своих обвинений и в необходимости, в целях предупреждения кровопролития, ликвидировать «переворот». 25 августа во Владивостоке состоялось совещание военных представителей иностранных держав под председательством командующего японскими военными силами в Приморье генерала Накашима<sup>89</sup>. Участники совещания приняли следующую резолюцию: «Отвечая выраженному мнению представителей союзных держав во Владивостоке, 1) заявить генералу Плешкову, что, так как, учитывая настоящие условия, не могут признать его главнокомандующими русскими военными силами Приморской области, его присутствие считать нежелательным; 2) что войска, находящиеся под командованием полковника Бурлина, должны сдать оружие в тот же день, 25 августа; 3) представители союзников ничего не имели бы против, чтобы эти обезоруженные войска перешли в распоряжение атамана Семенова или полковника Толстова при условии, если тот или иной их примет; 4) здание штаба крепости должно быть отдано в распоряжение полковника Толстова в тот же день». В конце резолюции генерал Накашима написал: «Это решение должно осуществиться без задержки до утра 26 августа»<sup>90</sup>.

Генерал М.М. Плешков ничего не сделал для того, чтобы не допустить реализации намерений «союзников». Бросив на произвол судьбы подчинявшиеся ему войска, под благовидным предлогом он немедленно выехал из Владивостока. В тот же день, около 18 час., полковник П.Г. Бурлин получил распоряжение союзного командования о немедленной сдаче русскими войсками всего оружия и очищения ими занимаемых помещений. При этом отряды союзных войск окружили штаб и расположение русских частей. Бурлин вынужден был подчиниться давлению «союзников». К 22 час. войска Приморской области были разоружены и изгнаны из мест своего пребывания<sup>91</sup>.

В результате мероприятий, проведенных «союзниками», полковник С.С. Толстов был восстановлен в прежней должности. Однако его авторитет в войсках Приморской области, и без того находившийся на

---

<sup>89</sup> В работе совещания участвовали капитан американской службы Брезина (представитель полковника Штейера), комендант Дейнлоп (представитель полковника Робертсона), капитан Фанда (представитель полковника китайской службы Камородолина), комендант Верже (представитель генерала Париса), поручик Брош (представитель генерала Дитерихса) и представитель Чехословацкого национального совета доктор Гирса.

<sup>90</sup> ГАТО. Ф. Р-72, оп. 1, д. 96, л. 159; Призыв. 1918. 30 авг.

<sup>91</sup> ГАРФ. Ф. 1397, оп. 1, д. 2, л. 1–2.

невысоком уровне, упал до нулевой отметки. Офицерство объявило ему бойкот. Показательный в этом отношении конфликт произошел в кафе «Олимпия». Полковник Толстов, имея на груди орден Св. Георгия, сидел за столом и пил кофе, когда к нему подошел поручик Матвеев, также георгиевский кавалер. Поручик, взяв под козырек и испросив разрешения обратиться, заявил: «Господин полковник, известно ли Вам, что Вы постановлением владивостокской группы офицеров ордена Св. Георгия за содействие разоружению российских войск лишены права ношения ордена, коего и я являюсь представителем. Потрудитесь, господин полковник, снять; в противном случае я это сделаю сам». Поручик Матвеев явно рассчитывал, что в ответ на оскорбление Толстов вызовет его на дуэль, однако тот, волнуясь, «тоном уличенного на месте преступления» сказал: «Потрудитесь написать на бумаге Ваш протест, здесь же я Вас прошу не делать инцидента, я сейчас уйду». После чего поспешно удалился<sup>92</sup>.

Второго сентября 1918 г., сказавшись больным, С.С. Толстов передал командование войсками Приморской области командиру второй бригады полковнику Х.Е. Бутенко. На следующий день в газете «Дальневосточная окраина» было опубликовано открытое письмо С.С. Толстова следующего содержания. «Отвечать на ложь и те приемы, к которым прибегли лица определенного лагеря против меня, я считаю ниже своего достоинства. Сожалею, что к числу лиц, поднявших на меня травлю, принадлежат многие офицеры, определенно знавшие меня как искреннего сторонника слияния военных русских сил воедино, но, конечно, не под главенством генерала, находящегося в полном подчинении правителя генерала Хорвата. Получив власть командующего из рук земских и городских самоуправлений как выразителей воли и желаний большинства населения Приморской области, я, естественно, нося 20 лет с честью офицерские погоны, по своим убеждениям не мог обмануть доверие и категорически отверг сделанные мне предложения генералом Хорватом через генерала Самойлова, а также приказ генерала Плешкова о подчинении ему. Выполняя свой долг перед выборными органами земских и городских самоуправлений, т. е. народом, и чувствуя себя физически и нравственно переутомленным, решил оставить командование войсками и, вместе с тем, требовать о назначении смешанной комиссии, дабы доказать населению, что все распространяемое против меня есть гнусная ложь. Что же касается постановления группы георгиевских кавалеров, то этот акт, как незаконный, считаю для себя не обязательным.

---

<sup>92</sup> Приморская жизнь. 1918. 2 окт.



Действия противной стороны в корне разрушают созданное упорным двухмесячным трудом налаживающееся военное дело и могут привести к потере самостоятельности высшего русского командования в деле организации русских войск на Д[альнем] Востоке»<sup>93</sup>.

По свидетельству генерала В.Е. Флуга, когда разоружение русских частей во Владивостоке уже состоялось, иностранные консулы стали сомневаться в целесообразности столь поспешно принятой ими меры. Эти сомнения усилились после прибытия во Владивосток английского генерала А. Нокса, наделенного особыми полномочиями<sup>94</sup>. 3 сентября 1918 г. майор английской службы Денлон прибыл в штаб Владивостокской крепости и сделал официальное заявление о намерении возвратить оружие, изъятое ранее у частей войск Приморской области<sup>95</sup>.

Процедура возвращения оружия состоялась 10 сентября в помещении штаба Владивостокской крепости. Военнослужащим 1-го и 2-го Сибирских стрелковых полков было передано 163 винтовки. Затем, уже на улице, состоялась молебен и парад<sup>96</sup>. «Весь город расцвечен был национальными флагами, и лишь одно здание стояло угрюмо, ничем не украшенное — здание земской управы. Все сияли радостью, и лишь эти дезертиры от большевизма были хмуры и невеселы...», — писала харбинская газета «Призыв»<sup>97</sup>.

«Этой запоздалой реабилитацией, однако, не могли быть вполне сглажены следы тяжкого оскорбления, нанесенного русской армии, — писал В.Е. Флуг, — тем более что возвращение оружия было обусловлено немедленным удалением отряда из Владивостока в полосу отчуждения КВЖД»<sup>98</sup>. 19 сентября 1-й и 2-й Сибирские полки и 3-й дивизион 1-го Сибирского артиллерийского полка войск Приморской области прибыли в Харбин, а позднее расположились на станции Ханьдаохядзы, где и оставались до декабря 1918 г. в качестве группы войск генерала Бурлина<sup>99</sup>.

Таким образом, попытка формирования на территории Приморской области русских антибольшевистских вооруженных сил к концу августа 1918 г. полностью провалилась. Причиной тому стала позиция иностранных держав, которые не желали восстановления Российской

---

<sup>93</sup> Дальневосточная окраина. 1918. 3, 4 сент.

<sup>94</sup> [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 302.

<sup>95</sup> Приморская жизнь. 1918. 4 сент.

<sup>96</sup> Вестник Маньчжурии. 1918. 15 сент.

<sup>97</sup> Призыв. 1918. 15 сент.

<sup>98</sup> [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 302.

<sup>99</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 3, л. 78; Вестник Маньчжурии. 1918. 19 сент.

государственности на Дальнем Востоке и противодействовали созданию какого-либо противовеса своему военному присутствию в регионе. Деструктивную роль сыграли и эсеры. В возрождении русской регулярной армией они видели угрозу реванша контрреволюционных сил в России.

Не менее отрицательную роль в процессе формирования белогвардейских вооруженных сил в Приморье сыграл генерал М.К. Дитерихс. Для характеристики этого деятеля уместно будет привести следующее свидетельство. Полковник Толстов рассказывал генералу Будбергу, что когда началось разграбление чехами военных складов Владивостокской крепости, он обратился с жалобой к Дитерихсу, как «к русскому генералу русского Генерального штаба». Но тот ответил: «И дальше будем поступать так же, у нас ничего нет, и взять нам неоткуда; русского же нам жалеть нечего»<sup>100</sup>. Весьма странную позицию занимал генерал, которому спустя год суждено было стать одним из главных руководителей возрожденной «Российской армии».

\* \* \*

В сентябре 1918 г. ликвидация советской власти на территории от Байкала до Тихого океана была полностью завершена. Исход борьбы на территории Забайкальской области решили части I Средне-Сибирского корпуса Сибирской армии и Чехословацкого корпуса, входившие в состав так называемого Восточного фронта. Эти войска, находившиеся под общим командованием генерал-майора Р. Гайды, наступая с запада вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, 26 августа заняли Читу, а 31 августа в районе станции Оловянная соединились с Особым Маньчжурским отрядом атамана Семенова.

К этому времени в Приморье завершилось сосредоточение значительной группировки союзнических войск. 3 августа из Гонконга во Владивосток прибыл английский 25-й Миддлсекский пехотный полк, 9 августа — батальон французов. С 11 по 15 августа во Владивостокском порту выгрузилась японская 12-я пехотная дивизия численность около 16 тыс. чел. 15 августа начали прибывать части экспедиционного корпуса США, насчитывавшего около 9 тыс. чел. В ночь на 24 августа крупные силы японцев перешли в наступление и 5 сентября заняли Хабаровск. Вместе с японскими войсками в город вступил Особый казачий отряд есаула И.П. Калмыкова.

После падения Читы и Хабаровска большевистские руководители Амурской области пребывали в полной растерянности. Вечером 18 сентября началась стихийная эвакуация красногвардейцев из Бла-

---

<sup>100</sup> Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 208.

говещенска в Сахалин. В ночь на 19 сентября находившийся в Сахалине Амурский отряд атамана И.М. Гамова под непосредственным командованием подполковника И.Н. Никитина скрытно переправился на русский берег и к 5 час. утра занял весь город. Советские войска были разоружены. 19 сентября в городе Зея состоялось последнее заседание Дальсовнаркома, на котором было принято решение о прекращении вооруженной борьбы. В тот же день Зея была занята наступавшими с востока японскими войсками<sup>101</sup>.

На основании полномочий, полученных от Временного Сибирского правительства, 5 сентября командир I Средне-Сибирского корпуса полковник А.Н. Пепеляев предложил Г.М. Семенову занять пост командира Приамурского корпуса Сибирской армии и главного начальника Приамурского военного округа, на что последний ответил согласием.<sup>102</sup> Приказом по Сибирской армии от 10 сентября 1918 г. полковник Г.М. Семенов, теперь уже официально, был назначен командиром V Приамурского армейского корпуса со штабом в Хабаровске. В состав корпуса предполагалось включить 9-ю Сибирскую стрелковую дивизию из 33-го Владивостокского, 34-го Хабаровского, 35-го Благовещенского и 36-го Ново-Уссурийского Сибирских стрелковых полков, а также Забайкальскую и Сводную (Амурского и Уссурийского казачьих войск) казачьи дивизии. Для комплектования, снабжения и охраны государственного порядка V Приамурскому корпусу были выделены территории Амурской, Приморской и Камчатской областей, а также казачьи земли Забайкальской области<sup>103</sup>.

Тогда же произошло восстановление организационных структур Забайкальского казачьего войска. 30 августа в должность войскового атамана ступил полковник В.В. Зимин, избранный на этот пост еще в 1917 г. Начальником войскового штаба был назначен есаул И.Х. Шароглазов, должность атамана 1-го военного отдела Забайкальского казачьего войска занял генерал-майор И.Н. Толстихин, 2-го военного отдела — войсковой старшина А. Хлебников, 3-го военного отдела — полковник А.П. Силинский, 4-го военного отдела — войсковой старшина Ф.Ф. Рюмкин. Все эти назначения были осуществлены войсковым атаманом с согласия Г.М. Семенова как

---

<sup>101</sup> Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918–1922 гг. М., 1957. С. 35–36; Бюллетень правительства Амурской области. 1918. 21 сент.

<sup>102</sup> Вестник Маньчжурии. 1918. 15 сент.

<sup>103</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 256, л. 35. В приказе полковник Г.М. Семенов ошибочно именуется атаманом Забайкальского казачьего войска.

командира V Приамурского армейского корпуса<sup>104</sup>.

Реально Семенов контролировал лишь небольшую часть Забайкальской области, примыкавшую к китайской границе, и приступить к фактическому исполнению возложенных на него обязанностей он не мог при всем своем желании. К тому же, приказ о назначении Семенова, скорее всего, не был согласован командующим Сибирской армией генерал-майором П.П. Ивановым-Риновым с Советом министров Временного Сибирского правительства. Семенов поэтому не спешил объявить о вступлении в командование корпусом и занял выжидательную позицию.

Лишь 8 октября 1918 г. на ст. Борзя Г.М. Семенов подписал приказ № 1 по войскам V Приамурского отдельного корпуса<sup>105</sup>, в котором объявил о вступлении в командование корпусом и в должность главного начальника Приамурского военного округа. Начальником штаба корпуса был назначен генерал-майор П.П. Оглоблин, обер-квартирмейстером — полковник Н.Г. Сабельников, дежурным штаб-офицером — полковник Л.В. Вериго, начальником снабжений — полковник М.И. Афанасьев, начальником военных сообщений — подполковник С.Н. Меди, инспектором артиллерии — подполковник В. Воскресенский, корпусным инженером — подполковник Квятковский, корпусным интендантом — полковник С.А. Бирюков.

Тем же приказом войсковым атаманам Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск предписывалось призвать по мобилизации всех казачьих офицеров в возрасте от 18 до 43 лет включительно и, кроме того, призвать на действительную службу казаков нарядов 1917 и 1918 гг. Данный контингент должен был влиться в состав войсковых частей и соединений, которые предлагалось сформировать по следующему плану: Забайкальскому казачьему войску — Забайкальскую казачью дивизию в составе 1-го, 2-го, 3-го, 4-го Забайкальских казачьих полков и Забайкальского казачьего артиллерийского дивизиона (две батареи); Амурскому казачьему войску — два конных полка и Амурскую казачью батарею; Уссурийскому казачьему войску — один конный полк. Полки должны были иметь в своем составе по четыре сотни, артиллерийские батареи — по четыре орудия. Пунктами формирова-

---

<sup>104</sup> РГВА. Ф. 40417, оп. 1, д. 2, л. 5, 15, 66, 67.

<sup>105</sup> 1 октября 1918 г. штаб Сибирской армии командировал в Читу для назначения на различные штабные должности в V Приамурском корпусе семь офицеров. По прибытию к новому месту службы они встретили совершенно неожиданный прием. В штабе корпуса им сначала предложили подождать с назначениями на должности, а затем арестовали и под конвоем отправили из Читы в Иркутск (Русская армия. 1918. 19 дек.)

ния частей Забайкальской казачьей дивизии назначались Чита (1-й полк и артиллерийский дивизион), Троицкосавск (2-й полк), Акша и Борзя (3-й полк) и Нерчинск (4-й полк)<sup>106</sup>.

Ко времени издания приказа почти все перечисленные в нем воинские части уже были организованы и находились в процессе формирования. Самым крупным и боеспособным соединением корпуса стала 1-я Забайкальская казачья дивизия. Ее формирование началось еще в конце августа по инициативе командира Средне-Сибирского корпуса полковника А.Н. Пепеляева. 19 августа 1918 г. он своим приказом назначил временным наказным атаманом Забайкальского казачьего войска полковника Е.Г. Сычева, которому поручил произвести мобилизацию забайкальских казаков и сформировать из них действующие части. 20 августа Е.Г. Сычев вступил в должность и в тот же день объявил мобилизацию казаков нарядов 1915, 1916, 1917 и 1918 гг.<sup>107</sup>.

Сразу же после взятия чехами и Сибирской армией Читы по приказу А.Н. Пепеляева полковник Е.Г. Сычев приступил к формированию 1-й Забайкальской казачьей дивизии и произвел связанные с этим назначения. На должность начальника штаба дивизии он назначил подъесаула П.А. Федосеева, командира первой бригады — полковника Я.Г. Лапшакова, командиром 1-м Читинским полком — есаула Е.Л. Трухина, 1-м Нерчинским полком — полковника В.И. Войлошникова, 1-м Верхнеудинским — войскового старшину Славинского, 1-м Троицкосавским — полковника А.П. Бакшеева. Формирование артиллерийских частей Е.Г. Сычев поручил полковнику Е.Б. Арцишевскому, который 1 сентября был назначен командиром Забайкальского казачьего артиллерийского дивизиона.

На основании телеграммы командира V Приамурского корпуса от 12 сентября 1918 г., приказом по Забайкальскому казачьему войску от 15 сентября, полки формируемой дивизии были переименованы: 1-й Верхнеудинский — в 1-й Забайкальский, 1-й Читинский — во 2-й Забайкальский, 1-й Нерчинский — в 3-й Забайкальский, а состоявший в Особом Маньчжурском отряде Ононский полк — в 4-й Забайкальский казачий. Местами квартирования частей дивизии назначались: штабу дивизии, 2-му полку и Забайкальскому казачьему артдивизиону — Чита, 1-му полку — Троицкосавск, 3-му полку — Нерчинск, 4-му полку — Оловянная. Во изменение данного приказа 18 сентября 1918 г. в нумерацию полков вновь были внесены коррективы. Полк, форми-

<sup>106</sup> РГВА. Ф. 40138, оп. 1, д. 2, л. 1, 10.

<sup>107</sup> РГВА. Ф. 40417, оп. 1, д. 2, л. 3, 4.

руемый в Чите, получил 1-й номер, в Троицкосавске — 2-й номер, на ст. Борзя (близ Оловянной) — 3-й номер, в Нерчинске — 4-й номер<sup>108</sup>.

К этому времени почти полностью сменился и командный состав дивизии. Приказом по Забайкальскому казачьему войску от 14 сентября 1918 г. начальником дивизии был назначен генерал-майор Д.Ф. Семенов, начальником штаба дивизии — Генштаба полковник И.В. Тонких, командирами первой бригады — полковник Я.Г. Лапшаков, второй бригады — полковник Г.Е. Мациевский, 1-го полка — полковник А.П. Бакшеев, 2-го полка — полковник Н.М. Комаровский, 3-го полка — полковник И.Я. Шемелин, 4-го полка — войсковой старшина В.И. Войлошников, Забайкальского казачьего артедвизиона — есаул Ф.К. Мыльников.

В изменение вышеупомянутых приказов, 20 сентября 1918 г. командиром 1-й бригады Забайкальской казачьей дивизии был назначен полковник А.П. Бакшеев, командиром 2-й бригады — полковник И.Я. Шемелин, командиром 1-го Забайкальского казачьего полка (в Чите) — генерал-майор Г.Е. Мациевский, 2-го Забайкальского казачьего полка (в Троицкосавске) — полковник Н.М. Комаровский, 3-го Забайкальского казачьего полка (на ст. Борзя) — войсковой старшина В.И. Войлошников, 4-го Забайкальского казачьего полка (в Нерчинске) — полковник М.Е. Золотухин<sup>109</sup>. Командиром Забайкальского артедвизиона остался Ф.К. Мыльников, произведенный в войсковые старшины. 1-й Забайкальской казачьей батареей командовал есаул В.К. Токмаков, 2-й Забайкальской казачьей батареей — подьесаул Н.С. Голобоков. 16 октября в составе дивизии началось формирование конно-саперной команды, во главе которой встал есаул К.П. Гладышев<sup>110</sup>.

В связи с формированием V Приамурского корпуса Особый Маньчжурский отряд подвергся реорганизации. 23 сентября из ОМО была выделена Отдельная туземная конная бригада в составе 2-го Даурского, 3-го Даурского (Хамарского) конных полков и артиллерийской батареи. 11 октября бригада была развернута в Отдельную туземную конную дивизию, с 19 октября именованную Отдельной инородческой конной. Числившаяся в составе дивизии Туземная артиллерийская батарея подполковника Александровича 27 ноября была преобразована в «Инородческую конно-артиллерийскую бригаду Отдельной инородческой конной дивизии». Эта дивизия была прикомандирована к V Приамурского корпуса с подчинением непосредственно

<sup>108</sup> РГВА. Ф. 39781, оп. 1, д. 1, л. 1, 3, 16.

<sup>109</sup> РГВА. Ф. 40417, оп. 1, д. 2, л. 47, 78.

<sup>110</sup> РГВА. Ф. 39781, оп. 1, д. 1, л. 39; ф. 40417, оп. 1, д. 62, л. 49.

атаману Г.М. Семенову. Во главе дивизии встал генерал-майор Р.Ф. Унгерн фон Штернберг<sup>111</sup>.

Особый маньчжурский отряд после выделения из него вышечисленных частей с 8 октября вошел в состав корпуса. Во главе ОМО Г.М. Семенов поставил начальника своего конвоя войскового старшину А.И. Тирбаха с предоставлением ему прав начальника отдельной бригады. Для управления отрядом был организован новый штаб, так как прежний штаб ОМО был переименован в штаб V Приамурского корпуса. Начальнику Особого маньчжурского отряда были подчинены находившиеся в распоряжении Г.М. Семенову бронированные поезда «Атаман», «Грозный», «Мститель» и «Семеновец».

Приказом по V Приамурскому корпусу от 19 октября 1918 г. на территории Забайкальской области были образованы два военных района. Первый район охватывал территории Читинского, Нерчинского и Нерчинско-Заводского уездов (управление в Чите), второй район — Верхнеудинского, Троицкосавского, Селенгинского и Баргузинского (управление в Верхнеудинске), за исключением казачьих территорий. Начальником первого военного района генерал-майор Д.Ф. Семенов, начальником второго военного района — начальник 8-й Читинской стрелковой дивизии генерал-майор Л.В. Афанасьев. Права и обязанности начальников военных районов на казачьих территориях возлагались на атаманов соответствующих отделов Забайкальского казачьего войска<sup>112</sup>.

Особый казачий отряд атамана Калмыкова остался совершенно самостоятельной боевой единицей, не входившей в состав каких-либо войсковых объединений. Управление и структура отряда окончательно сложились в сентябре — ноябре 1918 г. Помощником атамана Калмыкова и его заместителем на время отъездов из Хабаровска являлся есаул А.П. Эпов, начальником штаба отряда — есаул Ю.А. Савицкий, старшим адъютантом штаба — подъесаул Е. Алексеев, обер-офицером для поручений хорунжий — Н. Клок, начальником артиллерии отряда — подъесаул А. Никитин. Ко времени взятия Хабаровска в состав отряда атамана Калмыкова входили Уссурийский казачий дивизион (подъесаул И. Толстоногов), пулеметная команда (сотник Михайловский), конвойный взвод (подъесаул В. Бирюков), а также артилле-

---

<sup>111</sup> РГВА. Ф. 40138, оп. 1, д. 1, л. 34; Д. 2, л. 2, 3, 6; Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура (материалы для справочника). М., 2000. С. 197, 259.

<sup>112</sup> РГВА. Ф. 40138, оп. 1, д. 2, л. 6.

рия — двухбатарейный конно-горный дивизион, отдельная легкая батарея и отдельный тяжелый взвод.

Приказом Калмыкова от 12 сентября 1918 г. Уссурийский казачий дивизион был развернут в Уссурийский казачий полк четырехсотенного состава. Его командиром был назначен войсковой старшина А.М. Бирюков. Кроме того, в составе отряда 13 сентября были организованы пластунская сотня, 24 октября развернутая в пластунский пеший дивизион (батальон) двухсотенного состава (командир — подъесаул П. Птицын) и инженерно-техническая рота (командир — есаул П. Макаренко, с 6 ноября — есаул Кастальев). В состав последней входили саперная полурота, конно-подрывная команда, железнодорожная команда, команда связи и парк<sup>113</sup>.

21 октября в Хабаровске начал работу 5-й чрезвычайный войсковой круг Уссурийского казачьего войска. Делегаты круга наградили И.П. Калмыкова чином генерал-майора. Калмыкову удалось провести решение о дополнительной мобилизации уссурийских казаков и создании новых вооруженных формирований в составе Особого казачьего отряда. Круг запретил службу уссурийских казаков в каких-либо отрядах, кроме Особого казачьего атамана Калмыкова и Особого маньчжурского атамана Семенова. На основании решений круга 4 ноября Калмыков подписал приказ о мобилизации казаков срока службы 1917–1920 гг., а также 1913 — 1916 г., не бывших на фронте, Мобилизации также подлежали все, ранее служившие в Красной армии, и учителя-казаки, принимавшие участие в большевистском движении. В связи с предстоящей мобилизацией 6 ноября Калмыков приказал приступить к формированию в Никольск-Уссурийском 2-го Уссурийского казачьего полка (командир — войсковой старшина Н.И. Савельев). Позднее этот полк дислоцировался на станции Гродеково<sup>114</sup>.

Как известно, до революции территория Дальнего Востока входила в состав Приамурского военного округа со штабом в Хабаровске. После падения советской власти в городе окружной штаб восстановил свою деятельность, но, в отличие от штабов Омского и Иркутского военных округов, не стал организационным аппаратом управления антибольшевистских вооруженных сил в регионе. Офицерский состав штаба и управлений округа оказался во власти ата-

---

<sup>113</sup> РГВА. Ф. 39544, оп. 1, д. 1, л. 3, 9, 12, 18–23, 24, 26, 30, 100.

<sup>114</sup> РГВА. Ф. 39544, оп. 1, д. 1, л. 100, 117; Вестник Маньчжурии. 1918. 27 окт.; Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 130–132.



мана Калмыкова, который 17 сентября самозвано объявил о вступлении в должность начальника Хабаровского гарнизона и о подчинении себе всех учреждений военного ведомства, входящих в состав Приамурского военного округа<sup>115</sup>. Опираясь на японцев, Калмыков не признавал над собой никакой власти и фактически парализовал все попытки вернуть Хабаровску статус главного военного центра в регионе. Аналогичную позицию занимал и атаман Семенов, который, приняв от Временного Сибирского правительства пост командира V Приамурского армейского корпуса, признавал его власть на Дальнем Востоке лишь формально.

При свержении советской власти в Благовещенске, в целях «скорейшего упорядочения жизни» в городе, было образовано Правительство Амурской области под председательством бывшего Благовещенского городского головы правого эсера А.Н. Алексеевского. В состав правительства вошли атаман Амурского казачьего войска И.М. Гамов, начальник Амурского отряда подполковник И.Н. Никитин и председатель Амурской областной земской управы Н.Н. Родионов. По распоряжению правительства командующим войсками Амурской области 23 сентября был назначен И.Н. Никитин, ранее занимавший должность начальника штаба отряда атамана Гамова.

В течение октября произошло организационное оформление вооруженных сил области. Временное Амурское правительство на своем заседании 6 октября одобрило доклад А.Н. Алексеевского о мобилизации в войска области неказачьего населения сроков службы 1917 — 1918 гг., т. е. родившихся в 1896 — 1897 гг. Мобилизованный контингент предполагалось влить в ряды вновь формируемого 1-го Амурского стрелкового полка. В то же время 5-й круг Амурского казачьего войска принял решение о расформировании Амурского отряда атамана Гамова, а для продолжения борьбы с большевиками сформировать четырехсотенный Амурский казачий полк и четырехорудийную Амурскую казачью батарею. Для укомплектования этих частей призывались казаки сроков службы 1917–1920 гг., а также казаки призыва 1916 г., которые не были на Германском фронте<sup>116</sup>. Согласно донесению, направленному подполковником С.Н. Колеговым на имя генерал-квартирмейстера штаба Сибирской армии, в начале октября

---

<sup>115</sup> Дальневосточная окраина. 1918. 8 окт.

<sup>116</sup> Бюллетень правительства Амурской области. 1918. 21 сент.; *Савченко С.Н.* Белая армия на Дальнем Востоке: возникновение и структура (сентябрь 1918 — февраль 1920 гг.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922). Вып. 2. Хабаровск, 1999. С. 40–41.

вооруженные силы Временного Амурского правительства насчитывали примерно 1,1 тыс. офицеров, казаков и добровольцев при семи артиллерийских орудиях<sup>117</sup>.

\* \* \*

В сентябре 1918 г. председатель Совета министров Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский, а в октябре 1918 г. командующий Сибирской армией П.П. Иванов-Ринов<sup>118</sup> осуществили поездку на Дальний Восток. Их целью являлась ликвидация функционировавших здесь Временного правительства автономной Сибири П.Я. Дербера — И.А. Лаврова во Владивостоке и Делового кабинета генерала Д.Л. Хорвата на станции Гродеково, а также включение дальневосточных антибольшевистских вооруженных формирований в состав Сибирской армии. Кроме того, необходимо было урегулировать отношения с двумя дальневосточными атаманами — Г.М. Семеновым и И.П. Калмыковым.

Без особых усилий Вологодскому удалось добиться ликвидации ВПАС. Создать собственную армию военному министру этого правительства А.А. Краковецкому не удалось. Как упоминалось выше, войска Приморской области, состоявшие преимущественно из офицеров, не желали подчиняться ни ВПАС, ни Приморской земской управе, и в конце августа предприняли попытку перейти на сторону генерала Д.Л. Хорвата. Атаман Г.М. Семенов, на поддержку которого рассчитывал Краковецкий, в начале сентября признал Временное Сибирское правительство П.В. Вологодского. В итоге Временное правительство автономной Сибири, не признанное «союзниками» и лишённое какой-либо военной опоры, не имело ни малейших шансов отстоять свои претензии на власть в Сибири. 21 сентября 1918 г. П.В. Дербер, В.И. Моравский, П. Жернаков, А.А. Трутнев, И.А. Лавров и подполковник А.А. Краковецкий обратились к прибывшему во Владивосток П.В. Вологодскому с заявлениями о сложении с себя званий членов Сибирского Временного правительства<sup>119</sup>.

---

<sup>117</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 3, л. 37.

<sup>118</sup> При П.П. Иванове-Ринове был сформирован «Походный штаб командующего Сибирской армией» В его состав вошли: и. д. начальника штаба генерал-майор П.А. Бобрик, начальник инженеров армии полковник Н.А. Завьялов, помощник инспектора артиллерии армии полковник П. Коншлин, и. д. генерал-квартирмейстера штаба Генштаба подполковник С.Н. Колегов, и. д. дежурного генерала штаба подполковник Данилькевич, а также 14 офицеров, занимавших нижестоящие должности (РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 3, л. 175).

По инициативе Вологодского вся военная и гражданская власть на территории Дальнего Востока была передана генерал-майору Р. Гайде. Указом Временного Сибирского правительства от 14 сентября 1918 г. он был назначен главнокомандующим всеми военными и морскими силами на Дальнем Востоке с предоставлением ему прав главноначальствующего в Амурской, Приморской и Забайкальской областях, и в полосе отчуждения КВЖД<sup>120</sup>. Данное назначение объясняется тем, что Гайда, уже занимал пост старшего оперативного начальника по отношению к войскам Сибирской армии, прибывшими в Забайкалье, и, кроме того, являлся начальником 2-й чехословацкой дивизии, части которой располагались в Приморье.

Генералы Д.Л. Хорват и М.М. Плешков категорически отказались признать полномочия Гайды как главноначальствующего в полосе отчуждения КВЖД. По прибытии в Харбин Гайда пожелал встретиться с Плешковым и приказал ему явиться для доклада. В ответном письме Плешков заявил, что если Гайде это угодно, пусть он сам явится к нему. Этот спор чуть было не вылился в вооруженное столкновение, ибо обе стороны привели в боевую готовность свои войска. Но в дело вмешались иностранцы. В частности, Квантунский генерал-губернатор генерал Никамура проинформировал консульский корпус в Харбине и генерала Хорвата о своем непризнании новоявленного главноначальствующего. В результате Гайда пошел на попятную, самоустранившись от дальнейшего участия в конфликте<sup>121</sup>.

26 сентября 1918 г., якобы ввиду отъезда «для проведения ряда необходимых мер по охранению государственного порядка и общественного спокойствия», он передал исполнение своих обязанностей по должности главноначальствующего в Приморской, Амурской, Забайкальской областях и в полосе отчуждения КВЖД полковнику Э. Кадлецу. В тот же день Кадлец объявил о вступлении в должность, отметив, однако, что его назначение «не упраздняет никаких местных военных и гражданских постов по управлению краем».

В ответ на данный приказ генерал М.М. Плешков 29 сентября выступил с заявлением следующего содержания: «Ввиду появившихся в газетах и на улицах приказа чехословацкого полковника Кадлеца о вступлении им в должность главноначальствующего в полосе отчуждения КВЖД, сим объявляю всему русскому населению, что в полосе отчуждения КВЖД главноначальствующим состоит генерал Хорват, а

---

<sup>119</sup> Сибирский путь 1918. 24 сент.

<sup>120</sup> Сибирский вестник. 1918. 6 нояб. (приложение 5-е)

<sup>121</sup> Думы Алтая. 1918. 25 окт.

за его отсутствием его обязанности по его приказу исполняю я. Что же касается чехословацкого командования, то в силу существующих договоров с Китаем оно никаких прав на территории дороги не имеет и иметь не может, а посему все их распоряжения и приказы русским властям и населению исполняться не должны»<sup>122</sup>.

Третьего октября П.В. Вологодский сообщил генералу Д.Л. Хорвату, что полномочия Р. Гайды и его заместителя Э. Кадлеца в отношении полосы отчуждения ограничиваются лишь командованием русскими и чехословацкими отрядами, которые «проходили и еще проходят» по линии КВЖД, в письме от 8 октября выразил «искреннее сожаление» о том, что «некоторые назначения на Дальнем Востоке последовали слишком спешно». П.В. Вологодский заверил, что впредь находящиеся на Дальнем Востоке уполномоченные Временного Сибирского правительства будут ставить Хорвата в известность и согласовывать с ним свои действия и распоряжения. Тогда же полковнику Кадлецу было предложено сохранить за собой права главнокомандующего в пределах приказа Р. Гайды, однако с освобождением от исполнения обязанностей главноначальствующего по гражданской части<sup>123</sup>. В конечном итоге П.В. Вологодский и Д.Л. Хорват пошли на уступки друг другу и достигли взаимовыгодного компромисса. Указом Временного Сибирского правительства от 28 октября 1918 г. генерал Д.Л. Хорват был назначен Верховным уполномоченным правительства на Дальнем Востоке, а 1 ноября генерал-майор П.П. Иванов-Ринов приказал «всем войскам, штабам, управлениям и учреждениям военного ведомства на Дальнем Востоке, всем морским командам, судам, штабам, управлениям и учреждениям Сибирской и Амурской флотилий поступить в подчинение Верховному уполномоченному через его помощника по военной части»<sup>124</sup>.

\* \* \*

После самоликвидации Временного правительства автономной Сибири немногочисленные войска Приморской области были включены в состав Сибирской армии. В изменение приказа по армии от 10 сентября 1918 г. временно, до окончательного урегулирования военного управления на Дальнем Востоке, 4 октября генерал П.П. Иванов-Ринов назначил полковника Х.Е. Бутенко командующим сухопутными и морскими силами Приморской области, с правами командира неотдельного корпуса. На полковника Бутенко возлагалось формиро-

---

<sup>122</sup> Приамурье. 1918. 5 окт.

<sup>123</sup> ГАРФ. Ф. 176, оп. 3, д. 19, л. 41, 64, 94.

<sup>124</sup> Сибирский путь. 1918. 6 нояб.

вание 9-й Сибирской стрелковой дивизии и соответствующей ей кадровой дивизии. Командиру же V Приамурского армейского корпуса полковнику Г.М. Семенову предлагалось продолжать формировать Забайкальскую и Сводную казачьи дивизии, а также штаб корпуса<sup>125</sup>.

Вступив в должность, полковник Бутенко попытался свою власть распространить и на Хабаровский гарнизон. 13 октября он официально заявил, что приказ № 1 по Хабаровскому гарнизону, изданный атаманом Калмыковым 17 сентября 1918 г., исполнению не подлежит, так как «офицер этот самозвано объявил себя начальником гарнизона, не будучи назначен на эту должность»<sup>126</sup>. Вслед за этим Бутенко направил в Хабаровск генерал-лейтенанту А.С. Сулевичу телеграмму, в которой заявил, что приказом командующего Сибирской армией атаман Калмыков подчинен ему, как командующему военно-сухопутными и морскими силами Приморской области, и предложил Сулевичу принять от Калмыкова должность начальника Хабаровского гарнизона. Неисполнение Калмыковым этого распоряжения должно было, по словам Бутенко, привести к нежелательным для него осложнениям в связи с ожидавшимся прибытием на Дальний Восток командующего Сибирской армией генерала П.П. Иванова-Ринова.

Атаман Калмыков категорически отказался сдать должность начальника гарнизона генералу Сулевичу и направил во Владивосток полковнику Е.Х. Бутенко, в Никольск-Уссурийский генералу Л.Н. Скипетрову и в Читу атаману Г.М. Семенову телеграмму следующего содержания: «1) Сохранив честь и достоинство офицера русской армии полным разрывом с предательской властью в самом начале ее упрочения на Дальнем Востоке, создав отряд на принципе железной дисциплины, на принципе „солдат должен быть вне политики“, удостоившись чести принять боевое крещение в рядах доблестных союзников на Уссурийском фронте, развертывая отряд как боевую единицу русской армии с задачей дальнейшего участия на фронте, за проданную честь и достоинство истерзанной родины — я, как атаман созданного мною отряда, категорически отказываюсь не только от подчинения, но даже от совместной работы с вами, как ставленника Вакулина и компании.

2) Как войсковой атаман Уссурийского казачьего войска протестую против вашего незаконного стремления подчинить меня; ваше же незаконное вмешательство в жизнь Уссурийского казачьего войска, выразившееся в не принадлежащем вам праве мобилиза-

---

<sup>125</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 256, л. 39.

<sup>126</sup> Народная газета (Никольск-Уссурийский). 1918. 20 окт.

ции казаков, считаю преступным.

3) Не признавая вас, не признаю и ваших ставленников, и передавать им обязанности начальника гарнизона, взятые мною на основании устава гарнизонной службы, не намерен.

4) Нежелательных осложнений с вами не боюсь, готов на них и заявляю, что я не из тех, кого можно запугать.

В связи с вышеизложенным, считаю долгом откровенно заявить вам, что ваши распоряжения по Хабаровскому гарнизону и учреждениям г. Хабаровска по военным вопросам, как тормозящие дело создания армии, встретят с моей стороны полное пренебрежение и противодействие.

Как кадровый офицер русской армии, свято чтящий идею воссоздания ее, рекомендую вам в интересах дела, над которым я работаю восемь месяцев, раз навсегда отказаться от идеи быть моим командующим»<sup>127</sup>.

Генерал П.П. Иванов-Ринов прибыл во Владивосток 23 октября. В своем выступлении на совместном заседании военных и гражданских властей, состоявшемся в помещении областного комиссариата, он выразил уверенность, что на Дальнем Востоке, также как и в Западной Сибири, будет создана правильно организованная армия. Командарм заявил, что конфликты «между отдельными воинскими начальниками и военными отрядами» объясняются недоразумениями и недостаточной осведомленностью, ибо «нельзя предположить, чтобы кто-либо с тысячным отрядом пошел против России». Всех, кто не подчинится ему, как военному министру Временного Сибирского правительства, Иванов-Ринов пообещал объявить изменниками страны и поступить с ними как с изменниками<sup>128</sup>.

Атаман Г.М. Семенов в этом конфликте занял нейтральную позицию. 30 октября 1918 г. в интервью корреспонденту «Народной газеты» он обратил внимание на то, что И.П. Калмыков связан решениями 5-го круга Уссурийского казачьего войска, который постановил, «что он никакому правительству не подчиняется и только согласен будет отдать отчет в своих распоряжениях и приказах или Сибирской областной думе или Учредительному собранию». Подчиняясь постановлению этого круга, Калмыков не мог признать себя подчиненным военному министру и поэтому во время своего пребывания во Владивостоке не представился ему»<sup>129</sup>.

---

<sup>127</sup> Далекая окраина. 1918. 22 окт.

<sup>128</sup> Народная газета (Никольск-Уссурийский). 1918. 25 окт.

<sup>129</sup> Народная газета (Никольск-Уссурийский). 1918. 31 окт.

На следующий день, 31 октября 1918 г., в Хабаровске состоялось совещание атаманов И.П. Калмыкова, И.М. Гамова и Г.М. Семенова, на котором решился вопрос об объединении Уссурийского, Амурского и Забайкальского казачьих войск в союз под общим командованием Г.М. Семенова. Для окончательной легитимации данного решения было решено созвать краевой казачий съезд в Чите. Однако съезд так и не состоялся, а сам союз Дальневосточных казачьих войск был оформлен лишь соглашением трех атаманов. При этом И.П. Калмыков и И.М. Гамов признали Г.М. Семенова походным атаманом всех строевых частей Забайкальского, Уссурийского и Амурского казачьих войск<sup>130</sup>. Следует отметить, что Г.М. Семенов не имел никаких прав выступать от имени Забайкальского казачьего войска, атаманом которого в это время являлся полковник В.В. Зимин. Только спустя полгода, 23 апреля 1919 г., Г.М. Семенов был избран походным атаманом Забайкальского казачьего войска<sup>131</sup>, и лишь с этого времени мог на законных основаниях именовать себя походным атаманом всех Дальневосточных казачьих войск.

\* \* \*

Япония, стремясь к установлению контроля над территорией русского Дальнего Востока, направила в Россию свои войска, которые к осени того же года оккупировали территорию от Владивостока до Читы. Осознавая невозможность прямой аннексии Дальнего Востока, она пошла по пути привлечения на свою сторону местных казачьих атаманов с тем, чтобы проводить японскую политику русскими руками. Однако не следует воспринимать атаманов Семенова и Калмыкова как прямых ставленников Японии. Атаманы пытались использовать поддержку японцев для организации на Дальнем Востоке антибольшевистских вооруженных сил, в то время как другие стремились опираться на США, Англию или Францию.

Командующий Сибирской армией генерал П.П. Иванов-Ринов в докладе на имя Верховного главнокомандующего генерала В.Г. Бол-

---

<sup>130</sup> Савченко С.Н. Создание Союза Дальневосточных казачьих войск (осень 1918 г.) // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения. Материалы Вторых Гродковских чтений. Хабаровск, 1999. С. 95–96.

<sup>131</sup> РГВА. Ф. 39532, оп. 1, д. 4, л. 1. Организационным аппаратом Г.М. Семенова как походного атамана стало образованное 15 мая 1919 г. управление Дальневосточных казачьих войск (начальник — генерал-майор М.И. Афанасьев). В состав управления входило шесть отделений — общее, мобилизационное, инспекторское, хозяйственное, административное и инородческое.

дырева 13 ноября 1918 г. отмечал, что малейшее несогласие с Семеновым «может отвратить его от нас и заставит сыграть на японцев». «Свидетельствую, — писал Иванов-Ринов, — что Семенов обладает всеми средствами и возможностями порвать сообщение Омска с востоком. А это случится, если поставить его в оппозицию». Чтобы нейтрализовать атамана и поддерживавших его японцев, командующий армией предложил организовать на Дальнем Востоке казачий корпус (из частей Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск) под командованием Семенова, а в противовес ему создать на всякий случай армейский корпус. Только таким способом, по мнению Иванова-Ринова, и можно было справиться с атаманством, а вместе с тем и с интригой японцев<sup>132</sup>. В связи с проектом командарма, видимо, было принято решение об изъятии 8-й Читинской стрелковой дивизии из состава IV Восточно-Сибирского корпуса и передаче ее в распоряжение Семенова. Вместо генерал-майора Л.В. Афанасьева приказом атамана Семенова от 24 ноября 1918 г. начальником 8-й Сибирской стрелковой дивизии был назначен генерал-майор А.В. Мисюра<sup>133</sup>.

14 ноября 1918 г. «согласно личного приказа командующего Сибирской армией» Г.М. Семенов приступил к формированию Отдельного Восточного казачьего корпуса и подписал приказ № 1 по его войскам. В первом параграфе этого приказа он сообщил, что в состав V Приамурского и Восточного казачьего отдельных корпусов входят 1-я Забайкальская казачья дивизия, Амурская и Уссурийская казачьи бригады, Особый маньчжурский атамана Семенова отряд, Инородческая и 8-я Читинская стрелковая дивизии. Впредь до особого распоряжения управление обоими корпусами возлагалось на штаб Отдельного восточного казачьего корпуса. С 18 ноября полковник Семенов подписывал приказы «по Отдельному восточному казачьему корпусу и Отдельному 5-му Приамурскому корпусу», не указывая свою должность.

Ввиду последовавшего вскоре избрания полковника П.П. Оглоблина войсковым атаманом Иркутского казачьего войска, 18 ноября 1918 г. начальником штаба корпуса был назначен полковник Л.В. Вериге. Ставшую вакантной должность дежурного штаб-офицера штаба корпуса занял полковник П. Савостьянов. Прибывший в Читу по направлению из штаба Сибирской армии полковник Н.Г. Сабельников пришелся «не ко двору» и был заменен в должности обер-квартирмейстера штаба корпуса войсковым старшиной Е.Д. Жуковским.

---

<sup>132</sup> Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. Документы и материалы. Владивосток, 1995. С. 61.

<sup>133</sup> РГВА. Ф. 40138, оп. 1, д. 1, л. 32.



Кроме того, 30 ноября генерал-майор М.И. Афанасьев занял вновь учрежденный пост помощника командира корпуса, а на освободившуюся должность начальника снабжения был назначен полковник С.А. Бирюков, которого в должности корпусного интенданта заменил войсковой старшина А.П. Федотьев<sup>134</sup>.

Командир V Приамурского армейского корпуса полковник Г.М. Семенов являлся единственным из старших военных начальников, кто не признал избрание Колчака Верховным правителем и Верховным главнокомандующим. Уже вечером 18 ноября председатель Совета министров Российского правительства П.В. Вологодский получил от Г.М. Семенова телеграмму, в которой сообщалось об отказе признать Колчака Верховным правителем, так как в свое время Колчак не оказал никакой помощи продовольствием и снаряжением Особому маньчжурскому отряду, хотя и имел к тому полную возможность. Семенов предложил избрать Верховным правителем А.И. Деникина, А.И. Дутова или Д.Л. Хорвата. По свидетельству Вологодского, через полчаса после первой телеграммы от Семенова была получена вторая, в которой тот предупредил, что в случае неисполнения его требований он объявит Дальний Восток особой государственной единицей. Вологодский передал эти телеграммы Колчаку, но, к его удивлению последний отнесся к ним довольно спокойно. Колчак сказал, что ничего другого не ожидал от Семенова; его угроз бояться нечего, с ним не трудно справиться, так как преданных воинских частей у Семенова не много, тысяч до пяти, не больше, и не удастся ему образовать отдельной государственной единицы на Дальнем Востоке. Дальше Забайкалья его влияние не распространяется, а на Амуре и во Владивостоке он в принципе не имеет приверженцев<sup>135</sup>.

Пожалуй, самую резкую и хлесткую оценку Семенову дал генерал А.П. Будберг, охарактеризовавший его действия как открытое восстание, поднятое «кучкой разбойных негодяев». Будберг называет их «белыми большевиками, работающими только на потеху собственной жадности, распущенности, разврату и общей нравственной мерзости. В их пьяных башках, ошалевших от безнаказанности, — писал Будберг, — видимо, не способна шевельнуться мысль, какую мерзость они делают против той родины, которую хвастаются защищать; трясясь за свою шкуру, за свою вольную и разбойную жизнь, они замахи-

---

<sup>134</sup> РГВА. Ф. 40138, оп. 1, д. 1, л. 1, 4, 40.

<sup>135</sup> *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.) / Сост., предисл. и коммент. Д.Г. Вульфа, Н.С. Ларькова, С.М. Ляндреса. Рязань, 2006. С. 119.

ваются на неприятную для них фигуру адмирала, а бьют по всему делу восстановления государства»<sup>136</sup>.

По мнению генерала Д.В. Филатьева, «Семенов, хотя и действовавший как Иуда Искариотский, формально был, так сказать, в своем праве признать или не признать выбор Омского совета министров. Когда-то он добровольно подчинился Директории, избранной совещанием 19-ти правительств; это не означало, что он брал на себя обязательство беспрекословно соглашаться на все, что последует за возможным уходом Директории от власти, и решение Совета министров не могло почитаться для него обязательным, и возглавление Колчаком не только Сибири, но и всей России — беспорным»<sup>137</sup>.

Об отказе признать Колчака Семенов сообщил также Хорвату и Дутову, но в ответных телеграммах они осудили его демарш. Совместное послание с осуждением действий Семенова от имени Оренбургского, Уральского, Забайкальского и Семиреченского казачьих войск прислало атаману их представители при Омском правительстве<sup>138</sup>. В результате Семенов стал склоняться к тому, чтобы признать Колчака и даже подготовил текст соответствующей телеграммы.

Однако 1 декабря адмирал А.В. Колчак подписал приказ № 61, согласно которому полковник Семенов «за неповиновение, нарушение телеграфной связи и сообщений в тылу армии, что является актом государственной измены», отрешался от командования V Приамурским корпусом и всех занимаемых им должностей. Корпус был подчинен генерал-майору В.И. Волкову, которому поручалось «привести в повиновение всех неповинующихся Верховной власти»<sup>139</sup>. После получения этого приказа Семенов отменил телеграмму о признании и вместо нее послал другую, в которой сообщил, что он готов был подчиниться, но теперь этого не сделает, так как считает себя, своих помощников и свой отряд незаслуженно оскорбленным и опозоренным<sup>140</sup>.

---

<sup>136</sup> Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 230–231.

<sup>137</sup> Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985. С. 38.

<sup>138</sup> Савченко С.Н. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) и поездка атамана А.И. Дутова на Дальний Восток (июнь — август 1919 г.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Хабаровск, 1999. С. 49.

<sup>139</sup> Русская армия. 1918. 7 дек.

<sup>140</sup> Сахаров К.В. Белая Сибирь // «Дело не получило благословения Бога». Хабаровск, 1992. С. 64.

Ко времени издания приказа № 61 генерал В.И. Волков находился в Иркутске. Согласно приказу адмирала Колчака, 2 декабря 1918 г. он объявил о вступлении в командование отдельной Восточно-Сибирской армией. Начальником штаба армии он назначил обер-квартирмейстера штаба IV Восточно-Сибирского армейского корпуса полковника Н.В. Главацкого, которому и поручил организовать штаб. Приказом от 3 декабря генерал Волков назначил помощником начальника штаба армии капитана Бурова, правителем канцелярии — полковника Гернберга, начальником строевого отделения — капитана Ильина, особого отделения — старшего адъютанта разведывательного отделения капитана Деллинсгаузена, по дипломатической части — штабс-капитана Моллериуса и делопроизводителем штаба — состоявшего в резерве чинов при штабе корпуса чиновника военного времени Подмогаева<sup>141</sup>.

Вступив в должность командующего Восточно-Сибирской армией, генерал Волков командировал на станцию Слюдянка отряд в 100 бойцов под командованием войскового старшины Бабушкина. Отряд получил задачу взять под свою охрану железнодорожные тоннели, расположенные между станциями Байкал и Слюдянка. В то же время Волков послал в Читу полковника И.Н. Красильникова с целью склонить Семенова к признанию власти Верховного правителя. Однако его миссия не увенчалась успехом. По словам Красильникова, Семенов очень обижался на то, что в приказе № 61 его действия были названы изменой<sup>142</sup>.

10 декабря 1918 г. Волков приказал полковнику А.В. Катанаеву вступить во временное командование V Приамурским и Сводно-казачьим корпусами и, не теряя ни минуты, энергично приняться за работу по поднятию их боеспособности в целях оказания скорейшей помощи фронту<sup>143</sup>. Имея на руках приказ о новом назначении, 14 декабря Катанаев во главе группы офицеров выехал в Читу. По его свидетельству, Семенов почти согласился признать власть Колчака, но затем, когда члены делегации вечером того же дня вновь пришли к Семенову, он в присутствии своих помощников Л.В. Вериги, М.И. Афанасьева и Л.Н. Скипетрова отказался от дальнейшего обсуждения данного вопроса<sup>144</sup>.

---

<sup>141</sup> РГВА. Ф. 40936, оп. 1, д. 1, лл. 2, 16.

<sup>142</sup> ГАРФ. Ф. 178, оп. 1, д. 2а, л. 7.

<sup>143</sup> РГВА. Ф. 40936, оп. 1, д. 1, л. 4.

<sup>144</sup> ГАРФ. Ф. 178, оп. 1, д. 2а, л. 7; Утро Сибири. 1918. 17 дек.

Для борьбы с Семеновым предполагалось использовать дислоцировавшуюся в Забайкальской области 8-ю Читинскую стрелковую дивизию. 9 декабря начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Д.А. Лебедев распорядился вернуть 8-ю Сибирскую стрелковую дивизию в состав IV Восточно-Сибирского корпуса, а 13 декабря генерал Л.В. Афанасьев получил приказ вновь вступить в командование соединением. Однако назначенный Семеновым генерал А.В. Мисюра отказался сдавать дивизию Л.В. Афанасьеву. 16 декабря генерал В.И. Волков «за действия антидисциплинарные, несовместимые с занимаемым им высоким служебным постом» отстранил Мисюру от командования указанной дивизией и приказал ему выехать в Иркутск для зачисления в резерв чинов при штабе IV Восточно-Сибирского корпуса<sup>145</sup>. Но в тот же день в Березовку из Читы прибыл инспектор пехоты Восточно-Сибирской отдельной армии генерал Л.Н. Скипетров. С его приездом Мисюра, ранее проявлявший некоторые колебания, открыто встал на сторону Семенова. Генерал Л.В. Афанасьев был посажен под домашний арест. Генералы Скипетров и Мисюра предложили Афанасьеву добровольно выехать в Иркутск, однако последний заявил, что покинет свой пост только в результате применения к нему силы. В результате, его под конвоем отправили на станцию Дивизионная и насильно посадили в поезд, следовавший в сторону Иркутска. Командир 30-го Нерчинского Сибирского стрелкового полка подполковник В.П. Охлопков за распространение приказа № 61 был снят с должности.

Следует отметить, что командиры и личный состав расквартированных в Забайкальской области воинских частей в большинстве своем отрицательно отнеслись к демаршу Г.М. Семенова. По свидетельству полковника П.П. Томиловского, в Березовке адмирала Колчака признали 29-й и 30-й Сибирские стрелковые полки, а также инженерная рота 8-й дивизии. Из частей Березовского гарнизона на стороне Семенова находился лишь артиллерийский дивизион (без орудий). Но офицеры-«колчаковцы» не осмелились на решительные действия, которые могли привести к столкновению с семеновскими войсками (в Верхнеудинске стояли конный полк и бронепоезд «Грозный»). Кроме того, по свидетельству старшего адъютанта штаба дивизии штабс-капитана А.Ф. Мауринга, японцы проявляли явное сочувствие Семенову. Когда командир бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии полковник Зевакин намекнул японскому майору, что если Мисюра допускает насилие в отношении Афанасьева, то по отношению к Ми-

---

<sup>145</sup> РГВА. Ф. 39513, оп. 1, д. 17, л. 211, 230.

сюре тоже может быть проявлено насилие, этот майор заявил, что японское командование никакого насилия в отношении генерала Мисюры как законного начальника не допустит<sup>146</sup>.

Раскол произошел и среди казачьих начальников. Подчиняться Г.М. Семенову отказались командир расквартированного в Троицкосавске 2-го Забайкальского казачьего полка полковник Н.М. Комаровский и атаман 1-го военного отдела Забайкальского казачьего войска генерал-майор И.Н. Толстихин. 18 декабря Г.М. Семенов приказал отрезать их от занимаемых должностей и предать военно-полевому суду<sup>147</sup>. Эти офицеры, однако, предпочли покинуть Троицкосавск и в тот же день выехали в Иркутск. В Верхнеудинск Семенов отправил шифрованную телеграмму с приказанием арестовать следовавших из Троицкосавска Толстихина и Комаровского и отправить их в Читу.

Начальник Верхнеудинского гарнизона генерал А.В. Мисюра, получивший эту телеграмму в ночь на 19 декабря, оказался в затрудненном положении, ибо не был уверен, что ему удастся выполнить приказание. Начальник штаба дивизии капитан Афанасьев, к которому Мисюра обратился за советом, заявил, что, во-первых, оба эти офицера не преступники и поэтому никто не имеет права их арестовать; во-вторых, штаб дивизии не будет пособником в этом деле; в третьих, что в случае ареста нельзя ручаться за то, что не начнутся кровавые эксцессы со стороны офицеров дивизии с целью не допустить арестов. В то же время капитан Афанасьев принял меры к тому, чтобы известить генерала И.Н. Толстихина о грозившей ему опасности<sup>148</sup>.

Соответствующее отношение к конфликту со стороны находившихся в районе Верхнеудинска командиров японских частей объясняется инструкциями, полученными ими от своего выше стоявшего руководства. Генерал Юхи заявил, что «Япония не допустит никаких мер против Семенова, не останавливаясь даже для этого перед применением оружия...». Такие инструкции были посланы 3-й японской дивизии, дислоцировавшейся в Забайкалье. Такая позиция мотивировалась тем, что, во-первых, японское правительства не может «оставить Семенова на произвол судьбы в виду несомненных его заслуг как первого активного борца против большевиков и немцев», а, во-вторых, бои между войсками Семенова и Волкова ослабят тыл белочехов».

Встретив сопротивление со стороны Японии, министерство иностранных дел Российского правительства попыталось оказать давле-

---

<sup>146</sup> ГАРФ. Ф. 178, оп. 1, д. 1, л. 10–14.

<sup>147</sup> РГВА. Ф. 40138, оп. 1, д. 1, л. 63–64.

<sup>148</sup> РГВА. Ф. 39539, оп. 1, д. 1, л. 3.

ние на нее со стороны США, Англии и Франции. 21 декабря омскими дипломатами была составлена нота ко всем союзным державам, в которой непризнание власти Колчака Семеновым характеризовалось как препятствие к укреплению вновь образовавшейся власти, а в поддержке его Японией усматривалось «покровительство сепаратистским и явно предательским действиям Семенова, что грозит самыми серьезными последствиями как для России, так может быть и для других держав».

Оправдывая свою позицию по данному вопросу, японские дипломаты утверждали, что «они являются защитниками мира на Дальнем Востоке и не могут согласиться на междоусобную войну в районе, где они находятся для защиты народа». Японские министерство иностранных дел и Генеральный штаб прозрачно намекнули послам и военным атташе стран Антанты, что, по мнению японского правительства, Семенов имеет такие же права на власть в Забайкалье, как и Колчак в Западной Сибири, так как его верховная власть «еще не признана ни одной из держав»<sup>149</sup>.

Отказавшись признать А.В. Колчака, атаман Семенов развязал себе руки для проведения широкомасштабных мероприятий по реорганизации вооруженных сил на Дальнем Востоке. 8 декабря 1918 г. «ввиду фактического существования Отдельных Восточного казачьего и 5-го Приамурского корпусов и формирования Бурятской конной дивизии для удобства управления ими» Г.М. Семенов приказал штаб Отдельного восточного казачьего корпуса переименовать в штаб Отдельной Восточно-Сибирской армии, оставив его по прежнему штату. Согласно приказу, 1-я Забайкальская казачья дивизия, Амурская казачья бригада и Уссурийская казачья бригада были сведены в 1-й Восточно-Сибирский казачий корпус; Читинская пехотная дивизия и Особый маньчжурский атамана Семенова отряд — в V Приамурский корпус; Инородческая конная дивизия и формируемая Бурятская конная дивизия — в Туземный конный корпус.

В тот же день Г.М. Семенов назначил начальником штаба армии полковника Л.В. Веригу, командиром I Восточно-Сибирского казачьего корпуса — генерал-майора Д.Ф. Семенова, командиром V Приамурского корпуса — генерал-майора Н.Г. Нацвалова и приказал сформировать в Чите корпусные штабы. Командиром Туземного конного корпуса был назначен генерал-майор Р.Ф. Унгерн фон Штернберг. Ему

---

<sup>149</sup> Лившиц С.Г. «Верховный правитель» Колчак и атаман Семенов. (К истории «семеновского инцидента») // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922. Новосибирск, 1985. С. 178–179.

предлагалось до формирования Бурятской конной дивизии штаб корпуса не создавать, сосредоточив управление частями в штабе Инородческой конной дивизии<sup>150</sup>.

Инициатива создания Бурятской конной дивизии принадлежала председателю Бурятской народной думы Э.Д. Ринчино. Решение же о формировании бурятских воинских частей принял Общепурятский съезд, состоявшийся в ноябре 1918 г. Реализуя постановление съезда, Бурятская народная дума издала указ о призыве на военную службу бурят 1895–1898 гг. рождения, проживавших на территории Агинского, Селенгинского, Хоринского и Баргузинского аймаков Забайкальской области. Всего предполагалось поставить в строй около 2 тыс. человек<sup>151</sup>.

Что из себя представляла структура ОМО после выделения из него частей, вошедших в состав Инородческой бригады, не совсем ясно. Входивший в его состав Сербский конный атамана Семенова дивизион приказом от 18 ноября был переведен из Маккавеево в Читу, а 23 ноября был исключен из списков ОМО и зачислен на все виды довольствия при штабе Отдельного восточного казачьего корпуса с подчинением наштабору. Атаман Семенов предполагал развернуть этот дивизион в четырехэскадронный Сербский полк, но план этот реализован не был. 11 декабря вышел приказ впредь до формирования названной части именоваться «Сербским конным дивизионом». 19 декабря, согласно поданного рапорта, командир дивизиона подполковник Драгович был отчислен от занимаемой должности с назначением в распоряжение командира V Приамурского корпуса. Позднее Сербский дивизион был возвращен в состав ОМО<sup>152</sup>.

По всей видимости, в списках ОМО в это время оставался Семеновский пеший полк. Кавалеристы-добровольцы, оставшиеся в отряде после передачи казаков в части 1-й Забайкальской казачьей дивизии, вероятно, были направлены на формирование первого дивизиона Приамурского конного полка. 14 ноября в состав ОМО был включен «Ургинский атамана Семенова отряд» с переименованием его во второй дивизион Приамурского конного полка. К началу февраля 1919 г.

---

<sup>150</sup> РГВА. Ф. 40138, оп. 1, д. 1, л. 48. Сообщив в приказе об образовании Отдельной Восточно-Сибирской армии, Семенов, не объявил о своем вступлении в командование ее войсками. Приказы по армии он подписывал как «Походный атаман Дальневосточных казачьих войск» или «Атаман Дальневосточных войск».

<sup>151</sup> Курас Л.В. Атаман Семенов и национальные военные формирования // История белой Сибири. Тез. III науч. конф. 2–3 февр. 1999. Кемерово, 1999. С. 44.

<sup>152</sup> РГВА. Ф. 40138, оп. 1, д. 1, л. 4, 31, 52, 65.

в ОМО числились Семеновский пеший полк, Приамурский конный полк, 1-й конный полк и Сводный артиллерийский дивизион<sup>153</sup>.

По свидетельству генерала Г.Е. Катанаева, все войска, входившие в состав Отдельной Восточно-Сибирской армии, насчитывали не более 8–10 тыс. чел., включая пехоту, кавалерию и артиллерию. Ядро этой армии составляли уцелевшие от развала части 8-й Сибирской стрелковой дивизии бывшего V Приамурского армейского корпуса и три оставшихся в составе Забайкальской казачьей дивизии конных полка с их артиллерией. Эти части были достаточно хорошо обмундированы, снаряжены, вооружены, обучены и составляли около половины численности всей армии. Другая половина армии, по словам Г.Е. Катанаева, представляла «не более как сброд всякого рода русских и главным образом инородческих — бурятских, тунгусских и монголо-маньчжурских добровольцев, плохо, а в большинстве и совсем не обмундированных, не снаряженных и не обученных воинскому делу<sup>154</sup>.

\* \* \*

Ранее упоминалось, что при образовании V Приамурского армейского корпуса в его составе намечалось сформировать 9-ю Сибирскую стрелковую дивизию. Приказом атамана Семенова начальником этой еще не существующей дивизии был назначен генерал-майор Л.Н. Скипетров. В сентябре 1918 г. он прибыл в Никольск-Уссурийский, но каких-либо конкретных шагов, направленных на формирование соединения, видимо, не делал. Связано это было с почти полным отсутствием личного состава и сложной обстановкой, возникшей после разоружения частей войск Приморской области, пытавшихся перейти под командование генерала М.М. Плешкова. Кроме

---

<sup>153</sup> 18 апреля 1919 г. ОМО был преобразован в особую Маньчжурскую атамана Семенова дивизию. 25 апреля последовал приказ дивизии впредь именоваться без слова «особая», а в ее составе сформировать Конную атамана Семенова бригаду из двух полков. 1-й конный атамана Семенова полк надлежало сформировать из Сводного казачьего дивизиона, Пластунского полка и Сербского дивизиона; 2-й конный атамана Дутова полк — из Приамурского конного полка и Ургинского отряда. Помимо конной бригады в дивизии числились к июню 1919 г. Маньчжурский стрелковый атамана Семенова полк, Егерский батальон, стрелковая артиллерийская бригада, состоящая из 1-го конно-артиллерийского дивизиона (1-я и 2-я конные батареи) и 2-го Сводного артиллерийского дивизиона (тяжелая и легкая батареи), а также инженерный дивизион и дивизион бронепоездов.

<sup>154</sup> Катанаев Г.Е. На заре сибирского самосознания. Воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. Новосибирск, 2005.



того, у Скипетрова не сложились отношения с командующим войсками области полковником Х.Е. Бутенко.

Получив от командующего Сибирской армии подтверждение своих полномочий как командующего войсками Приморской области, Бутенко принял на себя и обязанности по формированию 9-й Сибирской стрелковой дивизии. В этих условиях генерал Скипетров вынужден был вернуться в Читу в штаб атамана Семенова. Принятые ранее на себя обязанности начальника Никольск-Уссурийского гарнизона и по формированию дивизии Скипетров 20 октября передал коменданту города полковнику Квятковскому<sup>155</sup>.

Ко времени назначения генерала Д.Л. Хорвата Верховным уполномоченным на Дальнем Востоке в его подчинении находились Российские войска под командованием генерала от кавалерии М.М. Плешкова со штабом в Харбине (начальник штаба войск генерал-майор Б.Р. Хрещатицкий, помощник начальника штаба подполковник К.К. Акинтиевский).

На станции Раздольная располагалась Отдельная уссурийская бригада (начальник бригады — генерал А.Е. Маковкин, начальник штаба — Генштаба капитан Смирнов). В состав бригады входили: 1-й егерский полк (77 офицеров, 315 солдат), 2-й Пластунский полк (65 офицеров, 309 солдат), Конно-егерский полк (58 офицеров, 369 солдат), 1-й легкий артиллерийский дивизион (девять орудий, 24 офицера, 284 солдата), Отдельная гаубичная батарея (два орудия, шесть офицеров, 91 солдат), Инженерная рота (девять офицеров, 60 солдат), Отдельное телеграфное отделение (два офицера, 39 солдат), Отдельная радиостанция (один офицер, 11 солдат), Полевая почтово-телеграфная контора (шесть чиновников, два солдата), управление интенданта и врача (шесть офицеров, 95 солдат), всего 289 офицеров, 1 646 солдат, 11 орудий, 16 пулеметов.

На станции Ханьдаохядзы находилась группа войск генерала П.Г. Бурлина. В ее состав входили штаб (97 офицеров), 1-й Сибирский стрелковый полк (28 офицеров, 104 солдата), 2-й Сибирский стрелковый полк (24 офицера, девять солдат), 3-й дивизион 1-го Сибирского артиллерийского полка (20 офицеров, семь солдат), Артиллерийский склад (18 офицеров), чины санитарного ведомства (12 чел.), всего 199 офицеров, 140 солдат. В состав Российских войск входили также морская рота (62 офицера, 187 матросов), бронированный поезд (шесть офицеров, шесть орудий, семь пулеметов) и Сводный запасный полк (82 офицера)<sup>156</sup>.

---

<sup>155</sup> Народная газета (Никольск-Уссурийский). 1918. 22 окт.

Приказом Верховного уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке от 22 ноября 1918 г. «ввиду предстоящего перехода к восстановлению русской вооруженной силы на Дальнем Востоке к нормальной военной организации» ставилась задача расформировать к 1 декабря 1918 г. штаб главнокомандующего Российских войск, управление главного начальника снабжений, управление начальника военных сообщений (в Харбине), управление Отдельной уссурийской бригады, управление по ремонту кавалерии и артиллерии, штаб Российских войск Приморской области (генерала П.Г. Бурлина), штаб войск Приморской области (полковника Х.Е. Бутенко), 3-й Туземный конный полк. Одновременно с расформированием перечисленных штабов и управлений генерал Хорват приказал к 1 декабря восстановить функционирование штаба крепости Владивосток со всеми крепостными управлениями и управление заведующего воинскими перевозками по КВЖД<sup>157</sup>.

Из подлежащих расформированию воинских частей и управлений решено было сформировать 9-ю Сибирскую стрелковую дивизию. На формирование дивизии предписывалось обратить следующие ранее расформированные части: Уссурийскую отдельную бригаду в составе штаба бригады, 1-го пластунского егерского полка, 2-го пехотного пластунского полка, Конно-егерского полка, 1-го легкого артиллерийского дивизиона, отдельной гаубичной батареи, инженерной роты, отдельного телеграфного отделения, полевой почтово-телеграфной конторы, отдельной полевой радиостанции, управления бригадного интенданта с учреждениями и управления бригадного врача; Сводный запасный полк; российские войска Приморской области под начальством генерала Бурлина в составе штаба войск, 3-го и 4-го Сибирских стрелковых полков и 3-го дивизиона 1-го Сибирского артиллерийского полка; войска Приморской области в составе штаба войск, 3-го и 4-го Сибирских стрелковых полков, 3-й особой Сибирской батареи и Никольск-Уссурийской унтер-офицерской школы. Уссурийская добровольческая сотня оставалась в подчинении коменданта крепости. При формировании дивизии в отношении ее состава и численности, а также лошадей и обоза следовало придерживаться штатов, существовавших к началу войны 1914–1917 гг.

---

<sup>156</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 3, л. 78.

<sup>157</sup> РГВА. Ф. 40446, оп. 1, д. 1, л. 10а.

28 ноября 1918 г. командующий войсками Дальнего Востока генерал В.Е. Флуг утвердил инструкцию по формированию 9-й Сибирской стрелковой дивизии. Согласно этой инструкции, из частей, перечисленных в приказе Хорвата, следовало сформировать четыре стрелковых полка 4-бальонного состава с соответствующими командами. При дивизии предписывалось сформировать артиллерийскую бригаду из шести легких батарей шестиорудийного состава и одной тяжелой четырехорудийной батареи.

Приказом от 23 ноября 1918 г. Хорват назначил временно командующим 9-й Сибирской стрелковой дивизией генерал-лейтенанта П.А. Кордюкова, который уже на следующий день приступил к исполнению своих обязанностей. Начальником штаба дивизии был назначен Генштаба подполковник Смирнов. К концу декабря были организованы 1-я бригада дивизии под командованием полковника П.М. Иванова-Мумжиева в составе 33-го (полковник И.С. Пустовойтенко) и 34-го (полковник Круковский) Сибирских стрелковых полков и 2-я бригада под командованием генерал-майора С.П. Смирнова в составе 35-го (полковник Б.И. Новаков) и 36-го (генерал-майор В.А. Волков) Сибирских стрелковых полков. Командиром 9-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады был назначен генерал-майор Б.П. Илинский. Подполковник Урядов и полковник Федоров заняли должности командиров соответственно 1-го и 2-го дивизионов этой бригады (все трое с 5 января 1919 г.)<sup>158</sup>.

На базе кавалерийских частей, находившихся в непосредственном подчинении у генерала Хорвата, была создана Уссурийская конная бригада под командованием генерал-майора А.Е. Маковкина. В состав бригады вошли Конно-егерский полк полковника В.В. Врштиля. вновь формируемый Приморский драгунский полк (командир — полковник Н.И. Шипунов).

\* \* \*

Несмотря на то, что с сентября 1918 г. Дальний Восток и Забайкальская область находились под юрисдикцией Временного Сибирского правительства, формирование здесь частей и соединений Сибирской армии встретило труднопреодолимые препятствия. Местнические амбиции дальневосточных атаманов, борьба за власть между различными политическими силами и вмешательство интервентов сорвали многочисленные попытки объединить русские вооруженные формирования на Дальнем Востоке под единым руководством.

---

<sup>158</sup> РГВА. Ф. 40446, оп. 1, д. 1, л. 11, 17, 18; Д. 3, л. 2.

Образование Временного Всероссийского, а затем и Российского правительств, создание в Омске органов верховного командования всеми антибольшевистскими вооруженными силами России не изменили сложившейся ситуации. К концу 1918 г. адмирала Колчака как Верховного правителя и Верховного главнокомандующего признавали лишь немногочисленные части, располагавшиеся на территории Приморской области. В итоге военный потенциал Дальнего Востока оказался не использованным в ходе противоборства белых и красных на Урале весной 1919 года.

**В.А. Шулдяков**

**К ВОПРОСУ О РОЛИ КАЗАЧЕСТВА В ОБРАЗОВАНИИ  
«ВСЕРОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ» НА ВОСТОКЕ РОССИИ В 1918 г.**

Представления о Великой Российской революции 1917–1922 гг. не могут быть сколько-нибудь полными без определения места и роли в ней казачества; по меньшей мере потому, что именно казачьи области (Дон, Кубань, Оренбуржье, Забайкалье) стали первыми и наиболее мощными очагами антисоветского сопротивления и важнейшими театрами гражданской войны. Нельзя не согласиться с составителями специального сборника, впервые давшего «панораму» белоказачьего движения от Дона до Дальнего Востока, что проблема участия казачества в Белом движении и, добавим, в революции в целом, — это «комплекс вопросов, на которые ученые до сих пор не дали однозначных ответов»<sup>1</sup>.

Для новейшей общероссийской историографии достаточно типичны отрицательные оценки политического поведения казачьего сословия в гражданскую войну. Так, московский исследователь А.В. Ганин полагает, что казаки, преследуя свои эгоистические сословные цели (избавиться от обязанностей, но сохранить все привилегии), не доросли до четкого понимания общегосударственных задач и не могли поставить их выше своих узких местных интересов. По его мнению, казачий сепаратизм тормозил централизацию управления, без жесткого контроля сверху «казаки превращались в деструктивную массу». В целом роль казачества и его лидеров в гражданскую войну, как и в Смуту начала XVII века, А.В. Ганин оценивает как «малопривлекательную», «весьма неблагоприятную», а «казачью альтернативу» — как несостоятельную<sup>2</sup>.

Что касается сибирской историографии, в ней сохраняется мнение, будто в Сибири «казачий фактор» в политических процессах периода революции и гражданской войны существенной роли не сыграл, а политическое значение казачьей элиты и в целом офицерства оценивается резко негативно, что отразилось и в терминологии:

---

<sup>1</sup> Белая Гвардия. № 8. Казачество России в Белом движении. М., 2005. С. 7.

<sup>2</sup> См.: Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 528, 529, 540, 525, 527, 530, 102.

«атаманщина», «военщина» и т. п.<sup>3</sup> В действительности деятельность в этот период политических институтов и лидеров казачьих войск востока России просто не изучена.

После Февральской революции в результате проведения двух всероссийских казачьих съездов (март и июнь 1917 г.), фронтового казачьего съезда (октябрь — ноябрь 1917 г.) и деятельности Совета Союза казачьих войск, в который входили полномочные представители всех войск, российское казачество приобрело большой опыт солидарной политической работы. По мере того как Временное правительство в течение 1917 г. постепенно сдавало позиции левым партиям, казаки укрепляли свои войсковые автономии и под лозунгом «оздоровления России с окраин» налаживали тесные контакты между соседними казачьими войсками. На юге европейской части страны это вылилось в конечном итоге в создание «Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» (Владикавказ, 20 октября 1917 г.). В него вошли Донское, Кубанское, Терское и Астраханское казачьи войска, а также Дагестан, горские и степные народы Терека, Кубани и Ставрополя, горцы Сухумского округа. После восстания большевиков в Петрограде о присоединении к этому союзу заявило Уральское войско (31 октября 1917)<sup>4</sup>, к участию в нем склонялись Оренбургское и Сибирское войска<sup>5</sup>. Высказывалось осенью 1917 г. и предложение образовать по образцу Юго-Восточного «Восточный казачий союз» в составе Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск, «Казакостана» и «Башкурдистана»<sup>6</sup>. Вся эта организационная работа, имевшая целью воссоздание путем федеративного объединения окраин общероссийской антисоветской государственности, была прервана с захватом большевиками в начале 1918 г. казачьих «столиц» и падением «объединенного Юго-Восточного» и Войсковых правительств.

---

<sup>3</sup> См., напр.: *Шиловский М.В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 422–423, 425.

<sup>4</sup> *Кириенко Ю.К.* Революция и донское казачество (февраль — октябрь 1917 г.). Ростов н/Д., 1988. С. 171–172; *Трут В.П.* Казачий излом: Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революций 1917 года. Ростов н/Д., 1997. С. 115, 126.

<sup>5</sup> *Шендриков И.Н.* К объединению казачества // Сибирский казак (Омск). 1919. 5 октября; *Березовский Е.П.* Из воспоминаний о Л.Г. Корнилове // Русское слово (Харбин). 1928. 25 апреля.

<sup>6</sup> *Ленивов А.К.* Историческая справка о Калмыцком, Башкирском, Енисейском и Красноярском казачьих войсках, возникших в период 1917–1920 гг. // Вольное казачество. Прага, 1931. № 74. С. 9.

Со свержением советской власти в казачьих районах востока России восстанавливаются органы войскового самоуправления, которые вступают в тесные контакты друг с другом. Так, на 4-й чрезвычайный круг Сибирского войска в Омск приехали делегаты оренбургских, енисейских и семиреченских казаков. Выступая 5 июля 1918 г. на круге, представитель съезда казаков-оренбуржцев Челябинского, Троицкого и Верхнеуральского уездов П.Х. Фомичев выразил надежду, что «все казачьи войска соединятся в одну мощную семью и пойдут бороться за святые лозунги и свои вольности». А делегат Енисейского войска Н. Солодовников предложил для более тесного объединения всех казаков Сибири создать центральный казачий орган. В результате 4-й круг сибирцев поручил своему Войсковому правительству принять меры к созыву Всесибирского казачьего съезда<sup>7</sup>. Оживленные отношения сложились у Сибирского войска с соседним Оренбургским<sup>8</sup>, войсковым атаманом которого являлся А.И. Дутов, бывший в 1917 г. председателем Совета Союза казачьих войск.

Инициатором политического объединения казачества востока России выступил новый войсковой атаман сибирцев П.П. Иванов-Ринов<sup>9</sup>. В условиях, когда на казачьих землях еще шли бои, нормально организовать общеказачий съезд не представлялось возможным. Иванов-Ринов предложил воспользоваться созывом в Челябинске предварительного Государственного совещания (23–25 августа 1918 г.) и провести параллельно казачью конференцию. На нее приехали представители Астраханского, Уральского (Яицкого), Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Енисейского и Иркутского войск. Из войсковых атаманов были А.И. Дутов и П.П. Иванов-Ринов, по словам современника, «авторитетно содействовавшие объединению казачества»<sup>10</sup>.

Челябинская казачья конференция обсудила принципы объединения казачества и выработала проект «Союзного договора Восточного союза казачьих войск». В союз, согласно проекту, входили шесть войск Урала и Сибири (все представленные на конференции, за исключением Астраханского, находившегося под властью большевиков). Главными целями объединения были заявлены поддержка об-

---

<sup>7</sup> Дневник 4-го Чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска. Омск, 1918. С. 12, 125; Постановления 4-го Чрезвычайного войскового круга Сибирского казачьего войска. Омск, 1918. С. 12.

<sup>8</sup> Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937. С. 90.

<sup>9</sup> Русская армия (Омск). 1918. 22 декабря.

<sup>10</sup> Шендриков И.Н. Государственность и казачество: К истории Уфимского Государственного совещания // Русская армия (Омск). 1918. 15 декабря.

ластных государственных образований, стремящихся к восстановлению единой России, создание твердой центральной власти, «ответственной только перед правильно организованным народным представительством», установление общеказачьего представительства при будущем всероссийском правительстве, обеспечение порядка и спокойствия на территориях казачьих войск, защита земельных, экономических, общественно-политических и иных интересов казачества. Высшим полномочным органом союза должен был стать съезд представителей войсковых правительств и правлений. Постановление съезда становилось обязательным лишь для того войска, представители которого высказались за решение. В своей внутренней жизни, а также в не противоречащих целям союза внешних сношениях каждое войско сохраняло полную независимость<sup>11</sup>.

В отличие от федеративного Юго-Восточного союза, создавшего объединенное правительство с целью превращения его во всероссийское (путем присоединения к союзу других областей), Восточный казачий союз проектировался как конфедеративный. Его главной целью — совместными действиями казаков ускорить создание единой государственной власти (и при этом предохранить от возможных ущемлений права казачества). Впрочем, среди казаков, пусть в меньшинстве, оставались еще, видимо, сторонники казачьей федерации и расширения Восточного казачьего союза за счет «инородцев». Так, Оренбургское войсковое правительство предпринимало в 1918 г. шаги по привлечению в союз башкир, казахов и даже народности Туркестана (туда проект союзного договора доставил есаул Юдин)<sup>12</sup>.

Члены казачьей конференции от Уральского и Оренбургского войсковых правительств, а также П.П. Иванов-Ринов участвовали в Челябинске в предварительном Государственном совещании<sup>13</sup>, войдя в его правое крыло. Они поддержали делегацию Временного Сибирского правительства в вопросах о составе и месте проведения Государственного совещания. Казаки были против участия в нем не имевших реальных сил «инородческих» правительств, за проведение его снова в Челябинске, а не в Самаре, как предлагал Комуч. Как компромиссный вариант, местом проведения была выбрана Уфа<sup>14</sup>.

---

<sup>11</sup> Казачья речь (Троицк). 1918. 17 сентября.

<sup>12</sup> *Машин М.Д.* Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984. С. 41.

<sup>13</sup> *Утгоф В.Л.* Уфимское Государственное совещание 1918 г.: Из воспоминаний участника // *Былое*. Пг., 1921. № 16. С. 24.

<sup>14</sup> *Мельгунов С.П.* Трагедия адмирала Колчака. Белград, 1930. Ч. 1. С. 199–200.



Уфимская казачья конференция<sup>15</sup> также проводилась параллельно Государственному совещанию (8–23 сентября 1918 г.). В Уфу приехали делегаты тех же семи казачьих войск (норма представительства — два человека от войска). Председателем казачьей конференции и «казачьей группы» (фракции) Государственного совещания был генерал-майор А.И. Дутов, а после его отъезда в Оренбург на войсковой круг — представитель Уральского войска генерал-майор Б.И. Хорошин<sup>16</sup>. Тон в казачьей группе задавали кадетствующие и близкие к ним элементы, как правило, с той или иной степенью областнического уклона: войсковой старшина Н.С. Анисимов, Е.П. Березовский (кадет<sup>17</sup>), А.А. Михеев (народный социалист<sup>18</sup>), братья С.Н. и И.Н. Шендриковы (правые областники<sup>19</sup>). Б.И. Хорошин выделялся на Государственном совещании, по воспоминаниям Г.Е. Катанаева, своей «дипломатической и разведывательной деятельностью»<sup>20</sup>.

Для казаков и всех прочих участников уфимского политического действия сентября 1918 г. самым главным было создание единой власти. Войсковая управа Сибирского казачьего войска, направляя в Уфу войскового старшину Е.П. Березовского и генерал-лейтенанта Г.Е. Катанаева, приняла специальное постановление, в котором наказала им действовать на Государственном совещании заодно с представителями Временного Сибирского правительства<sup>21</sup>.

Общий план действий всех делегатов-сибиряков — от правительства и от Сибирского войска — был принят на совещании в Совете министров под председательством В.В. Сапожникова. Присутствовали на нем И.А. Михайлов и часть членов Административного совета. «Очень видное участие» в обсуждении принял управляющий военным министерством и войсковой атаман генерал-майор П.П. Иванов-Ринов. Фактически казаки вошли в состав единой сибирской делегации<sup>22</sup>.

---

<sup>15</sup> РГВА. Ф. 39709, оп. 1, д. 5, л. 22.

<sup>16</sup> Катанаев Г.Е. Заметки для памяти. 1918 г. Рукопись // ГАОО. Ф. 366, оп. 1, д. 427, л. 9–9об.

<sup>17</sup> Шиловский М.В. Указ. соч. С. 54; Акмолинские областные ведомости (Омск). 1918. 26 октября.

<sup>18</sup> Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 205.

<sup>19</sup> Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак: Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921. Т. 1. С. 320; Заря (Омск). 1919. 5 июня; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / Ответ. ред. В.И. Шишкин. М., 2003. С. 577.

<sup>20</sup> ГАОО. Ф. 366, оп. 1, д. 427, л. 9об.

<sup>21</sup> Там же, л. 3об.

<sup>22</sup> Там же, л. 3об.–4об., 6–6об.

Суть ее тактики, заранее продуманной, вероятно, раскрывает запись в дневнике В.Н. Пепеляева от 14 сентября 1918 г. Автор виделся в Омске с И.А. Михайловым, после чего записал: «Серебренников будет углублять разногласия с самарцами, казаки и к.-д. идут на компромисс»<sup>23</sup>.

Казаки, как заметил С.П. Мельгунов, первыми на Уфимском Государственном совещании осуществили «принцип делового объединения»<sup>24</sup>, что неудивительно: ведь они уже пришли к общему мнению по важнейшим политическим вопросам на своей Челябинской конференции, и вообще войсковые атаманы и правительства регулярно информировали друг друга. Общую политическую платформу казачьей группы совещания Г.Е. Катанаев охарактеризовал как тождественную программе Временного Сибирского правительства и близкую к кадетской и энесовской<sup>25</sup>. Ее огласил 12 сентября 1918 г. на третьем пленарном заседании Государственного совещания в качестве декларации всех казачьих войск генерал Б.И. Хорошкин.

Декларируя свой «исконный демократизм», казаки предлагали создать верховную всероссийскую власть из трех лиц, которые для текущей государственной работы составят при себе «деловой кабинет министров». Эту власть предлагалось сконструировать «не по признакам партийности, а по признакам персонального авторитета и проникновенности идеи государственности и патриотизма». Власти, по мнению казаков, следовало действовать «в обстановке полной деловой самостоятельности», независимо от Съезда членов Учредительного собрания, избранного в конце 1917 г. Коллективная диктатура трех лиц, наведя в стране порядок, должна была провести выборы в новое Всероссийское Учредительное собрание, передать ему верховную власть и ответить перед ним за свои действия. Временная центральная власть лишалась самостоятельности только в решении важнейших проблем государственного бытия, типа вопросов войны и мира. В случае безотлагательной необходимости сделать выбор такого значения казаки предлагали создать новое Государственное совещание<sup>26</sup>.

По свидетельству В.Г. Болдырева, отрицательное отношение к Учредительному собранию старого созыва наиболее ярко выразило в своей декларации именно «объединенное казачество»<sup>27</sup>.

---

<sup>23</sup> Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. Иркутск, 1989. № 6. С. 76.

<sup>24</sup> Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 213.

<sup>25</sup> ГАОО. Ф. 366, оп. 1, д. 427, л. 9об.

<sup>26</sup> ГАРФ. Ф. Р-144, оп. 1, д. 36, л. 1; Казачья речь. 1918. 21 сентября; Ганин А.В. Указ. соч. С. 235–236.

<sup>27</sup> Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты: Воспоминания. Новонико-

Реальная работа велась в согласительной комиссии совещания, в которую от казачества вошли Г.М. Астахов (Астраханское войско), А.А. Михеев (Уральское), Н.С. Анисимов (Оренбургское), Е.П. Березовский (Сибирское), С.Н. Шендриков (Семиреченское), П.Д. Шуваев (Енисейское), И.С. Пежемский (Иркутское)<sup>28</sup>. Наиболее острая борьба шла по вопросам ответственности будущей верховной власти перед Съездом членов Учредительного собрания 1917 г. и ее персонального состава. Казаки сразу же оказались на правом фланге согласительной комиссии. Ход дискуссий сибиряки, делегаты Временного Сибирского правительства и Сибирского казачьего войска, обсуждали ежедневно. Их собрания часто проводились совместно с прочими казаками, а также с кадетами и энесами<sup>29</sup>. И.И. Серебренников вспоминал: «[...]Нам, сибирякам и казакам, не искушенным в политике, противостояли весьма серьезные силы в лице лучших представителей партии эсеров. В этом смысле борьба была слишком неравной, тем более, что в нашем лагере совершенно не было ораторских дарований: мы говорили понемногу, коротко и просто, не обнаруживая искусства диалектики. В общем, мы, сибиряки, терялись в эсеровском окружении совещания»<sup>30</sup>. Тем не менее, сибиряки с их союзниками неожиданно для оппонентов проявили упорство в отстаивании своей позиции.

По воспоминаниям В.Г. Болдырева, «ударной группой правого крыла» в согласительной комиссии были казачьи представители во главе с Е.П. Березовским, которого он выделил особо, назвав «упрямым матерым казаком»<sup>31</sup>. Действительно, Е.П. Березовский прямо отказывался признавать права Комуча и предлагал отложить Съезд членов Учредительного собрания «до лучших времен». «Съехавшиеся на Съезд члены Учредительного собрания, — указывал он, — еще не Учредительное собрание»<sup>32</sup>. Идея контроля со стороны этого Съезда над будущей верховной властью, а также проект программы деятельности Всероссийского правительства, предложенный от имени ЦК партии эсеров, вызвали резкие возражения представителя Сибирского казачьего войска. «Стоит ли опутывать правительство программа-

---

лаевск, 1925. С. 40.

<sup>28</sup> Кроль Л.А. За три года (воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1922. С. 102; Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 43.

<sup>29</sup> ГАОО. Ф. 366, оп. 1, д. 427, л. 13.

<sup>30</sup> Серебренников И.И. Мои воспоминания // Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. М., 2003. С. 390.

<sup>31</sup> Болдырев В.Г. Указ. соч. С. 45, 44.

<sup>32</sup> Кроль Л.А. Указ. соч. С. 110.

ми, которые невыполнимы и в мирное время, — говорил Березовский. — Сейчас война, и только о войне нужно думать»<sup>33</sup>.

Поражения Народной армии Комуча, сдача ею Казани и Симбирска (10 и 12 сентября 1918 г.), реальная угроза Сызрани и Самаре, поток беженцев — все это, на первый взгляд, давало на Государственном совещании преимущество правым группировкам<sup>34</sup>. На самом деле эсеры упорно стояли на своем. «Казалось, что они скорее согласятся на сдачу всей своей территории, всего имущества, в том числе золотого запаса, — вспоминал И.Н. Шендриков, — чем откажутся от принципа ответственности верховной власти „перед случайной кучкой членов Учредительного собрания созыва 1917 года“»<sup>35</sup>. Первыми в согласительной комиссии начали колебаться и терять свою сопротивляемость как раз правые: представители Уральского и Оренбургского казачьих войск. Красные нажимали на фронте уральцев, а оренбуржцы были в составе отступавшей Народной армии. «Пока мы судим да рядим, большевики заберут и Уфу со всем совещанием вместе», — таково было мнение казаков<sup>36</sup>.

Переломным моментом стало, очевидно, выступление 16 сентября Е.П. Березовского: «Сибирское казачество всемерно поддерживает Сибирское правительство, и в своих заявлениях я выступаю менее решительно, чем мне поручено. Но теперь, чтобы придти на помощь нашим братьям, оренбургскому и уральскому казачеству, я решил быть вместе с ними и пошел на уступки. Я не остановился даже перед расхождением во взглядах с Сибирским правительством, которое осталось на прежних позициях, а я в своих уступках пошел дальше. Делаю так единственно из искреннего желания достигнуть соглашения, чтобы скорее создать необходимую в настоящих условиях единую центральную власть»<sup>37</sup>. Заявление это произвело в согласительной комиссии большое впечатление<sup>38</sup>. Заметим, оно соответствовало ранее выработанной сибиряками тактике: делегация Временного Сибирского правительства углубляет разногласия, казаки — идут на компромисс.

---

<sup>33</sup> Цит. по кн.: *Болдырев В.Г.* Указ. соч. С. 44.

<sup>34</sup> *Максаков В.В., Турунов А.Н.* Хроника гражданской войны в Сибири (1917–1918). М.; Л., 1926. С. 88.

<sup>35</sup> *Шендриков И.Н.* Государственность и казачество... С. 2.

<sup>36</sup> *Серебренников И.И.* Указ. соч. С. 390.

<sup>37</sup> Уфимское государственное совещание // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1-й. С. 176 (журнал № 7 заседания согласительной комиссии от 16 сентября 1918 г.).

<sup>38</sup> *Кроль Л.А.* Указ. соч. С. 114.

Признание ответственности верховной власти перед Съездом членов Учредительного собрания старого состава далось казакам нелегко. Они пошли на столь большой и принципиальный компромисс «после долгих колебаний, скрепя сердце»<sup>39</sup>. Вслед за ними на эту же уступку пошел, «сдав свои позиции», и представитель Временного Сибирского правительства в согласительной комиссии И.И. Серебренников (17 сентября 1918 г.). «Эсеры победили», — констатировал он в воспоминаниях<sup>40</sup>. Так же оценивали этот факт и сами эсеры<sup>41</sup>.

Впрочем, эсеровские лидеры, добившись признания прав Съезда членов Учредительного собрания, не хотели связывать его какими-либо обязательствами. И потребовался «натиск казаков» (С.Н. Шендрикова и др.), чтобы выбить у эсеров ряд уступок в вопросах кворума, срока созыва и полномочий Учредительного собрания. При условии сбора 250 и более депутатов оно должно было открыться 1 января 1919 г. В случае срыва первой попытки — 1 февраля того же года при кворуме в 170 чел. В правах это собрание не могло выходить за рамки обычного парламента, занимающегося вопросами текущего законодательства и контроля действий исполнительной власти. Учредительные же функции, т. е. выбор пути дальнейшего развития страны, могло взять на себя только Всероссийское Учредительное собрание нового созыва. Казакам и их союзникам по правому крылу удалось добиться временной — как минимум, до 1 января 1919 г. — самостоятельности власти, столь необходимой для скорейшего создания верховного главнокомандования и преодоления кризиса на фронте<sup>42</sup>.

Острые и длительные дебаты разгорелись при подборе и согласовании пяти членов будущей верховной власти. Естественно, обе стороны старались провести больше своих, поскольку от преобладания левых или правых зависел общий политический курс Директории. Кандидатура «военного директора» у казаков возражений не вызвала. На встрече с казачьей фракцией Государственного совещания генерал В.Г. Болдырев ответил на вопросы о правах казаков, форме одежды, дисциплине, комитетах в армии и получил одобрение<sup>43</sup>. Однако кандидатуры видных эсеров, особенно членов ЦК, казаки, как и остальные правые, упорно отводили<sup>44</sup>. Несколько раз согласительная комиссия заходила в тупик. Сибирской делегации потребовались даже

---

<sup>39</sup> Шендриков И.Н. Государственность и казачество... С. 2.

<sup>40</sup> Серебренников И.И. Указ. соч. С. 393–394.

<sup>41</sup> Утгоф В.Л. Указ. соч. С. 29.

<sup>42</sup> Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 223–224; Утгоф В.Л. Указ. соч. С. 30.

<sup>43</sup> ГАОО. Ф. 366, оп. 1, д. 427, л. 14.

<sup>44</sup> Утгоф В.Л. Указ. соч. С. 29.

консультации со своим правительством, для чего часть ее (В.В. Сапожников, Е.П. Березовский, П.А. Бобрик) выехала из Уфы в Челябинск. Туда же из Омска прибыли П.П. Иванов-Ринов, управляющий Министерством внутренних дел С.С. Старынкевич и начальник штаба Сибирской армии генерал-майор П.А. Белов. Но в Челябинске сибиряки не смогли договориться между собой, и тогда Иванов-Ринов, Старынкевич и Белов приехали 19 сентября в Уфу, что временно усилило «сибирскую партию»<sup>45</sup>.

Из-за кандидатуры члена ЦК эсеров В.М. Зензинова в согласительной комиссии чуть не дошло до разрыва. В 1917 г. он был одним из создателей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, многие правые относились к нему «с открытой враждебностью»<sup>46</sup>. И снова первыми пошли на компромисс уральские и оренбургские казаки. Причина — «угрожающее продвижение красных от Николаевска на Уральском казачьем фронте»<sup>47</sup>.

Сибирская делегация, усилившаяся приездом Иванова-Ринова и др., сначала упорствовала, но ее стойкость была подорвана информацией об аресте начальником Омского гарнизона полковником В.И. Волковым в ночь на 21 сентября «левого крыла» Временного Сибирского правительства.

Политический кризис в Омске в последней декаде сентября 1918 г. в целом изучен<sup>48</sup>, не определена, однако, степень согласованности действий Сибирской областной думы и Комуча. Следует обратить внимание на синхронность событий в Уфе и Омске. 20 сентября на заседании Совета министров в Омске «левые» в числе прочего потребовали пересмотреть кандидатуры от Сибирского правительства в Директорию и согласовать их с президиумом Сибоблдумы<sup>49</sup>. В это время на Уфимском совещании был кризис из-за В.М. Зензинова. Требование введения в Сибирское правительство А.Е. Новоселова вполне можно рассматривать как предпринятую эсерами попытку государственного переворота. Казачьи офицеры, арестовав в Омске В.М. Крутовского, М.Б. Шатилова, И.А. Якушева и А.Е. Новоселова, фактически

---

<sup>45</sup> ГАОО. Ф. 366, оп. 1, д. 427, л. 12–13.

<sup>46</sup> *Болдырев В.Г.* Указ. соч. С. 48.

<sup>47</sup> *Утгоф В.Л.* Указ. соч. С. 29.

<sup>48</sup> *Шиловский М.В.* Омские события последней декады сентября 1918 г. // Вопросы истории Сибири XX в. Новосибирск, 1993. С. 21–38; *Ларьков Н.С.* Борьба за власть на территории «белой» Сибири: Сентябрьский «встречный бой» 1918 г. // Гражданская война на востоке России: Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001. С. 48–66 и др.

<sup>49</sup> *Шиловский М.В.* Политические процессы... С. 254.

предотвратили резкий политический поворот Сибирского правительства «влево», в том числе в вопросе формирования временной всероссийской власти.

Кстати сказать, омские события 20–21 сентября 1918 г. показывают, насколько высоко в гражданскую войну поднимается политическое значение армии и даже отдельного «человека с ружьем». Ведь социалистический переворот внутри правительства, задуманный эсерами и руководством Сибоблдумы, предотвратил тогда фактически один человек: начальник Омского гарнизона полковник Сибирского казачьего войска В.И. Волков. Можно рассуждать, действовал он по договоренности с И.А. Михайловым или самостоятельно. Но решающее значение именно волевого начала Волкова несомненно. Причем, в этом деле ареста и содержания под стражей трех министров двух правительств и главы представительного органа, претендовавшего на законодательную власть в масштабах всей Сибири, казачий полковник обошелся минимумом средств, а именно: легковой автомобиль, частная квартира на одной из омских улиц (Лагерная, 28) и четыре офицера для поручений: поручики А.С. Семенченко и Г.Н. Манежев, сотник В.Н. Мефодьев и хорунжий В.И. Нарбут<sup>50</sup>.

В это же время в Томске, где заседала Сибоблдума, военные также сказали свое веское слово, введя военную цензуру газет и выставив 24 сентября вооруженный наряд в Сибирский краевой комитет эсеров. Руководил этими действиями против социалистов штаб начальника Томского гарнизона<sup>51</sup> полковника А.П. Бабикова, сибирского казака, сподвижника П.П. Иванова-Ринова по омскому подполью. В 1919 г. Бабиков командовал 2-й Сибирской казачьей дивизией<sup>52</sup>. Между прочим, погибший в сентябрьском «встречном бою» от рук офицеров-конвоиров министр Временного правительства автономной Сибири А.Е. Новоселов тоже был сибирским казаком (поселка Железинского Павлодарского уезда), сыном подъясаула. До своего революционного карьерного взлета он в чине коллежского асессора был воспитателем приготовительного пансиона Сибирского казачьего войска, а также заведующим войсковой библиотекой и книжным складом Сибирского казачьего войска<sup>53</sup>.

«Левый» переворот в Сибири провалился. Эсерам не удалось совершенно выбить почву из-под ног сибирской делегации в Уфе. Но

---

<sup>50</sup> ГАРФ. Ф. 189, оп. 1, д. 2, л. 40, 45.

<sup>51</sup> Ларьков Н.С. Указ. соч. С. 60.

<sup>52</sup> РГВА. Ф. 39532, оп. 1, д. 79, л. 5.

<sup>53</sup> ГАОО. Ф. 54, оп. 3, д. 3, л. 33об.; ф. 2200, оп. 2, д. 1485, л. 1.; Весь Омск за 1912 г. Б.м., б.г. С. 34.

даже из своего омского поражения они смогли извлечь выгоду. Сиби-рякам пришлось согласиться на включение в Директорию В.М. Зензинова (как временного заместителя Н.В. Чайковского). Г.Е. Катанав так, с долей иронии, объяснял эту уступку: «Дальнейшее упорство грозило разъездом совещания по вине сибиряков — явных реакцио-неров, свергших „избранников народа“»<sup>54</sup>. Но лидеры сибирской деле-гации были встревожены омскими событиями не на шутку. И дело не только в подрыве «морального престижа» Временного Сибирского правительства. Ситуация становилась совершенно непредсказуемой. «Я не знаю, — вспоминал И.И. Серебренников, — чем бы эти события закончились вообще, если бы в данный момент не была провозглаше-на новая власть — Всероссийское Временное правительство»<sup>55</sup>. Так же оценивал аресты, произведенные в Омске В.И. Волковым, и П.П. Ива-нов-Ринов: «[...] Это встревожило нас, это могло вызвать взрыв в со-вещании, угрозу казачеству, и мы поспешили довести переговоры до конца, согласившись на Зензинове»<sup>56</sup>.

Несмотря на дуализм и недолговечность властной конструкции, созданной на Уфимском Государственном совещании, функцию объе-динения и централизации антисоветского лагеря на востоке России она выполнила. Казачья группа совещания, через казаков-сибирцев тес-нейшим образом связанная с делегацией Сибирского правительства, по сравнению с ней проявила в согласительной комиссии больший праг-матизм и гибкость. Как минимум дважды, 16 и 21 сентября, своей го-товностью ради дела идти на тактические уступки казаки предопреде-ляли общий компромисс. При этом они руководствовались не столько политическими принципами, сколько интересами войны. Казачьи част-ти, собранные и снабженные главным образом на местные войсковые средства, сражались на всех фронтах. Астраханское войско и большая часть Семиреченского вообще не были еще освобождены от большеви-ков. Уральское войско держало весь левый фланг Восточного фронта, и сентябрьское наступление противника угрожало ему непосредственно. Чтобы остановить красных, следовало как можно скорее создать еди-ную власть, которая только и могла объединить военное командова-ние, все ресурсы и преодолеть острый кризис на фронте.

Что касается собственно внутриказачьих дел, представители войск рассмотрели их в рамках своего сословного форума. Уфимская казачья конференция доработала и приняла договор Восточного союза казачьих

---

<sup>54</sup> ГАОО. Ф. 366, оп. 1, д. 427, л. 14–14об.

<sup>55</sup> *Серебренников И.И.* Указ. соч. С. 398.

<sup>56</sup> Процесс над колчаковскими министрами... С. 514.



войск, а также постановила добиваться учреждения при временной все-российской власти общеказачьего представительства в форме особого совещания<sup>57</sup>. Казачьи политические деятели хотели, чтобы это совещание действовало постоянно и способствовало бы своевременному удовлетворению многообразных нужд казачества<sup>58</sup>. Пока же Уральское и Оренбургское войсковые правительства, имевшие значительные подконтрольные территории и собственные армии, назначили при Директории своих официальных представителей, которые последовали за нею и в Омск (Б.И. Хорошкин, Н.С. Анисимов). Б.И. Хорошкин был прикреплен Директорией к Верховному главнокомандующему всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России генерал-лейтенанту В.Г. Болдыреву в распоряжение по казачьим делам<sup>59</sup>.

Союзный договор предстояло ратифицировать в каждом войске. В Сибирском, например, планировали это сделать на 5-м очередном войсковом круге в июне 1919 г.<sup>60</sup> Но из-за мобилизации круг пришлось отложить, а затем проводить в августе как чрезвычайный. В условиях вторжения Красной армии в Западную Сибирь и тотальной мобилизации казаков было уже не до этого вопроса. Также не удалось собрать в феврале 1919 г. съезд представителей войсковых правительств и правлений, хотя это предусматривалось союзным договором. После серьезнейших поражений Уральской и Оренбургской армий, после сдачи казаками своих войсковых «столиц» — Уральска и Оренбурга — было не до общеказачьих съездов. Хотя подготовительная работа не прекращалась, в частности, готовился проект устава Восточного союза казачьих войск<sup>61</sup>. Общеказачий съезд смог собраться в Омске только в августе 1919 г., но опять-таки в чрезвычайных условиях надвигавшейся катастрофы.

Помимо военных причин затягивания практической реализации договора были и чисто политические. С одной стороны, на какое-то время этот вопрос потерял для казаков актуальность, т. к. фактически главная цель союза — создание единой власти — была выполнена. С другой стороны, образовавшаяся в результате переворота 18 ноября 1918 г. верховная власть «регулярного типа», предпочитая административные методы, опасалась связать себе руки какими-либо автоном-

---

<sup>57</sup> Забайкальский казак (Даурия). 1920. 26 сентября.

<sup>58</sup> Шендриков И.Н. К объединению казачества...

<sup>59</sup> Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003. С. 35, 220.

<sup>60</sup> ГАОО. Ф. 1709, оп. 1, д. 2, л. 239–239об.

<sup>61</sup> Иртыш (Омск). 1919. № 3. С. 10.

ными формами конфедератизма и парламентаризма, хотя бы и казачьими (тем более, в условиях конфликта между Омском и Читой).

4 ноября 1918 г. представитель Уральского войска Б.И. Хорошхин был назначен помощником военного и морского министра Временного Всероссийского правительства, сформированного Директорией, вице-адмирала А.В. Колчака по делам казачьих войск. 12 ноября отдел казачьих войск, созданный в штабе Главковерха, был передан в военное и морское министерство. На его основе, согласно приказу А.В. Колчака № 14 от 17 ноября 1918 г., было сформировано Главное управление по делам казачьих войск (Главуказ), начальником которого стал тот же Б.И. Хорошхин, сохранивший за собой и пост помощника военного министра по делам казачьих войск<sup>62</sup>. Начальником гражданского отдела Главуказа стал полковник Сибирского войска И.М. Берников (затем забайкалец, статский советник Н.Л. Ананьин), начальником военного отдела — полковник Забайкальского войска Я.Г. Лапшаков (позднее произведен в чин генерал-майора)<sup>63</sup>.

С Колчаком же была связана реализация постановления Уфимской казачьей конференции об учреждении при всероссийской власти общеказачьего представительства. Главковерх В.Г. Болдырев же, если верить И.Н. Шендрикову, согласился на этот шаг после долгих колебаний и под давлением представителей казачества<sup>64</sup>. Приказом № 4 от 7 ноября 1918 г. А.В. Колчак приказал установить при своем помощнике по казачьим войскам и безотлагательно созвать «Совещание из представителей войсковых общественных самоуправлений всех казачьих войск»<sup>65</sup>. В десятых числах ноября 1918 г. в Омске из съехавшихся первых представителей сложилась инициативная группа: Б.И. Хорошхин, профессор Н.А. Бородин (Уральского войска), Н.С. Анисимов, Е.П. Березовский, Я.Г. Лапшаков, доктор С.Н. Шендриков (Семиреченского)<sup>66</sup>. Открытие же Совещания состоялось уже после колчаковского переворота — 29 ноября 1918 г.<sup>67</sup> Оно проработало до августа 1919 г., когда трансформировалось в Чрезвычайный съезд (конференцию) представителей девяти казачьих войск<sup>68</sup>.

<sup>62</sup> Путеводитель по фондам белой армии / РГВА. М., 1998. С. 13, 14, 15, 16, 24, 25; Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Указ. соч. С. 220.

<sup>63</sup> ГАОО. Ф. 1531, оп. 1, д. 3, л. 30, 25об.

<sup>64</sup> Шендриков И.Н. К объединению казачества...

<sup>65</sup> РГВА. Ф. 39709, оп. 1, д. 2, л. 5.

<sup>66</sup> Там же, л. 13.

<sup>67</sup> Там же, д. 5, л. 1; Русская армия. 1918. 1 декабря.

<sup>68</sup> См.: Шулдяков В.А. Совещание представителей казачьих войск в Омске (ноябрь 1918 — июль 1919 гг.) // Катанаевские чтения. Омск, 2006. С. 227–230.

«Разношерстная Директория» даже в среднесрочном плане удовлетворить казаков не могла. И.Н. Шендриков вспоминал по этому поводу весной 1919 г.: «[...] Вместо твердой власти с единой волей и единым планом действий, на чем особенно настаивало государственно-настроенное казачество, был принят, под давлением преобладавших на совещании антигосударственных элементов, абсолютно недопустимый с точки зрения государственного строительства компромисс... Срочность верховной власти, ответственность ее перед обрывками Учредительного собрания, созданного в эпоху разложения государства Российского и состоявшего заведомо из лиц, враждебных государственности (за малым исключением), уже предreshали несостоятельность Директории, не говоря уже о том, что вместе и вокруг Директории сосредоточивались противогосударственные элементы. За плечами гг. Авксентьева, Зензинова, Роговского пытались укрываться вполне определенные фигуры гг. Черновых, Вольских и К<sup>о</sup>, ныне открыто предавшихся большевикам»<sup>69</sup>.

Военный переворот 18 ноября 1918 г. в Омске был проведен силами 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка войскового старшины А.В. Катанаева и Партизанского отряда войскового старшины И.Н. Красильникова<sup>70</sup>. В письме донскому атаману А.П. Богаевскому от 28 июня 1919 г. А.В. Колчак прямо указывал, что «ближайшими участниками» в деле создания единоличной верховной власти были сибирские казаки и что одними из первых, кто поддержал его как Верховного правителя, были Оренбургское, Семиреченское и Уральское казачьи войска<sup>71</sup>. «Казачество, столь многочисленное в Сибири, было первым его сторонником», — вспоминал И.И. Сукин<sup>72</sup>. Уже 18 ноября депутация представителей казачьих войск заявила Колчаку о солидарности и готовности к совместной работе<sup>73</sup>. А 22 ноября 1918 г. представители сибирцев заверили Верховного правителя, что «войско Сибирское готово принести все жертвы, какие потребуются для спасения Родины, для воссоздания единой великой России»<sup>74</sup>. Прокомучевская оппозиция Колчаку явственно

<sup>69</sup> Шендриков И.Н. Пути государственности // Отечество. Омск, 1919. № 5/6. С. 22–23.

<sup>70</sup> Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 141–145.

<sup>71</sup> Белый архив. Париж, 1926. Т. I. С. 137.

<sup>72</sup> Записки И.И. Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака. М., 2005. С. 449.

<sup>73</sup> Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002. С. 308.

<sup>74</sup> ГАОО. Приказы Сибирскому казачьему войску. Приказ № 466 от 23 ноября

проявила себя только в Оренбургском и, еще слабее, в Уральском казачьих войсках, но была легко подавлена<sup>75</sup>.

Сибирское, Семиреченское, Иркутское и Забайкальское казачьи войска в лице своих представителей, находившихся в столице белой Сибири, вошли в «Омский блок общественно-политических организаций»<sup>76</sup>. Этот «блок 14-ти», включавший цензовые, правосоциалистические и кооперативно-областнические организации, претендовал стать общественной опорой колчаковского режима и, по оценке С.П. Мельгунова, последовательно проводил подлинно государственную, национальную, демократическую политику<sup>77</sup>. Связь с казачьими и военными кругами придавала блоку реальный вес. Вошли представители казачьих войск и в другой омский политический блок — Национальный, объединявший «несоциалистические организации»<sup>78</sup>. Входя в оба блока, являясь, наряду с кадетами, соединительным звеном между ними<sup>79</sup>, казаки тем самым укрепляли союз между либеральной и демократической группировками антисоветского лагеря, что поднимало их значение в политической жизни колчаковской столицы.

В конфликте между А.В. Колчаком и Г.М. Семеновым казачьи войска Урала и Сибири, а также общеказачье Совецание (в том числе представитель Забайкальского войска Я.Г. Лапшаков) не встали «на путь узко-сословного понимания»<sup>80</sup>, а сразу и однозначно поддержали Верховного правителя. 21 ноября 1918 г., накануне разрыва между Колчаком и Семеновым, помощник военного министра по казачьим делам Б.И. Хорошхин и представители пяти войск (Н.А. Бородин, Н.С. Анисимов, Е.П. Березовский, С.Н. Шендриков, Я.Г. Лапшаков) направили в Амурское и Уссурийское войска телеграмму следующего содержания: «Амурцы и уссурийцы, к вам, младшие братья, мы обращаемся. Родина наша встает из той грязи и позора, в которую ввергли ее большевики. Мы, казаки, отдали ей в жертву все свое достояние и жизни своих лучших сынов, мы деремся на всех фронтах и, зная, что в единении сила, сила, нужная государству, мы объединяемся. Мы вас давно зовем и не слышим ответа. Вы стали на ложный путь самостоя-

---

1918 г.

<sup>75</sup> См.: Ганин А.В. Указ. соч. С. 284–290; Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. Иркутск, 1990. № 1. С. 85; Масынов Л.Л. Гибель Уральского казачьего войска // Казачий круг. М., 1991. Вып. 1. Ч. 1. С. 50, 54–55, 57.

<sup>76</sup> Иртыш (Омск). 1918. № 42. С. 11–12.

<sup>77</sup> Мельгунов С.П. Указ. соч. Ч. 2. С. 41, 76.

<sup>78</sup> Максаков В.В., Турунов А.Н. Указ. соч. С. 94.

<sup>79</sup> Записки И.И. Сукина... С. 450.

<sup>80</sup> РГВА. Ф. 39709, оп. 1, д. 5, л. 43об.

тельной политической жизни. Немедленно посылайте своих представителей в Омск. Здесь в общем казачьем совещании полномочных представителей мы решим наши казачьи вопросы так, как это нужно родине и нам»<sup>81</sup>.

Особенно резко реагировало на сепаратистские действия Г.М. Семенова Сибирское войско. 25 ноября временно исполняющий должность войскового атамана сибирцев Е.П. Березовский телеграфировал в Читу: «Именуящему себя походным атаманом Дальневосточных казачьих войск полковнику Семенову. Ваша телеграмма свидетельствует, что вы потеряли равновесие до невменяемости. Оберегая достоинство войска, не считаю возможным продолжать [с] вами дальнейшие сношения»<sup>82</sup>. Столь же категоричной стала телеграмма Семенову от 30 декабря 1918 г. четырех представителей казачьих войск, бывших в то время в наличии в Омске (Н.С. Анисимов, Н.А. Бородин, Я.Г. Лапшаков, С.Н. Шендриков): «Оренбуржцы, уральцы, забайкальцы и семиреченцы шлют вам, забывшему казачью честь атаману, свое негодование. В тот момент, когда родина получает, наконец, сильную единую власть, когда казаки поименованных выше войск, покрывших себя славою в борьбе за воссоздание родины, заявляют Верховному правителю о своей преданности и поддержке, вы дерзаете грозить ему. Опомнитесь, искупите свою вину, уйдите в сторону и не губите казачьей семьи, увлекая наших младших братьев — амурцев и уссурийцев — не мешайте работе нашей в воссоздании родины. Требуем этого от имени своих войск, выборными представителями [которых] здесь в резиденции мы находимся»<sup>83</sup>.

Когда в апреле 1919 г. приехавший из Токио В.С. Завойко стал зондировать в казачьих верхах Омска почву для военного переворота против Колчака в пользу Японии, о.щеказачье совещание устами двух своих членов (сибирец есаул В.А. Власов и енисеец И.К. Окулич) твердо ответило ему: «[...] Казаки пойдут за адмиралом». Завойко был выслан из России<sup>84</sup>.

Часть дальневосточного казачества по инициативе Семенова стала к Омску в оппозицию, другая, чтобы не вступать в открытый конфликт, заняла нейтральную позицию. В частности, вынужденно

---

<sup>81</sup> Там же, д. 2, л. 13.

<sup>82</sup> ГАРФ. Ф. 178, оп. 1, д. 21, л. 49.

<sup>83</sup> ГАОО. Ф. 366, оп. 1, д. 361а, л. 38; *Катанаев Г.Е.* В Семеновском царстве. Февраль — март 1919 г. (Глава воспоминаний) // *Катанаев Г.Е.* На заре сибирского самосознания: Воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. Новосибирск, 2005. С. 217.

<sup>84</sup> ГАРФ. Ф. 5881, оп. 1, д. 410, л. 40–41; *Иоффе Г.З.* Указ. соч. С. 170–171.

нейтрально вели себя войсковой атаман Забайкальского войска полковник В.В. Зимин («личный враг Семенова»<sup>85</sup>) и Войсковое правление забайкальцев. Нам уже приходилось отмечать, что сепаратизм атамана Семенова нельзя рассматривать как чисто казачий, хотя в конфликт и оказались частично втянуты забайкальские, уссурийские и амурские казаки. Корни этого сепаратизма в атаманщине как военном вождизме и в международной политике. До фактического примирения с Колчаком Семенов так и не решился созвать войсковой круг забайкальцев. На сторону Верховного правителя перешли атаман 1-го отдела генерал-майор И.Н. Толстухин и 2-й Забайкальский казачий полк полковника Н.М. Комаровского. А атаман 3-го отдела полковник А.П. Силинский называл адмирала не иначе, как «хозяином земли русской»<sup>86</sup>.

У атамана И.П. Калмыкова, вернейшего союзника Г.М. Семенова, в начале мая 1919 г. даже произошло выступление офицеров, юнкеров и казаков с требованием быстрее отправить их на Уральский фронт, т. е. в армию Колчака. Это был очевидный внутренний кризис Уссурийского казачьего войска, и, подавив выступление, Калмыков объявил созыв чрезвычайного войскового круга, т. к. якобы хотел сложить с себя звание атамана<sup>87</sup>. Эти и другие подобные факты позволяют предположить, что, не остановив японцы продвижение к Чите правительственного отряда В.И. Волкова, дальневосточные казаки в большинстве своем перешли бы на сторону Колчака.

В примирительном разрешении «читинского инцидента» казаки сыграли важную роль, особенно войсковой атаман сибирцев П.П. Иванов-Ринов.

Итак, исходя из вышесказанного, нельзя не согласиться с тем, что казачьи войска, имевшие «весьма сильную организацию», представляли собой «крупный фактор общественной жизни» востока России<sup>88</sup>. Казаки внесли большой вклад в образование и защиту единой «всероссийской» власти. Казачьи части реально сражались

---

<sup>85</sup> РГВА. Ф. 39499, оп. 1, д. 10, л. 35.

<sup>86</sup> См.: Шулдяков В.А. Сепаратизм атамана Г.М. Семенова и казачество (ноябрь 1918 — май 1919 гг.) // Вестник Тюменского гос. университета. 2004. № 1. С. 20–126.

<sup>87</sup> Сибирская жизнь (Томск). 1919. 17 июля; Савченко С.Н. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) и поездка атамана А.И. Дутова на Дальний Восток (июнь — август 1919 г.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Хабаровск, 1999. С. 57–58.

<sup>88</sup> Записки И.И. Сукина... С. 461.

на больших и малых фронтах, несли охранную службу в тылу. И сам Колчак называл казачью воинствующую демократию «одной из надежных опор государственности»<sup>89</sup>. В казачьей политической элите Урала и Сибири доминировали не сепаратисты, а государственники, один из которых — Е.П. Березовский — на Государственном совещании в Уфе выразил свое кредо так: «Прежде всего — Россия. Прежде всего — государственность. Только в независимой России при могучем государственном аппарате народ сможет устроить счастливую жизнь для себя»<sup>90</sup>.

Революция и гражданская война — время социально-группового эгоизма, и в том, что казаки старались защищать и где только можно проводить свои интересы, нет ничего удивительного. Но в целом казачья элита Урала и Сибири (в отличие от дальневосточной), тянувшая за собой основную массу казаков, ставила общегосударственные задачи выше узко-сословных. До такой степени, что при обсуждении под председательством Колчака проекта «Грамоты Российского правительства казачьим войскам» заместитель атамана Сибирского войска Е.П. Березовский настойчиво требовал убрать из проекта «указание на неприкосновенность казачьих земель»<sup>91</sup>.

Другое дело — разница подходов. В отличие от кабинетных стратегов и военных администраторов омского режима казачьи лидеры, опиравшиеся на сословное самоуправление, должны были считаться с динамикой политических настроений и психологических состояний казачества, более объективно оценивали материальный потенциал, моральный дух и боевые возможности своих войск. Они были ближе к народной массе, но в определенной степени и зависимы от нее. Им нельзя было только приказывать, как привыкли начальники «регулярного типа». Им надо было объяснять населению смысл происходящего и указывать, в чем казачий интерес.

Эта проявлявшаяся в практической деятельности разница подходов, а также военные неудачи, недостаточная управленческая эффективность омского режима, снабжение казачьих войск вооружением и деньгами по остаточному принципу — все это в течение 1919 г. усиливало критический настрой казаков в отношении верховной власти. Но действительное охлаждение между ними происходит только в конце августа — сентябре 1919 г., когда Чрезвычайный общеказачий

---

<sup>89</sup> Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 421.

<sup>90</sup> Автографы членов Уфимского совещания // Красный архив. М., 1928. № 6(31). С. 203.

<sup>91</sup> ГАРФ. Ф. 5881, оп. 1, д. 410, л. 36.

съезд (конференция) попытался навязать Колчаку свой рецепт спасения режима. Вот тогда казаки выдвигали уже предложения в автономистском духе и мыслили свое представительство в двух уровнях: словном — в рамках общеказацкого совещания при Главуказе и общегражданском — в рамках всеобщего Государственного земского совещания.



*В.М. Рынков*

## **АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ И ОБЩЕСТВО: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ**

Социальные и экономические проблемы воздействуют на сознание человека не только напрямую, через личные ощущения голода, бедности, симпатии и ненависти, основанные на собственном опыте. Подчас столь же важны и эмоции внушаемые. С изобретением печати и распространением средств массовой информации влияние внешних информационных импульсов резко возросло. Даже в России, стране с невысоким уровнем грамотности, в распространении революционных настроений большую роль сыграла печать. Время революции 1917 г. и гражданской войны — период массового вовлечения населения в политику. Поэтому принципиально важно понять, какие факторы определяли состояние информационного пространства, находившегося под контролем противоборствовавших сил, каков был удельный вес двух разнонаправленных процессов: идейной мобилизации общества государственной властью и информационной самоидентификации различных групп населения.

Данная проблема нуждается в осмыслении как в масштабах всего распавшегося имперского организма, так и в рамках отдельных крупных регионов. Приход к власти большевиков в конце 1917 — начале 1918 гг. сопровождался ликвидацией оппозиционной печати и формированием сети новых периодических изданий советского, партийного (большевистского), ведомственного и пропагандистского характера. Это были санкционированные и контролируемые государством средства массовой информации. Появление независимых печатных органов имело единичный и кратковременный характер.

Гражданская война привела к появлению на окраинах бывшей Российской империи территорий, неподконтрольных большевикам. В Поволжье и Прикамье государственные образования противников советской власти существовали несколько месяцев во второй половине 1918 г., на Урале — с лета 1918 по лето 1919 г., в Сибири — до конца 1919 г., а на Дальнем Востоке — до 1922 г. На протяжении доста-

точно длительного времени восток России представлял единый субрегион, остававшийся на пределах досягаемости советской власти.

Предметом изучения в настоящей статье станет печать на востоке России во второй половине 1918–1922 гг. Акцент будет сделан на выяснении степени её самостоятельности, особенностях взаимодействия с государственной властью и общественными институтами, специфике формирования общественного мнения в антибольшевистском лагере.

Большой интерес к данной проблематике обусловил обширную историографию. Первая попытка описать состояние периодики Сибири и Дальнего Востока после антибольшевистского переворота предпринята редактором газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адриановым еще в годы гражданской войны<sup>1</sup>. Признавая цензурные ограничения, он отметил восстановление относительной свободы печати после свержения советской власти, что привело к росту количества изданий. Советские авторы основное внимание уделили описанию жесточайших гонений на оппозиционные периодические издания. Легальная печать, с их точки зрения, призвана была обслуживать идеологические запросы контрреволюции. Вопрос о положении прессы в лагере контрреволюции, её роли в общественной жизни затрагивался во многих исторических исследованиях, а так же стал предметом специального изучения в диссертациях и серии статей Н.М. Семенов и А.П. Волгина<sup>2</sup>. В постсоветский период интерес к теме возрос. Сибирь

---

<sup>1</sup> Адрианов А.В. Периодическая печать Сибири с указанием изданий в 1918 году. Томск, 1919.

<sup>2</sup> Семенова Н.М. Профсоюзная печать Томской губернии как источник по истории рабочего движения в Сибири в период «демократической» контрреволюции в 1918 г. // История СССР и история КПСС. Томск, 1972. Вып. 3. С. 44–45; Она же. Сибирская периодическая печать о рабочем движении в период демократической контрреволюции // Некоторые вопросы истории. Томск, 1973. Вып. 2. С. 65–78; Она же. Периодическая печать Сибири как источник по истории профсоюзного движения в Томской губернии в период «демократической контрреволюции» // Там же. С. 79–95; Она же. Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической контрреволюции»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977; Она же. Печать об отношении крестьян к социально-экономической политике Временного Сибирского правительства // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. Томск, 1984. С. 137–145; Она же. Положение сибирской печати в период «демократической» контрреволюции // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири. (1905–1920 гг.). Томск, 1982. С. 278–286; Волгин А.П. Буржуазная пресса Сибири и подготовка военной диктатуры Колчака // Вопросы методологии истории, историографии, источниковедения. Томск, 1984. С. 108–109; Он же.

ская периодика стала предметом изучения С.П. Звягина, А.Н. Никитина, Д.Л. Шереметьевой Э.Ш. Хазиахметова и ряда других авторов<sup>3</sup>. Сравнительный анализ положения прессы в лагере революции и контрреволюции предпринят в докторской диссертации и публикациях А.Л. Молчанова<sup>4</sup>. А.Л. Посадсков, А.Н. Никитин обратились к изучению других видов печатной продукции (книги, брошюры, листовки), ставя вопрос о функционировании книжного рынка на востоке России<sup>5</sup>. В настоящее время достаточно обстоятельно изучена цен-

---

К характеристике периодической печати как источнике по истории колчаковщины // Вопросы истории социальной и экономического развития советской Сибири. Томск, 1986. С. 64–75; Он же. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина: Автореф. канд. ист. наук. Томск, 1990.

<sup>3</sup> *Никитин А.Н.* Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991; *Хазиахметов Э.Ш.* Периодическая печать Омска (июнь — ноябрь 1918 г.) // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII–XX в.). Омск, 1996. С. 104–122; *Звягин С.П.* Сибирская пресса и власть: взаимоотношения газет и милиции при А.В. Колчаке // Проблемы культуры городов России. Омск, 1996. Ч. 1. С. 101–104; Он же. Цензура в условиях «белой» Сибири // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 68–78; *Шереметьева Д.Л.* Газеты органов земского самоуправления Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая — середина ноября 1918 г. // 150 лет периодической печати в Сибири. Томск, 2007. С. 85–88; Она же. Власть и пресса в период «демократической контрреволюции» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1: История. С. 129–134.

<sup>4</sup> *Молчанов Л.А.* Из истории газетной прессы России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1997; Он же. Газеты России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.): опыт комплексного исследования: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998; Он же. «Общественная и государственная жизнь с её бесчисленными разветвлениями... без газет совершенно немыслима». (газеты антибольшевицкой России в 1919 г.) // Белое дело. 2 съезд представителей печатных и электронных изданий. Резолюция и материалы научной конференции «Белое дело в гражданской войне в России, 1917–1922». М., 2005. С. 33–53; Он же. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917–1920 г.) М., 2001; Он же. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны. М., 2002.

<sup>5</sup> *Посадсков А.Л.* Книга в армии Колчака: К вопросу о восстановлении книжного репертуара «белой» Сибири // Армия и книга. Новосибирск, 1995. С. 55–57; Он же. Проблемы сохранности печатной продукции Сибири в 1917–1920 гг.: Краевед. фонды библиотек и Сибирская книжная палата // Проблемы доступности и сохранности библиотечных фондов. История и современность. Красноярск, 2001. С. 73–82. Он же. Издательская деятельность чехословацкого корпуса в России (май — ноябрь 1918 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2002, № 3. С. 58–61. Он же. Культурный взрыв «третьей силы»: издательская деятельность сибирского и дальневосточного земства в 1917–1919 гг. // Ме-

зурная политика антибольшевистских правительств. Наряду с этим обозначился интерес к анализу работы органов пропаганды, созданных в антибольшевистском лагере государственной властью и общественными организациями<sup>6</sup>. Вместе с тем, взгляд отдельных авторов на изучаемую проблему остается мозаичным. Сосредоточиваясь на отдельных аспектах, историки подчас абсолютизируют значимость полученных в ходе исследования результатов.

Прежде чем углубиться в детали взаимодействия власти и общества на информационном пространстве изучаемого субрегиона, следует уяснить его квантативные характеристики. Но при попытке определить численность повременных изданий, этого важнейшего по степени воздействия на умы людей типа печатной продукции, возникают серьезные трудности. Данный вопрос остается не выясненным даже в специальной историографии. В многочисленных указателях, выходявших в советское время, обычно имелись безусловно полные библиографические данные о советских периодических изданиях. Но лишь в виде исключения составители указывали названия некоторых газет, выходявших на неподконтрольных советской власти территориях. При этом сведения о номерах, периодичности, сроках выхода, издателях и другая библиографическая информация, как правило, опускались. И только газеты и журналы, издававшиеся в антибольшевистском лагере большевиками и профсоюзами, описывались достаточно подробно.

---

стное самоуправление в Сибири XIX–XX веков. Новосибирск, 2004. С. 171–180; *Никитин А.Н.* Листовки и брошюры времен гражданской войны в Сибири: некоторые аспекты социальной роли // Библиосфера, 2005. № 1. С. 33–37.

<sup>6</sup>*Молчанов Л.А.* Агитационно-информационные учреждения «белой» Сибири (1918–1920 гг.) // Белая гвардия. 1998, № 2. С. 17–23; *Шевелев Д.Н.* Военно-пропагандистская деятельность антибольшевистских правительств Сибири в годы гражданской войны (по материалам периодической печати). Автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 1999; *Луков Е.В., Шевелев Д.Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 — январь 1920 г.). Томск, 2007; *Посадсков А.Л.* Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Клио (СПб.). 1997. № 2. С. 131–133; Он же. Особый отдел Российского правительства: из истории пропагандистских спецслужб Белой Сибири // История белой Сибири: Тез. 4-й науч. конф. Кемерово, 2001. С. 162–167; Он же. Отдел печати Всероссийского правительства в Омске: информационно-пропагандистская, издательская и библиографическая деятельность (1918–1919 гг.) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Т. 1. Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII–XX вв.). Омск, 1998. С. 73–77.

Только в последнее двадцатилетие появились издания, включавшие, в том числе и информацию о периодике, выпускавшейся в антибольшевистском лагере, а то и специально посвященные именно её описанию. Но все вышедшие до сих пор издания охватывают периодическую печать либо одного региона, либо одного или нескольких хранилищ, большинство из которых страдает неполнотой<sup>7</sup>. Сводных указателей по всем интересующим нас регионам не существует. Так, указатель газет отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки (РГБ) дает информацию о 283 газетах из своих фондов, относящихся к востоку России. Только 137 из них выходило в Сибири в её современных территориальных рамках. Указатель Е.Н. Косых и С.Ф. Фоминых, учитывающий как раз только сибирскую печать, но на основе, главным образом, местных хранилищ, содержит сведения о 232 газетных изданиях. При этом многие газеты, хранящиеся в РГБ, в этот указатель не вошли. Хуже всего учтена периодическая печать Поволжья и Урала. Если относительно газет предпринимались многочисленные попытки каталогизации на уровне отдельных регионов (И.В. Нарский, например, зафиксировал на Урале 54 газеты), то журналы учтены значительно хуже. Нередко в архивных или библиотечных хранилищах обнаруживаются неучтенные в опубликованных каталогах издания. В архивных документах и периодике времен гражданской войны часто упоминаются периодические издания, не известные сегодня ни по каким библиотечным каталогам. Вероятно, многие газеты и журналы утрачены навсегда, от других сохранились только отдельные номера в одном из хранилищ. Даже авторы специальных монографий и диссертаций, не решаются назвать количество периодических изданий.

Попытка произвести учет всех газет и журналов, вышедших на территории востока России в период существования там антибольшевистских правительств, дала результаты, существенно дополняющие представления исследователей. С учетом полосы отчуждения

---

<sup>7</sup> Периодическая печать Сибири в годы гражданской войны (конец мая 1918 — декабрь 1919 гг.): указатель газет и журналов. Томск, 1991; Газеты 1917–1922 годов в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки: библиографический каталог. Вып. 1–2. М., 1994; Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы. 1917–1996 гг. М., 1999; *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 592–604; Несоветские газеты (1918–1922 гг.): Каталог собраний Российской национальной библиотеки. СПб., 2003.

КВЖД удалось зафиксировать около 800 периодических изданий<sup>8</sup>. Данный перечень нуждается в дальнейшем уточнении, но является наиболее полным.

В каждом крупном городе выходило несколько ежедневных изданий, как правило, очень разной политической направленности. Центры политической жизни антибольшевистского востока являлись своеобразными «медиамегаполисами». Так, в Самаре, ставшей лишь на 4,5 месяца резиденцией Комуча (июнь — октябрь 1918 г. ), издавалось не менее 24 газет и 6 журналов. В Омске с середины июня 1918 г. до середины ноября 1919 г. — не менее 45 газет и 27 журналов. В Томске за примерно такой же период фиксируется выход 28 газет и 17 журналов. В Иркутске с июля 1918 г. до конца января 1920 г. выпускалось, как минимум, 39 газет и 13 журналов. Но даже на фоне этих городов поражает ситуация во Владивостоке. Он дольше всего, до конца октября 1922 г., оставался вне контроля советской власти и в результате стал местом издания не менее 100 газет и 40 журналов. 14 газет и 4 журнала издавались в эти годы в Якутске, областном центре, но довольно маленьком городе с населением около 10 тыс. чел. Во многих небольших городах, являвшихся уездными центрами, тоже можно говорить о своеобразном информационном плюрализме, т. к. общим правилом стал выход 2–5 и более изданий. Таково оказалось медиапространство Ачинска, Ишима, Мариинска, Минусинска (около 10–20 тыс. чел.). Важно, что десятки городов, в которых раньше никогда не выходили газеты, обзавелись собственными изданиями в 1917–1919 гг. Для них это единственный систематизированный и хронологически выстроенный комплекс исторических источников о событиях периода гражданской войны.

Конечно, следует учесть нестабильность выпуска большинства газет и журналов. Продолжительность издания многих из них исчислялась несколькими неделями или месяцами. Лишь небольшая часть органов печати имела дореволюционный опыт работы и продолжала выходить в свет на протяжении всего антибольшевистского периода.

---

<sup>8</sup> Учитывались издания, даже если известен единственный сохранившийся номер или выявлена представляющая достоверной информация о его существовании в других источниках. При этом переименование издания или его перенос в другой город, выпуск бюллетеня наряду с газетой фиксировались в качестве отдельной единицы. Это, естественно, ведет к преувеличению численности периодических изданий, зато исключает недоучет. Подобный порядок является общепринятым в библиографическом учете. Вопреки широко распространенной практике однодневные газеты не учитывались, т. к. они изначально задумывались как непериодические издания.

Но периодическими изданиями информационное пространство не ограничивалось. Большое значение имели непериодические органы печати. Прежде всего, это листовки — наиболее оперативный способ доведения властью официальной информации до населения. В каждом городе военные и гражданские органы управления публиковали листовки. Менее активно использовали этот способ придания гласности своим решениям и постановлениям земские и городские органы самоуправления и общественные организации. Последние, как правило, с помощью листовок сообщали публике о проведении благотворительных акций, сборе средств. Иногда выпускались брошюры и однодневные газеты. Традиция публикации отчетов, протоколов и журналов заседаний, съездов, совещаний и конференций органов государственной власти, самоуправления, кооперативных, предпринимательских и общественных организаций делала доступной информацию об основных событиях политической жизни общероссийского и местного масштаба. Подобного рода издания достоверно и объективно отражали происшедшие события. Хотя значительной была и доля агитационных материалов, издававшихся органами власти и самоуправления, общественными организациями<sup>9</sup>.

Выпуск листовок и книжной продукции на востоке России учтен библиографами еще слабее, чем периодические издания. В основном такой учет осуществлялся специалистами в начале 1920-х гг., был неполным и часто ограничен узкими региональными рамками. Но и отложившиеся в архивах перечни впечатляют. Так, Самарской книжной палатой за период существования Комуча учтено 538 листовок, воззваний, объявлений. Г.В. Михеева указывает, что сводная информация из 40 известных ей списков непериодических изданий Поволжья, Урала и Сибири содержит сведения о 1354 наименованиях<sup>10</sup>. Если значительная часть листовок издавалась государственными органами, то большинство книг и брошюр публиковалось независимыми издателями.

---

<sup>9</sup> *Никитин А.Н.* Листовки и брошюры времен гражданской войны в Сибири: некоторые аспекты социальной роли // Библиосфера. 2005. № 1. С. 33–37.

<sup>10</sup> *Михеева Г.В.* «Белая» печать (белогвардейские периодические издания как объект библиографирования в 1918–1922 г.) // Библиография. 1992. № 3–4. С. 109–115. Достоверность приводимых автором сведений, однако, сомнительна. Выборочная проверка показала, что она ссылается на перечень изданий, опубликованных в Сибири в 1920 г. (ГАРФ. Ф. Р-395, оп. 1, д. 8, л. 68–71), т.е. при советской власти, хотя из текста статьи следует, что Г.В. Михеева считает приведенные в данном перечне издания «белогвардейскими» и учитывает их при подсчете общей численности антибольшевистских книг и брошюр.

Несмотря на падение спроса на книжную продукцию по сравнению с первым годом революции, он по-прежнему оставался высок. Причем государственная власть особенно в первые месяцы после возникновения антибольшевистских правительств обладала небольшими возможностями влиять на рынок печатной продукции. Этому способствовал ряд обстоятельств. В 1917 г. земские органы получили в свое распоряжение типографии бывших губернских управлений, и это сделало их одно из наиболее влиятельных сил на медиaproстранстве страны. В Сибири, где земство было введено только постановлением Временного правительства от 17 июня 1917 г., эти же меры проводились несколько позже. На протяжении года после свержения самодержавия резко возросли количество и объем изданий кооперативных союзов, всерьез занявшихся пропагандой социализма и кооперативных принципов хозяйственной работы. Советская власть встала на путь закрытия неподконтрольных ей периодических изданий и концентрации в своих руках издательской базы. Но на востоке страны советы не полностью вытеснили органы местного самоуправления. Просветительская же работа кооперации не испытывала больших препятствий со стороны советской власти. После антибольшевистского переворота в результате денационализации крупные издательства и типографии были возвращены в руки земских и городских органов самоуправления, частным лицам.

Кооперативные союзы к лету 1918 г. тоже располагали сетью издательств. Крупнейшим в Сибири было издательство Союза сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт». Два кооперативных объединения были специально созданы для культурной работы. В октябре 1918 г. в Иркутске образовалось земско-кооперативное издательство «Сеятель». В конце 1918 г. в Барнауле возник Культурно-просветительный союз Алтайского края<sup>11</sup>. Несмотря на то, что большинство кооперативных объединений соблюдало лояльность по отношению к государству, регулярно участвовало в благотворительных и пропагандистских акциях, инициированных властью, не это определяло содержание их работы. Массовыми тиражами выходили издания о теории и истории кооперации, теории социализма, художественная литература. Широко распространялась научно-практическая литература (по медицине, сельскому хозяйству и т. п.). Значительные усилия тратились на издания и переиздания учебников. На рынок поступали запасы нераспределенной книж-

---

<sup>11</sup> Посадков А.Л. Издательство и книжная торговля сибирской кооперации в 1917–1919 гг. (По материалам культурно-просветительского союза Алтайского края) // Сб науч. тр. ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 1977. Вып. 37. Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. С. 121–138.



ной продукции, отпечатанной в 1917 — начале 1918 г. Кроме того, земства и кооперативные организации обладали весьма развитой сетью обмена периодикой и иной печатной продукцией. В результате государство оказалось влиятельным, но далеко не монопольным игроком на рынке услуг по изданию и распространению печатной продукции. Содержание распространяемой литературы подчас давало основания военным цензурным органам подозревать земские и кооперативные объединения в оппозиционной деятельности, что вызвало обыски и конфискации на книжных складах, аресты работников кооперативных и земских предприятий, вовлеченных в распространение печатной продукции<sup>12</sup>.

Очень сложно судить о политике Комуча и других антибольшевистских региональных правительств на востоке России, в силу кратковременности их существования, но Российское правительство адмирала А.В. Колчака стремилось вернуть себе доминирующее влияние на информационном пространстве. Делалось это в том числе и путем реквизиции ряда кооперативных, земских и городских типографий «на нужды военного времени». Это позволяет говорить о том, что примерно к весне 1919 г. соотношение объема государственных и независимых изданий заметно изменилось в пользу первых, но влияние независимой прессы оставалось очень существенным. В определенной степени оно даже возросло благодаря появлению литературы, издаваемой антиколчаковским подпольем или в партизанских районах.

Наиболее значимые общественно-политические силы ставили перед собой задачу усилить воздействие на массы путем распространения печатного слова. Можно выделить два основных центра информационного влияния — это, с одной стороны, государство, а с другой — тесно сотрудничавшие друг с другом земские и кооперативные организации.

Конечно, ключевое значение имела государственная информационная политика. Недаром в структуре большинства правительств существовали специальные органы. В Поволжье 7 августа 1918 г. приказом Комуча № 205 создано Телеграфное агентство при Учредительном собрании» (ТАУЧ)<sup>13</sup>. При Западно-Сибирском комиссариате было образовано информационное бюро. 24 июля 1918 г. по решению Временного Сибирского правительства наряду с бюро было создано Сибирское телеграфное агентство (СТА)<sup>14</sup>, задачей которого стало своевременное

---

<sup>12</sup> Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2002. Т. 3: 1917–1930. С. 152–162.

<sup>13</sup> Вестник Комуча (Самара). 1918. 8 авг.

<sup>14</sup> Сибирский вестник (Омск). 1918. 22 авг.

осведомление о событиях прессы, правительственных учреждений, общественных организаций и населения. Агентство сформировало местную корреспондентскую сеть и рассылало обзоры информации. С приездом в Омск Директории при нем было образовано Всероссийское телеграфное агентство (ВТА), исполнявшее функции, аналогичные СТА. Осенью 1918 г. главная задача, которая ставилась перед этими структурами, состояла в информировании населения через прессу, главным образом негосударственную, о действиях и намерениях правительства. 30 ноября 1918 г. они были слиты в Русское (Российское) телеграфное агентство (РТА), действовавшее в Омске, а с конца 1919 г. — в Иркутске.

Л.А. Молчанов отметил, что управляющим Информационным бюро Временного Сибирского правительства уже летом 1918 г. ставилась задача не просто информирования газет и населения о происходящих событиях, но и «уяснение, толкование и популяризация правительственных идей, заданий и мероприятий»<sup>15</sup>. Исходя из этого, автор делает вывод, что осведомление изначально приняло пропагандистский и тенденциозный характер. Подобный тезис базируется не на анализе деятельности Информационного бюро, а на декларировании намерений его руководителей. На практике четко осуществить задуманную цель было сложно, т. к. само правительство сотрясалось от внутренних конфликтов. Но дело даже не в этом. Разве в условиях гражданской войны структура, которая по сути дела являлась правительственным пресс-центром, могла ставить перед собой иную задачу, оставаться полностью политически нейтральной, особенно в условиях крайней политической ангажированности большей части неправительственных средств массовой информации? Скорее следует отметить практически полное отсутствие конкретных мер по реализации поставленных задач. Другое дело, что курс Российского правительства оказался более понятным и предсказуемым, а в 1919 г. работа РТА стала масштабнее. Оно ставило перед собой задачу более широкого информирования населения о политических событиях в столице и на местах. Большинство газет публиковало подборки новостных телеграмм РТА, которые получали из широко распространяемого и удобного для использования регулярно выпускавшегося бюллетеня. Кроме того, новости РТА выходили отдельными газетными изданиями и в виде листовок.

Интересно, что в период так называемой «демократической контрреволюции» эсеровские политики, определявшие правительственный курс в Поволжье и Сибири, понимали необходимость пропагандистской

---

<sup>15</sup> Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны. М., 2002. С. 82.

работы. В конце июля в Сибири информационный отдел МВД переименовали в информационно-агитационный. Тогда же быстро набрали штат из примерно 200 пропагандистов и информаторов. Они объезжали деревни, проводя своеобразные политинформации на сельских и волостных сходах. Комуч 24 августа 1918 г. учредил в структуре Ведомства внутренних дел агитационно-культурно-просветительский отдел. На уровне уездов возникли его отделения. В одних уездах удалось наладить тесную связь с местными сельскими служащими, готовыми без оплаты помогать в работе с населением, в других работа в деревне так и не была организована, и вся деятельность отделений свелась к формальному распространению листовок.

Очень быстро обнаружилось существенное противоречие в деятельности пропагандистских учреждений в Поволжье и Сибири. С точки зрения государства, их работу следовало нацелить на мобилизацию сознания, идейную подготовку населения для борьбы с большевизмом. Но контингент работников — агитаторов и информаторов — рекрутировался, главным образом, из сельской интеллигенции и созданного революционными событиями слоя образованных маргиналов. Такие люди мало подходили для решения поставленных перед ними задач по идеологическому обеспечению борьбы против советской власти. К тому же четких инструкций о политическом направлении агитационной работы ни в Поволжье, ни в Сибири не было выработано. Сами информаторы и агитаторы подчас воспринимали офицерский корпус как олицетворение реакции, критично оценивали действия военных по отношению к крестьянству, а население убеждали, что правительство должно немедленно ограничить влияние военных и передать всю полноту административной власти выборным от местного населения органам. Если в Поволжье идеологическая работа с населением прекратилась сама собой в результате отступления Народной армии Комуча, то в Сибири она оказалась постепенно свёрнута самим правительством. Этот курс, начатый еще Временным Сибирским правительством, довершило Российское правительство, ликвидировавшее информационно-агитационный отдел МВД в конце ноября 1918 г. Одной из причин стало понимание расхождений между стратегическими запросами государства и характером проводимой на местах работы. В дальнейшем колчаковский режим сознательно устранился от дирижирования идеологическими процессами.

До весны 1919 г. работа по формированию государством общественного мнения не была никак организационно оформлена. Даже действовавшие в армии с января 1919 г. Особые канцелярии при штабах всех уровней слабо себя проявляли. Армейские отделы внешкольного образования больше интересовались общим просвещением солдат и

организацией их досуга, чем идейной мобилизацией. Только 9 июня 1919 г. при Штабе Верховного главнокомандующего возник Осведомительный отдел, нацеленный на идеологическую работу с военнослужащими.

Российское правительство стыдливо опасалось создавать государственные органы для идеологической работы с населением. Противоречия между продекларированным принципом соблюдения свободы печати и стремлением мобилизовать общественное мнение привели к тому, что учрежденное 8 марта 1919 г. совещание по делам печати выдвинуло идею организации частного издательства для политической агитации. Так возникло АО «Русское общество печатного дела», 60% акций которого были оплачены из средств казны. Частным лицам Российское правительство постепенно компенсировало затраты на покупку акций. Общество работало главным образом на средства государства и по его заказам печатало брошюры. Оно имело отделения в 18 городах Урала, Сибири и Дальнего Востока и выпустило 32 брошюры, а также листовки и плакаты общим тиражом 19 млн 35 тыс. экз. Для поддержания работы прогосударственной издательской структуры приходилось принимать подчас беспрецедентные меры, например, объявлять «Неделю печати», когда омские типографии должны были печатать только агитационную литературу по заказам Российского правительства и «Русского общества печатного дела». Летом 1919 г. в штате общества числилось 620 чел.<sup>16</sup> Естественно, содержание такой огромной машины требовало значительных средств. В полной мере информационно-агитационная работа развернулась уже в период отступления Белой армии. Уже по одной этой причине эффект от нее не мог быть полным. Несмотря на то, что в пропагандистских органах колчаковского режима были задействованы серьезные интеллектуальные силы, казенно-патриотический дух пропитал работу этого ведомства.

В организации пропагандистских усилий государству активно помогали муниципальные и общественные организации. Сфера их взаимодействия полна противоречий. Конечно, правительство хотело бы иметь сильные, активно работавшие информационно-пропагандистские структуры, независимые от государства и в то же время укреплявшие его авторитет. Но это удавалось делать в основном на казенные средства. Общественные и муниципальные организации не хотели заниматься идеологической работой по «государственному заказу» на свои деньги. Предпринятые по собственной инициативе акции в подав-

---

<sup>16</sup> Очерки истории книжной культуры... С. 100.

ляющем своем большинстве нацеливались на решение других, сугубо мирных задач.

В земских и городских управах функционировали внешкольные отделы просвещения. Каждый крупный кооперативный союз имел в своей структуре неторговый отдел, который по сути дела занимался просветительской работой<sup>17</sup>. Сформировавшиеся на востоке России в 1917–1918 гг. земства направляли значительные усилия на школьные и внешкольные формы образовательной деятельности. Становление их просветительских учреждений как раз приходилось на период гражданской войны со всей вытекающей отсюда необходимостью повышенных расходов на организационные нужды. Смета Барнаульской городской управы предполагала затрату 70 тыс. руб. на содержание городской публичной библиотеки. Из этой суммы 20 тыс. относилось за счет ссуды от правительства<sup>18</sup>. Златоустовское земство изыскало на просвещение 484,5 тыс. руб., организовало сеть из 52 библиотек. При некоторых из них работали курсы, народные чтения. В Оренбургской губернии содержание 55 библиотек на  $\frac{2}{3}$  оплачивалось казной, остальное — земствами<sup>19</sup>. Примером организованной просветительской работы могли служить многие другие земские и городские органы востока России<sup>20</sup>.

А.Л. Посадсков, описывая просветительную работу земств на востоке России, охарактеризовал её как «культурный взрыв третьей силы»<sup>21</sup>. Но есть все основания расширить характеристику «третьей силы», включив в него органы городского самоуправления, кооперацию. Действительно, эти объединения имели хорошую материально-техническую базу для развертывания культурно-просветительной работы. В их руках находились крупнейшие в восточной части страны издательские и типографские ресурсы. Летом — осенью 1918 г. они обла-

---

<sup>17</sup> Сибирский рассвет (Барнаул). 1919. № 3–4. С. 124–126; Аксарин В.В. Культурно-просветительская деятельность Обь-Иртышского союза кооперативов // Диалог культур и цивилизаций: Тез. V всерос. конф. Тобольск, 2004. С. 79–80.

<sup>18</sup> Кривonosов Я.Е. Местное самоуправление и библиотечное строительство: опыт алтайского земства в документах ЦХАФАК // Библиотека и краеведение: современные тенденции: Материалы науч.-практ. конф. Барнаул, 2001. С. 12–15.

<sup>19</sup> ГАРФ. Ф. Р-320, оп. 2, д. 113, л. 32об.

<sup>20</sup> Молчанов Л.А. Земские библиотеки за Уралом в годы гражданской войны // Библиотека. 2001. № 8. С. 75; Он же. Библиотеки белого востока России (1918–1919 гг.) // История белой Сибири: Материалы VI междунар. науч. конф. Кемерово, 2005. С. 178.

<sup>21</sup> Посадсков А.Л. Культурный взрыв «третьей силы»: издательская деятельность сибирского и дальневосточного земства в 1917–1919 гг. // Местное самоуправление в Сибири XIX–XX веков. Новосибирск, 2004. С. 171–180.

дали разветвленной сетью газет и журналов, которые имели достаточно крупные тиражи<sup>22</sup>. Лишь постепенно официальная и официозная печать потеснила их, но не вытеснила.

Принципиально важно не только констатировать наличие независимых от государства издательских центров, но и понять, насколько свободны они были в подборе публикуемого материала. Для ответа на этот вопрос потребуется проанализировать цензурную политику антибольшевистских правительств.

На востоке России правовой основой для проведения цензурной политики являлось слегка подкорректированное законодательство Временного правительства. И хотя 1917 г. — это время наибольшей свободы печати в России, но перечень прописанных в законе прав цензоров и запретов на публикацию информации был настолько широк, что реализовать его в полной мере оказывалось невозможно даже в суровое время гражданской войны, да обычно никто и не пытался. После свержения советской власти на востоке России цензура печатной продукции официально отсутствовала, хотя, конечно, военные пытались вмешиваться в деятельность средств массовой информации и настаивали на необходимости создания специальных контролирующих органов. Такая же ситуация была и в Сибири. 10 сентября 1918 г. Административный совет Временного Сибирского правительства подтвердил действие трех нормативных документов, касающихся контроля над общественным мнением: о специальной военной цензуре печати, о специальном военно-почтовом контроле и перечень сведений, не подлежащих оглашению в печати и распространению путем почтово-телеграфных сношений<sup>23</sup>.

До конца осени 1918 г., несмотря на рекомендации Министерства внутренних дел Временного Сибирского правительства организовать наблюдение за печатью, контроль власти над средствами массовой информации осуществлялся эпизодически. Лишь часть вышедших в Си-

---

<sup>22</sup> *Шереметьева Д.Л.* Газеты органов земского самоуправления Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая — середина ноября 1918 г. // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы регион. науч. конф. Томск, 2007. С. 85–88.

<sup>23</sup> Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). Новосибирск, 2007. С. 391; Архив новейшей истории. Т. IX: Журналы заседаний Временного правительства. Март — октябрь 1918 г. в 4-х т. Т. 3. Июль — август 1917 г. М., 2004. С. 188–189. «В настоящий момент является крайняя необходимость издания закона о военной цензуре печати и о военном почтово-телеграфном контроле»: документы Временного Сибирского правительства // Белая гвардия. Альманах. 2001, № 5. Белое движение на востоке России. С. 92–97.

бири газет и журналов попадала в поле зрения властей. Даже введение военного положения в конце июля — начале сентября 1918 г., давшее уполномоченным по охране государственного порядка и общественного спокойствия право на приостановку выпуска периодических изданий и наказание их редакторов, принципиально не изменили ситуацию. Ведь технического аппарата для контроля над всеми выходящими газетами и журналами создано не было<sup>24</sup>. Многочисленные случаи применения к прессе цензурных запретов, большинство которых выявлено историками и введены в научный оборот, вовсе не свидетельствуют о тотальном контроле за печатью<sup>25</sup>. Напротив, проанализировавшая взаимодействие прессы и власти в период «демократической контрреволюции» Д.Л. Шереметьева показала, что цензурные запреты не базировались на твердой нормативной базе и не имели системный характер, а являлись импровизацией местных властей. Закрываемые издания, как правило, очень быстро возобновлялись под другими названиями.

Государственный переворот 18 ноября 1918 г. внес изменения в цензурную политику. На следующий день после провозглашения власти Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака была введена предварительная цензура. Газетные страницы застрелили белыми полосами. Иногда они сопровождалась надписями — «статья снята военной цензурой» или аналогичного содержания. Вероятно, эту меру следует считать целесообразной — утверждение нового режима требовало информационного спокойствия. Во многом благодаря цензурным запретам накал гражданского противостояния в связи с государственным переворотом был снижен. Менее чем через две недели появились приказы Верховного правителя от 30 ноября 1918 г. № 57 и № 59, которые отменяли предварительную цензуру везде, кроме местностей, входивших в театр военных действий, и подтверждали полномочия военной цензуры<sup>26</sup>.

---

<sup>24</sup> Шереметьева Д.Л. Власть и пресса в период «демократической контрреволюции» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1: История. С. 131.

<sup>25</sup> Семенова Н.М. Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической контрреволюции»: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977. С. 27–29; Она же. Положение сибирской печати в период «демократической» контрреволюции // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск, 1982. С. 278–286.

<sup>26</sup> Правительственный вестник (Омск). 1918. 7, 8 дек.; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 — январь 1920 г.). Вып. 1. Томск, 2002. С. 32–35.

Официально Верховный правитель провозгласил себя приверженцем относительной свободы печати, чем и мотивировал отмену предварительной цензуры периодических изданий. Власть оставила за собой другой механизм влияния на прессу — право на закрытие печатного органа по ходатайству военно-цензурного отделения или начальника гарнизона и широко им пользовалась. Трудно судить, следует ли с правовой точки зрения считать этот шаг смягчением или ужесточением цензурной политики. Но предварительная военная цензура сохранилась и заявляла о себе белыми пятнами снятых с публикации статей. Гонения на оппозиционную прессу не только в виде запретов публикации материалов, но и штрафов, закрытия печатного органа без права возобновления оставались широко распространенным явлением<sup>27</sup>. Они коснулись практически всех оппозиционных изданий профсоюзов, эсеров и социал-демократов, большинства земских печатных органов, многих частных газет.

В то же время государство в конце 1918 — первые месяцы 1919 г. не стремилось проводить информационно-идеологическую интервенцию. Лишь с конца весны 1919 г. оно стало активно насаждать официозные издания. Все это сильно изменило архитектуру периодических изданий в пользу сокращения численности оппозиционных органов и роста проправительственных газет и журналов. Принципиально важно отметить, что своеобразный «центр» этого спектра масс-медиа — пресса умеренного политического содержания — не претерпел принципиальных изменений. Исключение составляет лишь ситуация в Забайкалье, где на протяжении 1919 г. жесткими репрессиями была практически полностью ликвидирована легальная оппозиционная печать. Когда Восточное Забайкалье в 1920 г. стало важнейшим оплотом контрреволюции на востоке страны, там существовали только государственные или зависимые от государства периодические издания. Но отношения власти и прессы в этом регионе нельзя считать характерными для всего востока России.

В последние годы исследователи сильно преувеличивают значение цензуры и правительственной пропаганды в прессе. В частности, Л.А. Молчанов утверждает, что «антибольшевистские государственные образования проводили политику монополизации газетного дела... информационно-пропагандистские (осведомительные) агентства [...] являлись основой глобального манипулирования общественным мнением со стороны властных структур. Через них власти осуществляли монопо-

---

<sup>27</sup> Звягин С.П. Цензура в условиях белой Сибири // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С. 71–74.



лию на получение, отбор, комментирование и распространение информации [...] До правительственных учреждений доходила во многом мифическая картина социальной борьбы в России, которую газетные издания рисовали на своих страницах, выполняя социальный правительственный заказ»<sup>28</sup>. И хотя автор тут же оговаривается, что в тех условиях «манипулировать общественным мнением было практически невозможно»<sup>29</sup>, но сам его подход, в рамках которого он проводит параллели между ситуацией с информацией в лагере «красных» и «белых», представляется не обоснованным. Он очень близок к концепции, культивировавшейся в советской историографии. В соответствии с ней основная часть прессы — «кадетские, военные и прочие верные режиму периодические издания [...] освещали события в свете идей центрального руководства», что позволяло говорить о существовании «вполне оформившегося аппарата идеологического, пропагандистского и психологического воздействия, который был подчинен единым целям и представлял собой достаточно большую силу»<sup>30</sup>.

Задачу тотального контроля над общественным мнением, монополизации периодической печати ни одно антибольшевистское правительство не ставило. Нужно четко оговорить два важных момента. Во-первых, функции официальных правительственных изданий далеко не сводились к пропаганде. Напротив, их главная задача состояла в информировании населения о деятельности центральных и местных властей, и в этом смысле они играли важную роль посредника между властью и обществом. Большинство сообщаемых официальными печатными изданиями сведений отличала идеологическая нейтральность. Во-вторых, подавляющая часть выходивших на востоке России изданий не являлась правительственными, многие оставались в умеренной и конструктивной оппозиции. Более того, даже лояльные политическому режиму газеты либерального толка подчас очень убедительно и жестко критиковали конкретные действия властей, помещали на своих страницах глубокие аналитические материалы, которые не позволяют относить к официальным этот круг изданий. Таковы «Отечественные ведомости» (Екатеринбург), «Заря» (Омск), «Сибирская жизнь» (Томск), «Голос Приморья»/«Голос Родины» (Владивосток) и многие другие. Подобные крупные газеты давали весьма объемный срез событий в регионе. Информационные цели у них превалировали над стремлением угодить властям.

---

<sup>28</sup> Молчанов Л.А. Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство. М., 2007. С. 84, 85.

<sup>29</sup> Там же. С. 92.

<sup>30</sup> Волгин А.И. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина: Дис... канд. ист. наук. Томск, 1990. С. 83.

Манипулировать общественным сознанием в угоду правящей власти действительно стремились специально созданные для этого пропагандистские структуры и их специализированные издания, выпускавшиеся на правительственные субсидии. В последние годы их деятельность активно изучается. Очевидно, что если анализировать характер работы только подобных газет, можно прийти к выводам, искажающим общую картину. В наличии такого рода издательских структур и значительном объеме выпущенной ими пропагандистской литературы нет ничего удивительного. Постоянная перестройка органов пропаганды и агитации, слабость интеллектуальных сил, задействованных в подготовке литературной продукции, привели к тому, что количественные параметры таких изданий были невелики, а их влияние на общественное мнение оказывалось ниже их удельного веса в общем объеме печати. Официозно-пропагандистская печать ни числом, ни по влиянию не превосходила прессу социалистической оппозиции, к которой можно отнести большинство изданий земств, кооперации, профсоюзов и социалистических партий. Более того, основные усилия по изданию пропагандистских газет и журналов были предприняты в последние месяцы существования Российского правительства (лето — осень 1919 г.), т.е. в период отступления Белой армии. Поэтому продолжительность их выпуска была невелика, а редакции переживали постоянные реорганизации.  $\frac{2}{3}$  такой печатной продукции распространялось в армии. Следовательно, правительственная пропаганда совершенно не могла заполнить информационное пространство и существенно потеснить влияние изданий и публикаций иной направленности.

Конечно, следует учесть, что круг официозной печати не ограничивался только изданиями государственных учреждений и осведомительных военных структур. На средства правительства могли издаваться зарегистрированные на частного владельца или общественную организацию газеты или журналы<sup>31</sup>. Но к аналогичным методам сокрытия истинной «политической физиономии» издателя прибегала и оппозиционная печать. Выпускаемые профсоюзами, земствами и кооперативными союзами периодические издания и литература также несли сильный идеологический заряд и нацеливались на пропаганду идей социализма и своеобразно понимаемых идеалов демократии. В этом смысле «демократическая общественность» влияла на складывавшуюся в общественном сознании картину политической жизни не в меньшей, а значительно большей степени, чем государственная пропаганда.

---

<sup>31</sup> Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 — январь 1920 г.). Томск, 2007. С. 69.

После непродолжительного ужесточения цензурных гонений в связи с государственным переворотом 18 ноября 1918 г. ситуация трансформировалась в сторону большей подконтрольности периодических изданий военно-цензурным органам. Конечно, идейно-политическая направленность работы цензоров очевидна — запрету подвергались, прежде всего, газеты и журналы, издаваемые профсоюзами, меньшевиками и эсерами, или отдельные статьи, подготовленные для публикации в них. Но, как правило, цензоры действовали, руководствуясь субъективными соображениями. Даже в одном городе то, что запрещалось к изданию в одной газете, разрешалось в другой. Многие издания, запрещаемые по цензурным соображениям, возобновлялись под другими названиями. Свообразный рекорд в этом смысле поставила приморская большевистская газета «Красное знамя», которая во второй половине 1918 — начале 1919 г. выпустила 130 номеров под 12 разными названиями. На заключительном этапе гражданской войны ситуация мало менялась. При меркуловском режиме в 1921 г. большевики возобновили выпуск «Красного знамени», но также были вынуждены сменить 12 названий<sup>32</sup>. В результате цензура перекрывала или ограничивала одни каналы информации, но оставляла множество других. Поэтому её деятельность не сказывалась принципиально на многообразии публичных и доступных читателям оценок политической жизни.

Л.А. Молчанов, утверждая существование государственной монополии на информацию, подразумевал, вероятно, монополизацию источников сведений о новостях мировой и общероссийской политики. Это не удивительно. Во всем мире пресса в то время получала оперативные новости, главным образом, от информационных и телеграфных агентств. Однако у крупных общественных корпораций (органов местного самоуправления, профсоюзов, политических партий, кооперации) имелись собственные источники информирования и даже выпускались информационные бюллетени для внутреннего пользования. Наконец, их информационные отделы или пресс-бюро собирали информацию с мест. Это были неподцензурные каналы передачи и обработки сведений. Печать широко использовала новостные сводки не только государственного, но и частных информационных агентств, пользовалась иностранными источниками, черпала сведения из других газет, от собственных корреспондентов, из писем читателей. Говорить о государственной монополии на новости нет никаких оснований, особенно если мы обратимся к уровню местной новостной информации. Большинство

---

<sup>32</sup> Бреслав Е.И. Большевистская печать Приморья (1918–1922 гг.). Владивосток, 1958. С. 81.

газет публиковало массу оригинальных, подчас остро критических материалов в разделах, посвященных именно местной жизни. Как правило, эта часть публикации, если она не касалась оценки деятельности военных или сведений об операциях против партизанских отрядов, оставалась вне интересов цензуры.

Одной из важных научных проблем остается определение степени влияния публичной информации на современников. Последняя тесно связана с особенностью функционирования общественного мнения в России периода гражданской войны. С одной стороны, хорошо известно, что основная масса печатной продукции распространялась в городах. Органы государственной власти антибольшевистских правительств в рамках военно-пропагандистской кампании, а земства и кооперативы в своей культурной работе специально нацеливались на распространение литературы в деревне. Существовали даже специальные издания для бесплатной рассылки по деревням. Но считать тиражами и экземплярами в данном случае нецелесообразно. Есть достоверные сведения о том, что подчас такие издания оседали в волостных органах в нераспечатанных пачках<sup>33</sup>. С другой стороны, можно привести немало примеров, когда новостные издания, с трудом доходя до деревни, шли там на расхват, а сельские библиотеки и читальни не знали отбоя от посетителей. В сельской местности существовала группа регулярных читателей прессы, следившая за событиями и постоянно откликавшаяся на информационные сигналы печати. Социальный портрет таких читателей очевиден — это сельская интеллигенция: кооператоры, учителя, священники, торговцы, работники земельных органов. Они не являлись референтной группой для остальных сельских жителей. Газетные и журнальные новости доходили до рядовых сельчан на уровне слухов, изустных интерпретаций. Это создавало широкое поле для мифотворчества, причудливо порождаемого крестьянским архаизированным сознанием.

Каковы бы ни были усилия издателей, <sup>9</sup>/<sub>10</sub> печатной продукции потреблялось в городах. Также следует учесть, что оперативность передачи новостей оставалась весьма невысокой. Причем рост числа газет и журналов почти не сказался на скорости распространения информации и глубине её проникновения в «социальную толщу». Но было и другое — внимательное отношение к информации со стороны государственных органов. Центральные органы управления тщательно отслеживали опубликованную информацию, их аналитические службы (информационные, статистические и пр. подразделения) де-

---

<sup>33</sup> Юрцовский Н.С. Сибирское земство в первый год его существования. Вып. 1. Ход земской реформы в 1917 г. Татарск, 1919. С. 4.

лали её сводки и подборки. Аналогичные службы имелись у крупных общественных организаций — Всесибирского союза кооперативных съездов, Всесибирского союза земств и городов, Всероссийского союза съездов промышленности и торговли и других. Такая работа позволяла получить весьма обширные, разнообразные и с разной точки зрения освещаемые события. Все это говорит о востребованности информации со стороны государства и общества. Издательства крупных газет и журналов также собирали текущую информацию из прессы и публиковали её на своих страницах. Таким образом, они сами становились своеобразными информационными агентствами, относительно успешно выполняя свою главную функцию по информированию населения. В этом смысле существование многочисленной прессы оборачивалась высоким уровнем осведомленности власти и общественности (но не общества в целом) о происходивших событиях.

В период существования антибольшевистских правительств на востоке России информационное пространство представляло собой мощную и сложную систему, стержнем которой являлась периодическая печать. Её отличало многообразие форм собственности, общественно-политической направленности, ориентация на потребителей разного интеллектуального и социального уровня. Государство было важнейшим субъектом информационного процесса. Оно в значительной мере ограничивало свободу слова, имело возможность сильно корректировать идеологический облик значительной части изданий. Но это влияние не было абсолютным и целиком определяющим. Рычагов эффективного блокирования распространения неблагоприятной для находившихся у власти антибольшевистских правительств информации не существовало. Общественные организации и заинтересованные группы сохранили возможность ощутимо воздействовать через свои органы печати на общественное мнение, а через него и на сами органы государственной власти.

*В.И. Шишкин*

**КОМАНДУЮЩИЙ СИБИРСКОЙ АРМИЕЙ  
А.Н. ГРИШИН-АЛМАЗОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ**

В первой половине июня 1918 г. на антибольшевистском небосклоне восточной России стремительно взошла звезда дотоле малоизвестного тридцатисемилетнего штаб-офицера — артиллерийского подполковника Алексея Николаевича Гришина-Алмазова. Достаточно сказать, что в середине июня 1918 г., когда на большей части территории Западной Сибири была свергнута советская власть, человек по фамилии Гришин-Алмазов, вторая часть которой была его подпольной кличкой, занял две главные военные должности. Их названия в дальнейшем менялись, но реально они соответствовали постам командующего вооруженными силами и главы военного ведомства Временного Сибирского правительства.

Именно во время пребывания Гришина на указанных должностях была решена главная на то время задача, которая стояла перед антибольшевистскими силами Сибири: на всей территории края удалось ликвидировать советы, полностью очистить ее от остатков Красной армии и на огромной пространстве от Челябинска на западе до Читы на востоке установить власть Временного Сибирского правительства. Можно утверждать, что вклад Гришина в достижение этой цели был, безусловно, немалый. Совет министров Временного Сибирского правительства не погрешил против истины, когда своим указом от 10 июля 1918 г. произвел его в генерал-майоры «в воздаяние военных заслуг»<sup>1</sup>. Но менее чем через три месяца тот же Совет министров неожиданно уволил Гришина с обеих должностей, вскоре после чего генерал покинул Сибирь.

Биография Гришина, однако, вызывает интерес не только по причинам сугубо личного характера: его необычным карьерным взлетом и еще более странным падением. В период революции и гражданской войны в России такие метаморфозы случались не с ним одним.

---

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 1, д. 41, л. 7; Временное Сибирское правительство (26 мая — 3 ноября 1918 г.). / Сб. док. и материалов. Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 702.

Гораздо важнее то обстоятельство, что на протяжении четырех месяцев Гришин входил в высший эшелон руководителей сибирской контрреволюции. Тем самым изучение его взглядов, поведения и взаимоотношений с другими лидерами антибольшевизма открывает возможности лучше понять характер и состояние контрреволюционного лагеря, трудности, с которыми он столкнулся, точнее оценить пути и средства, которыми противники большевиков решали эти проблемы.

Между тем имеющиеся о Гришине публикации носят в основном малоформатный справочно-биографический характер. К тому же в них, особенно в последней по времени выхода в свет статье М. Ивлева, допущены многочисленные фактические ошибки<sup>2</sup>. Единственной попыткой выяснить политические взгляды Гришина летом 1918 г. стала публикация А.С. Кручинина<sup>3</sup>. Но ее едва ли можно признать плодотворной по причине узости источниковой базы, которой оперировал автор, и гипотетического характера высказанных им суждений. Восполнить имеющийся историографический пробел — так в самом общем виде можно сформулировать задачу, которую поставил перед собой автор предлагаемой статьи.

\* \* \*

Довольно хорошо знавший Гришина по совместной работе в Западно-Сибирском комиссариате и в Совете министров Временного Сибирского правительства Г.К. Гинс в 1921 г. оставил о нем такой словесный «портрет»: «[...] Гришин-Алмазов, еще совсем молодой человек, ушедший с войны в чине подполковника, отличался ясностью ума, точностью и краткостью слога. Он отлично говорил, без цветистости и пафоса, но с темпераментом и убедительностью. Доклады его в Совете министров были всегда удачны. С его стороны не проявлялось упрямства и своеволия, он был лоялен к власти, но не скрывал,

---

<sup>2</sup> *Вибе П.А.* Гришин-Алмазов Алексей Николаевич // *Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 66–67; *Ларьков Н.С.* Военный министр белой Сибири // *Сибирская старина.* Томск, 1994. № 8. С. 29–31; Он же. Гришин-Алмазов Алексей Николаевич // *История «белой» Сибири в лицах. Биографический справочник.* СПб., 1996. С. 15–17; *Клавинг В.В.* Белая гвардия. СПб., 1999. С. 254–255; *Ивлев М.* Зигзаги генеральской судьбы // *Простор (Алматы).* 2003. № 5; *Симонов Д.Г.* Гришин-Алмазов Алексей Николаевич // *Сибирская историческая энциклопедия.* Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 436–437.

<sup>3</sup> *Кручинин А.С.* Политические взгляды генерала А.Н. Гришина-Алмазова: лицо или маска // *История белой Сибири. Материалы 6-й международной научной конференции (7–8 февраля 2005 года).* Кемерово, 2005. С.102–104.

что, представляя реальную силу, он требует, чтобы с ним считались. Его тенденции были очень определены. Он стремился к созданию всероссийского правительства, но [к] сохранению сибирской армии. Его симпатии были на стороне единовластия, но он считал тактически несвоевременным останавливаться на этой форме власти. Я не знал в Омске военного, который бы годился больше, чем Гришин, для управления военным министерством в демократическом кабинете.

Недостатком Гришина была его самоуверенность. Он был убежден в неспособности всех прочих конкурировать с его влиянием и значением в военных кругах. Он игнорировал министров Сибирского правительства, забывая, что это может вооружить их против него, и действительно нажил себе врагов [...]. Все это проистекало исключительно из-за молодой самовлюбленности генерала, не интересовавшегося тем, как к нему относятся окружающие»<sup>4</sup>.

Эта лапидарная, но емкая характеристика, данная наблюдательным и глубоким человеком, конечно, очень важна для понимания феномена Гришина. Но, как и все свидетельства современников (тем более такого пристрастного, каким был Г.К. Гинс), она, безусловно, нуждается в проверке на фактическую достоверность, в конкретизации и в дополнении теми чертами и признаками, которые по разным причинам не нашли своего отражения. К тому же эта характеристика дана хоть как и итоговый, но одномоментный срез, без достаточно учета того важного обстоятельства, что Гришин, будучи первоначально не очень сведущим в политике человеком, развивался, а его взгляды и поведение не оставались неизменными. Еще один вопрос, нуждающийся в изучении, заключается в выявлении того, под влиянием каких факторов и почему взгляды Алексея Николаевича за лето 1918 г. претерпели изменения.

Судя по всему, в Западной Сибири, точнее — в Новониколаевске, Гришин вместе с женой появился в конце зимы — начале весны 1918 г. Здесь они сняли небольшую комнату в доме № 56 по Болдыревской улице. Выбор Гришиным нового места жительства был обусловлен, скорее всего, чисто прагматическими причинами: с Сибирью и сибирскими формированиями во многом была связана его предшествующая служба. Во всяком случае, его хорошо помнили сослуживцы по 10-й Сибирской артиллерийской бригаде. В Новониколаевске Алексей Николаевич быстро нашел контакты с противниками большевиков и всту-

---

<sup>4</sup> Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С.148–149.



пил в подпольную военную организацию. Офицер-фронтовик, в 1917 г. удостоенный за личную храбрость ордена Св. Георгия IV степени и имевший опыт штабной работы, уже сидевший в большевистской тюрьме и бежавший из нее, он сразу же стал в подполье заметной фигурой. Довольно скоро на Гришина обратил внимание прапорщик В.А. Смарен-Завинский (подпольные клички — Иванов, Сажин). Последний являлся уполномоченным военного министра Временного Сибирского правительства А.А. Краковецкого, находившегося в то время в Харбине. Временное Сибирское правительство было образовано в конце января 1918 г. в Томске Сибирской областной думой и являлось преимущественно эсеровским по своему партийному составу.

А.А. Краковецкий возложил на В.А. Смарен-Завинского задачу по организации и руководству антибольшевистским вооруженным подпольем в Западной и Средней Сибири. Бывший политический ссыльный, а затем иркутский журналист В.А. Смарен-Завинский, получивший офицерское звание в период Мировой войны и никогда не нюхавший пороха, плохо подходил на эту роль. Важно, однако, было другое: он быстро это понял. В апреле 1918 г. В.А. Смарен-Завинский предложил Гришину занять должность начальника главного штаба вооруженных подпольных организаций, формировавшихся под эгидой Временного Сибирского правительства.

На такой выбор В.А. Смарен-Завинского могли повлиять и циркулировавшие слухи о том, что Гришин состоял в партии эсеров и одно время даже сотрудничал в левозеровской газете<sup>5</sup>, следовательно, являлся социалистом если не по своим идейным воззрениям, то, во всяком случае, по политическим взглядам. Сам же Гришин причины своего согласия сотрудничать с эсеровским Временным Сибирским правительством восемь месяцев спустя объяснял так: «[...] Задался целью создать военную силу из офицеров, затем при ней учредить власть, но задача эта оказалась невыполнимой вследствие полной невозможности найти общий для офицерства политический лозунг. Пришлось поэтому сойтись на поддержании самой идеи власти, хотя бы данное ее содержание и представлялось неприемлемым»<sup>6</sup>.

После вскоре последовавшего отъезда В.А. Смарен-Завинского на восток Гришин автоматически стал руководителем той части анти-

---

<sup>5</sup> ГАРФ. Ф. Р-170, оп. 1, д. 1, л. 20; *Кроль Л.А.* За три года. (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С.63; *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006. С. 69.

<sup>6</sup> Русское прошлое (СПб.). 1992. № 3: Парижский выпуск. Архивы эмиграции. С. 141.

большевистского вооруженного подполья Западной и Средней Сибири, которая состояла в основном из эсеров, «левой» части областников и их сторонников. На посланца Добровольческой армии в Сибири генерала от инфантерии В.Е. Флуга, в конце апреля — начале мая 1918 г. неоднократно встречавшегося с Гришиным в Томске, последний произвел благоприятное впечатление. По мнению генерала, он оказался «лицом, обладающим здравыми военными понятиями»<sup>7</sup>.

Работать в подполье Гришину пришлось под руководством уполномоченных Временного Сибирского правительства М.Я. Линдберга, Б.Д. Маркова, П.Я. Михайлова (подпольные клички — Ахмет, Ахметов, Сабир) и В.О. Сидорова, составлявших Западно-Сибирский комиссариат. Все они были известными эсерами, причем первые трое — профессиональными революционерами. В годы Мировой войны они стояли на интернационалистических позициях, а с конца 1917 г. считали себя максималистами. М.Я. Линдберг, Б.Д. Марков и П.Я. Михайлов являлись депутатами Всероссийского Учредительного собрания, а В.О. Сидоров до прихода к власти большевиков служил председателем Томской уездной управы<sup>8</sup>.

Из членов Западно-Сибирского комиссариата Гришин наиболее плотно взаимодействовал с П.Я. Михайловым. Павел Яковлевич был почти на десять лет моложе Гришина. Можно сказать, что до встречи в томском подполье их жизненные пути были прямо противоположными: если Гришин посвятил себя служению родине и государю, то П.Я. Михайлов в 1905 г. в шестнадцатилетнем возрасте связал свою жизнь с партией эсеров и активно боролся против царского режима. Он входил в состав Сибирской боевой летучки и принимал участие в террористических актах, за что неоднократно подвергался арестам властей, отбывал каторгу, дважды ссылался в Якутию.

После Февральской революции П.Я. Михайлов активно участвовал в легальной политической и общественной работе, стал одним из лидеров эсеров Томской губернии. Занимая скромный пост секретаря Томской губернской управы и будучи всего лишь вольнослушателем медицинского факультета Томского университета, он, тем не менее, за свою революционную деятельность и перенесенные репрессии пользовался колоссальной популярностью у местных рабочих и у эсеров-

---

<sup>7</sup> РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 130, лл. 1–2; Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году // Архив русской революции. Берлин. 1923. Т. IX. С. 257.

<sup>8</sup> Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая — 30 июня 1918 г.). Сб. док. и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2005. С. 56–57, 176–177, 179–180, 184–185, 187.

ски настроенной студенческой молодежи, а также у работавших вместе с ним в антибольшевистском подполье младших офицеров. 8 января 1918 г., т. е. через день после разгона Всероссийского Учредительного собрания, П.Я. Михайлов был арестован в Петрограде уже новой, рабоче-крестьянской властью и заключен в знаменитую тюрьму «Кресты», но вскоре освобожден, после чего немедленно включился в борьбу против большевистского режима<sup>9</sup>. Категорическое неприятие так называемой «диктатуры пролетариата» объединило в борьбе с ней кадрового офицера русской армии Гришина и бывшего политического каторжанина П.Я. Михайлова.

Важнейшей задачей Западно-Сибирского комиссариата и Гришина было объединение в основном стихийно возникших, имевших различный состав и политическую ориентацию антибольшевистских подпольных ячеек, групп и организаций и подчинение их Временному Сибирскому правительству. Вся эта работа велась при финансовом и организационном содействии со стороны мощной сибирской кооперации. Особенно активно помогал подпольщикам Союз сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт», правление которого располагалось в Новониколаевске. Более того, входившие в руководство «Закупсбыта» правые эсеры Е.Н. Пославский и А.В. Сазонов (подпольная кличка — Дедушка) одновременно являлись уполномоченными Временного Сибирского правительства по Новониколаевску и его уезду.

Гришин и П.Я. Михайлов вели свою нелегальную работу под прикрытием «Закупсбыта», имея удостоверения его сотрудников. В мае 1918 г. они вместе с полковником Г.А. Виттенкопфом, работавшим в подполье под кличкой П.П. Белов, посетили Красноярск, являвшийся одним из важнейших центров сосредоточения антибольшевистских вооруженных сил. Им легко удалось подчинить себе насчитывавшую около шестисот человек красноярскую организацию и поставить во главе ее боевого офицера — бывшего командира бригады 15-й Сибирской стрелковой дивизии полковника В.П. Гулидова. Успех Гришина и П.Я. Михайлова во многом объяснялся поддержкой, оказанной им со стороны подпольного Енисейского губернского комиссариата Временного Сибирского правительства, председателем которого являлся видный общественный деятель и старый областник В.М. Крутовский,

---

<sup>9</sup> ГАРФ. Ф. Р-5871, оп. 1, д. 92, л. 6; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 56–57, 176–177, 179–180, 184–185, 187; *Шишкин В.И.* Михайлов Павел Яковлевич // Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 374.

в 1917 г. служивший Енисейским губернским комиссаром Всероссийского Временного правительства<sup>10</sup>.

Намного сложнее развивались события в Омске. Здесь еще в апреле 1918 г. при содействии генерала В.Е. Флуга большинство вооруженных подпольных формирований, существовавших как в самом городе, так и в прилегающих к нему районах, а также в Петропавловске, было объединено под началом бывшего командира отдельной Сибирской казачьей бригады П.П. Иванова (работал в подполье под фамилией Ринов), имевшего большой военно-административный опыт. Эти боевые группы состояли в основном из бывших офицеров и казаков, отнюдь не благоволивших к социалистам. К тому же местная партийная организация эсеров не имела сколько-нибудь заметного влияния ни в офицерской, ни в казачьей среде. Показательно, что в Омске не существовало даже подпольного комиссариата Временного Сибирского правительства. Приезжавший в конце апреля 1918 г. в Омск В.А. Смарен-Завинский с задачей подчинения здешних подпольных формирований Временному Сибирскому правительству не справился. Более того, если верить В.Е. Флугу, местные военно-политические «верхи», состоявшие из казачьих офицеров и членов партии кадетов, с его санкции условились, что в случае свержения советской власти в Омске будет установлена военная диктатура П.П. Иванова-Ринова и даже наметили состав временного Омского правительства<sup>11</sup>.

Тем не менее, Гришину и П.Я. Михайлову, посетившим в мае 1918 г. столицу бывшего Степного края, в ходе пятидневных переговоров удалось нейтрализовать созданную корниловцем В.Е. Флугом конструкцию будущей власти и найти общий язык с П.П. Ивановым-Риновым. Он признал Временное Сибирское правительство — но не персонально, а как идею — и обязался служить ему. В результате в

---

<sup>10</sup> ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 1, л. 59. В книге П.С. Доценко в освещении этого события допущены две крупные ошибки: посещение Красноярска Гришиным и П.Я. Михайловым датировано мартом 1918 г., а председателем подпольного губернского комиссариата назван он сам (см.: *Dotsenko P. The Struggle for Democracy in Siberia (1917–1920). Eyewitness Account of a Contemporary.* Stanford, 1983. P. 24).

<sup>11</sup> Отчет о командировке... С. 253–255. О том, что руководимая П.П. Ивановым-Риновым Омская военная организация была тесно связана с миссией В.Е. Флуга, свидетельствует доклад о работе посланцев Добровольческой армии в Томске и Красноярске. 12 мая 1918 г. этот доклад был направлен полковником В.А. Глухаревым в штаб Омской организации, который П.П. Иванов-Ринов от Западно-Сибирского комиссариата скрыл, но позднее случайно обнаружил П.Я. Михайлов (см.: ГАРФ. Ф. Р-193, оп. 1, д. 31, лл. 26–49).

Омске был создан штаб Временного Сибирского правительства, совмещавший в себе военные и гражданские функции. Ключевыми фигурами в этом штабе были три человека: П.П. Иванов-Ринов и уполномоченные Временного Сибирского правительства эсеры А.А. Кузнецов и Б.К. Ляхович. Судя по всему, главным аргументом, с помощью которого удалось убедить П.П. Иванова-Ринова признать Временное Сибирское правительство и войти в подчинение Гришина, стало обещание после прихода к власти назначить казачьего полковника командиром будущего Степного Сибирского корпуса<sup>12</sup>.

Как ни парадоксально, особенно трудно шло объединение вооруженного подполья в Томске, где находились главные силы, на которые опиралось Временное Сибирское правительство: его уполномоченные, составлявшие Западно-Сибирский комиссариат, и Сибирский краевой комитет эсеров.

Здесь еще в конце 1917 г. по инициативе братьев А.А. и М.А. Кирилловых и Е. Эмана возникла монархическая офицерская организация, к началу апреля следующего года достигшая примерно двухсот пятидесяти человек. В начале января 1918 г. по инициативе офицеров 42-го Сибирского стрелкового полка подполковника А.Н. Пепеляева, капитана Н.Ф. Шнаппермана и поручика И.П. Жданова стала формироваться другая офицерская организация. В апреле 1918 г. ее численность, по разным оценкам, составляла от шестисот до тысячи человек. Она считалась беспартийной и видела спасение России в установлении единоличной власти. Во главе этой организации стоял штаб, а ее начальником являлся бывший фронтовик, артиллерийский полковник Н.Н. Сумароков, не скрывавший своих монархических взглядов. Кроме того, существовало несколько небольших отрядов, состоявших в основном из младших офицеров и учащейся молодежи и насчитывавших в общей сложности восемьсот — девятьсот человек. Они являлись эсеровско-областными по своей ориентации, финансировались и подчинялись Временному Сибирскому правительству. Возглавлял их полковник Е.К. Вишневский.

В апреле 1918 г. две первые томские организации фактически объединились. Однако попытки лично Гришина наладить с их руководством хотя бы элементарный контакт не встретили понимания. Видимо, главной причиной такого отношения была жесткая позиция Н.Н. Сумарокова, который резко отрицательно оценивал как состав

---

<sup>12</sup> ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 1, лл. 97–98; Дело Сибири (Омск). 1918. 11 июня; Омский вестник. 1918. 11 июня; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 86.

эсеровско-областнических формирований («занимались они больше тем, что доносили друг на друга в совдеп»), так и лично Гришина в качестве главного военного руководителя Временного Сибирского правительства («авантюрист, всецело преданный партии эсеров»).

Проблему частично удалось решить только после того, как в середине мая 1918 г. в Томск прибыл заместитель Гришина капитан Л.Д. Василенко (подпольная кличка — Соловьев). Действуя совместно с Е.К. Вишневым, он смог убедить штаб офицерской организации в необходимости совместного выступления против большевиков, обещая не входить в подчинение к эсерам<sup>13</sup>.

Организация вооруженного подполья была далека от своего завершения, когда Чехословацкий корпус поднял антисоветский мятеж. Днем 25 мая 1918 г. легионеры свергли советы в Мариинске, а в ночь на 26 мая — в Новониколаевске. Трое членов Западно-Сибирского комиссариата и Гришин, находившиеся в это время в Томске, стали срочно готовить вооруженное выступление. Но вечером 27 мая большевики арестовали в доме № 3 по улице Ярлыковской, где часто бывал Гришин, членов Западно-Сибирского комиссариата Б.Д. Маркова, П.Я. Михайлова и В.О. Сидорова, члена Всесибирского краевого комитета эсеров М.С. Фельдмана, а также почти все руководство томской эсеровской организации.

Угроза ареста нависла и над Гришиным. Его искали по фотографии. Гришин, немного изменив свою внешность и поменяв верхнюю одежду, был вынужден срочно покинуть Томск. На пароходе он выехал в Новониколаевск<sup>14</sup>. Рано утром 28 мая Гришин прибыл в Новониколаевск, где уже находился член Западно-Сибирского комиссариата М.Я. Линдберг и легально действовал в качестве местного органа Временного Сибирского правительства военно-революционный штаб, в который входили эсеры и социал-демократы меньшевики.

М.Я. Линдберг срочно издал приказ, в котором от имени военного министра Временного Сибирского правительства назначил Гришина, впервые официально названного полковником, командующим войсками Западно-Сибирского военного округа. В свою очередь Гришин немедленно издал приказ № 1 о вступлении в командование ок-

---

<sup>13</sup> ГАРФ. Ф. Р-170, оп. 1, д. 12, лл. 14–15; РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 130, лл. 1–2; Кириллов А.А., *кап.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // *Вольная Сибирь*. Прага. 1928. Т. 4. С.36–37.

<sup>14</sup> *Голос народа* (Томск). 1918. 2 июня и 18 июля; *Дело Сибири* (Омск). 1918. 18 июня; *Заря* (Омск). 1919. 20 июня. Его френч остался у капитана Лаптева, а шинель — у хорунжего Харчевского. Видимо, взамен оставленной им военной одежды эти же офицеры отдали Гришину свою гражданскую.

ругом. В приказе говорилось, что перед Сибирской добровольческой армией<sup>15</sup> стоит «почетная задача освободить Сибирь от большевиков и передать эту власть Сибирскому Временному правительству, которое доведет нас до Всесибирского Учредительного собрания». Сибирская армия, заявил Гришин, будет построена «на началах твердой дисциплины», а все вставшие под знамена Временного Сибирского правительства будут «честно служить этому законному правительству Сибири» и их оружие «никогда не станет оружием классовой и партийной борьбы»<sup>16</sup>.

Важнейшей задачей М.Я. Линдберга стала организация исполнительного аппарата Западно-Сибирского комиссариата, а Гришина как командующего войсками округа — формирование вооруженных сил, органов военного управления и командование войсками. Вечером 30 мая М.Я. Линдберг произвел назначение руководителей нескольких отделов Западно-Сибирского комиссариата, в том числе военного. Его заведующим М.Я. Линдберг сделал Н.В. Фомина, а помощником последнего — М.Ф. Омелькова<sup>17</sup>. Н.В. Фомин и М.Ф. Омельков были видными эсерами, депутатами Всероссийского Учредительного собрания. Кроме того, Н.В. Фомин был известен как лидер эсеров Енисейской губернии и один из руководителей сибирской кооперации. С марта 1918 г. он являлся членом правления крупнейшей кооперативной организации — «Закупсбыта» — и заведующим его неторговым отделом. Но оба выдвигенца М.Я. Линдберга были гражданским людьми, абсолютно незнакомыми с военным делом.

В свою очередь Гришин сразу же приступил к формированию в Новониколаевске штаба Западно-Сибирского военного округа (Сибирской армии). Его начальником он назначил уже проверенного по совместной работе в подпольный период Генерального штаба полковника П.П. Белова<sup>18</sup>.

---

<sup>15</sup> Даже в официальных документах возглавляемая Гришиным армия долгое время называлась по-разному: Сибирской, Западно-Сибирской отдельной, Отдельной Западно-Сибирской, Сибирской добровольческой. 27 июля 1918 г. Совет министров Временного Сибирского правительства постановил именовать ее Сибирской армией. В настоящей статье она в большинстве случаев называется Сибирской.

<sup>16</sup> ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 12, л. 124; Бюллетень уполномоченных Временного Сибирского правительства № 1 (Новониколаевск). 1918. 29 мая; Голос народа. 1918. 2 июня.

<sup>17</sup> Голос народа. 1918. 4 июня; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 46.

<sup>18</sup> РГВА. Ф. 40308, оп. 1, д. 69, лл. 1–2; Сибирская жизнь (Томск). 1918. 16 июня.

Естественным ядром вооруженных сил Временного Сибирского правительства послужили вышедшие из подполья офицерские и эсеровско-областнические организации. Как свидетельствуют изданные Западно-Сибирским комиссариатом и Гришиным первые военные приказы, главными источниками, из которых они намеревались черпать дополнительные кадры, являлись бывшие офицеры, военные чиновники, юнкера и добровольцы. Первые две категории, ранее состоявшие на действительной военной службе, подлежали обязательной мобилизации. 6 июня это же правило было распространено на юнкеров. Набор добровольцев регламентировал специальный документ — «Временные условия формирования сибирских добровольческих полков в Западно-Сибирском военном округе», в соответствии с которым в Сибирскую армию принимались граждане не моложе 18 лет, «незапятнанные нравственно и изъявившие искреннюю готовность преданно служить идее народовластия, осуществляемой Временным Сибирским правительством»<sup>19</sup>.

Нетрудно заметить существенную разницу между содержанием изданного Гришиным приказа № 1 и «Временными условиями...», под которыми стояли подписи М.Я. Линдберга, Н.В. Фомина и Гришина. В первом случае речь шла о формировании национальной армии, во втором — вооруженных сил, отвечавших эсеровскому пониманию народовластия. Такое расхождение в указанных документах можно объяснить тем, что Гришин не мог не считаться с мнением двух видных эсеров, к тому же стоявших выше него в «табели о рангах».

В принципе позиция Гришина того времени по вопросам военного строительства оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, имеются факты, позволяющие утверждать, что Гришин вроде бы хорошо сознавал, что после двух революций 1917 г. слепо копировать традиции императорской русской армии было невозможно и глупо. Об этом свидетельствует хотя бы его отношение к Н.Н. Сумарокову, который после оставления 31 мая большевиками Томска был назначен начальником местного гарнизона, а 1 июня получил приказ формировать Томскую Сибирскую дивизию. Но полковник, будучи последовательным монархистом, сразу же надел погоны, что вызвало недовольство многочисленных томских фронтовиков. По указанию членов Западно-Сибирского комиссариата командующий войсками Томского района Л.Д. Василенко сместил Н.Н. Сумарокова с должности начальника дивизии и назначил его исполняющим обязанности ин-

---

<sup>19</sup> ГАРФ. Ф. Р-170, оп. 1, д. 16, л. 36; Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 6 июня.



спектора артиллерии Томского района, передав командование дивизией А.Н. Пепеляеву. Прибывший в Томск Гришин произведенные Л.Д. Василенко кадровые перемещения принял как должное к сведению, хотя назначение на военные должности было его прерогативой<sup>20</sup>.

С другой стороны, для Гришина абсолютно неприемлемо было большинство тех новаций, которые произошли в русской армии после Февральской революции: создание солдатских комитетов, коллективное руководство войсками, учреждение должностей комиссаров при военачальниках, организация товарищеских судов, падение служебной дисциплины и т. д. Он резко критически оценивал те принципы, на которых в Поволжье формировал свою Народную армию Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч). Сохранились комментарии Гришина к утвержденным 17 июня 1918 г. руководством Комуча «Временным правилам об организации и службе Народной армии», адресованные штабу Сибирской армии, командирам корпусов и другому начальствующему составу.

В частности, организацию управления Народной армией Гришин оценил одним словом — «совдеповщина»; пункт, гласивший, что «все без исключения добровольцы стоят на полном довольствии и получают жалование 15 рублей» он назвал «демагогией»; о товарищеских дисциплинарных судах отозвался такой фразой — «как действуют эти суды, мы знаем»; относительно использования Георгиевской ленточки в качестве отличительного знака Народной армии оставил помету, гласившую: «Это знак отличия, и очень высокий». «Обдумать» — такой была реакция Гришина на пункт «Временных правил...», в котором регламентировался внутренний порядок в войсках («Вне службы все равны. Служба начинается с отдачей приказа или команды и кончается с выполнением приказа и команды») <sup>21</sup>.

В то же время Гришин никак официально не отреагировал на появление подпоручика военного времени эсера Л.Н. Перелешина в качестве комиссара сначала при начальнике Томского гарнизона, затем — при штабе Томской дивизии. Институт комиссаров при воинских частях Временного Сибирского правительства, сначала введенный кое-где Западно-Сибирским комиссариатом, 14 июня 1918 г. был упразднен самим комиссариатом<sup>22</sup>. Правда, в тот же день Гришин сделал

<sup>20</sup> ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 12, л. 108; РГВА. Ф. 40307, оп. 1, д. 130, л. 4; Сибирская жизнь. Экстренный выпуск (Томск). 1918. 31 мая; Кириллов А.А., *кап.* Сибирская армия в борьбе за освобождение. С. 43.

<sup>21</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 7, лл. 27–29.

<sup>22</sup> ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 7, л. 143; д.12, л. 103; Сибирская жизнь. 1918. 1 июня; Голос народа. 1918. 2, 4 и 6 июня; Западно-Сибирский комиссариат Временно-

ответный жест, выступив на заседании Западно-Сибирского комиссариата с предложением об учреждении при командующем войсками округа коллегиального совещательного органа — военного совета — и о желательности участия в этом совете представителей комиссариата<sup>23</sup>. Но через пару недель, когда произошла передача власти Западно-Сибирским комиссариатом Совету министров Временного Сибирского правительства, эта идея потеряла свою актуальность.

Разумно повел себя Гришин при решении такого важного вопроса, как набор добровольцев в Западно-Сибирскую армию. Он не отказал общественности в лице Томской губернской земской управы и комитета партии эсеров, предложившим свое содействие, в праве участвовать в формировании армии. 17 июня Западно-Сибирский комиссариат с участием Гришина принял решение доверить общественным организациям и учреждениям решение ряда проблем по работе с добровольцами: подбор кадров агитаторов, определение способов их работы среди населения, издание листовок и воззваний, — тогда как военные власти взяли на себя обязанности по инструкторованию агитаторов и созданию центров приема добровольцев<sup>24</sup>. Заметим, что к 25 июня в специально созданном в Томске отделе по формированию добровольческой армии уже имелось 84 инструктора-агитатора. Они были направлены во все уезды Томской губернии, а также в часть уездов Алтайской губернии и Акмолинской области, где провели большую работу по информированию населения о текущих политических событиях, одновременно убеждая его добровольным вступлением в Сибирскую армию поддержать новую власть<sup>25</sup>.

С самого начала грамотную позицию занял Гришин по вопросу о добровольческих вооруженных формированиях, которые в ряде городов после свержения советской власти начали создавать местные партийные комитеты меньшевиков и эсеров, а также национальные организации. В отличие от ряда томских военных, которые потребовали их разоружения, Гришин посчитал возможным возложить на добровольческие отряды, состоявшие из надежных граждан, караульную службу и обеспечение общественной безопасности<sup>26</sup>. Во исполнение категорического требования Гришина начальник Томского гарнизона А.Н. Пепеляев был вынужден аннулировать приказание о сда-

---

го Сибирского правительства. С. 105.

<sup>23</sup> Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 101.

<sup>24</sup> ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 5, д. 1, л. 15; Временное Сибирское правительство. С. 72.

<sup>25</sup> Заря (Томск). 1918. 5 августа.

<sup>26</sup> ГАТО. Ф. Р-1362, оп. 1, д. 287, л. 81.

че оружия дружинами и отрядами самоохраны, а вслед за ним командующий войсками Томского района Л.Д. Василенко — издать приказ всем партийным и национальным вооруженным дружинам Томска поступить в распоряжение коменданта города<sup>27</sup>.

Более того, 20 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат с участием Гришина, П.П. Иванова-Ринова и Л.Д. Василенко специально обсудил вопрос об организации боевых дружин общественными организациями и поручил своему военному отделу составить проект положения, «устанавливающего общеобязательные формы взаимоотношений военных властей и общественных организаций, желающих принять участие в этом деле»<sup>28</sup>.

Гришин был не только хорошим организатором, но и, безусловно, ориентировался в вопросах военной стратегии и тактики. Прямых данных о его непосредственном участии в разработке военных операций и руководстве их осуществлением не выявлено. В принципе для решения указанных задач существовал штаб армии, в котором работали грамотные и имевшие боевой опыт офицеры. Да и особенности вооруженной борьбы в Сибири летом 1918 г., когда сплошной линии фронта не существовало, а боевые действия велись в основном вдоль линии железной дороги, не требовали жесткого руководства из единого центра. Поэтому планированием и проведением операций самостоятельно занимались в основном командиры отдельных частей и соединений, а также созданные ими импровизированные штабы.

На начальной стадии вооруженной борьбы, когда в середине июня 1918 г. боевой состав находившихся под началом Гришина войск едва превышал четыре тысячи человек, в центре своего внимания он держал две взаимосвязанные проблемы. С одной стороны, Гришин добивался концентрации сил на главных направлениях, с другой — не допускал их распыления для решения второстепенных задач. Предельно четко свое понимание того, как должна действовать Сибирская армия, он дважды изложил в начале июня 1918 г. в беседе с корреспондентом новониколаевской газеты. В первом интервью, разъяснения причины, по которым подчиненные ему войска не развивают наступление на барнаульском направлении, Гришин заявил: «Не ликвидирую же я барнаульских большевиков потому, что в военном деле никогда не следует забывать русской пословицы „За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь“». Еще более четко эта же мысль прозвучала во втором

---

<sup>27</sup> Голос народа. 1918. 4 и 7 июня.

<sup>28</sup> ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 5, д. 1, л. 18; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 127–128.

интервью: «[...] Я не считаю возможным разбрасываться сразу на несколько направлений и гоняться за дешевыми лаврами, а, наоборот, считаю необходимым закреплять каждый шаг»<sup>29</sup>.

4 июня 1918 г. Гришин издал приказ № 4, в котором признал необходимым «создание сильной ударной группы войск, сосредоточенных в одном, определенном месте». Одновременно он категорически потребовал от начальников гарнизонов прекратить использование регулярных войск для несения в городах охранно-караульной службы<sup>30</sup>.

Серьезной винушение Гришин сделал командиру Средне-Сибирского корпуса подполковнику А.Н. Пепеляеву, когда тот допустил использование одного из подчиненных ему отрядов для преследования бывших советских руководителей Красноярска, пытавшихся на пароходах скрыться в низовье Енисея. На телеграмме члена Енисейского губернского комиссариата Н.Н. Козьмина, сообщавшей об организации операции по поимке беглецов, Гришин наложил такую резолюцию: «Командиру Средне-Сибирского корпуса приказано действовать, не разбрасывая сил. Если армия задается целью преследовать всех бегущих красноармейцев, то главной задачи она не в состоянии будет выполнить. Это — азбука военного дела»<sup>31</sup>.

В отличие от многих военачальников периода гражданской войны, Гришин практически не бывал на линии фронта и даже в действующих частях. Документально зафиксирована единственная подобная его поездка, предпринятая 26 июня 1918 г. в Ишим. Здесь красным войскам, насчитывавшим около 1,1 тыс. штыков, противостояли Степная Сибирская стрелковая дивизия полковника Г.А. Вержбицкого и чехословацкие части, которые вместе почти в два раза численно превосходили противника. К тому же Степная Сибирская дивизия почти на 80% состояла из офицеров.

Вся деятельность Гришина во время пребывания в Ишиме свелась к заслушиванию доклада Г.А. Вержбицкого о расположении войск на фронте и плана наступления дивизии, в участии в совещании командного состава, на котором командующий армией дал невнятные инструкции «на случай наступления нашей дивизии» и выслушал нужды начальников частей, в смотре частей войск дивизии, в посещении уездной земской управы и городского головы, в приеме начальника гарнизона и местного уполномоченного Временного Сибирского пра-

---

<sup>29</sup> Народная Сибирь. 1918. 1 и 2 июня.

<sup>30</sup> ГАТО. Ф. Р-1362, оп. 1, д. 287, л. 81. В газете «Омский вестник» от 21 июня этот приказ имеет № 41 и датируется 6 июня 1918 г.

<sup>31</sup> ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 1, д. 97, лл. 7–9.

вительства. Вся поездка заняла не более 20 часов, а смысл ее осуществления, видимо, был понятен только самому Гришину<sup>32</sup>.

Возглавив вооруженные силы Западно-Сибирского комиссариата, Гришин официально стал «первым человеком» не только в сформированной военной вертикали, но и крупной политической величиной. Теперь к числу его важнейших функций относился анализ как военной, так и общественно-политической ситуации в Сибири в целях оперативного реагирования на ее изменения. После свержения советской власти в Новониколаевске и Томске в штабе Западно-Сибирского военного округа (армии) с особым напряжением следили за боями между чехами и красными в районе Омска, где находились огромные интендантские склады. Как вспоминал год спустя один из сотрудников штаба, полученная 7 июня 1918 г. телеграмма об освобождении Омска вызвала среди его офицеров «огромную радость, так как мы знали, что теперь у нас будут патроны и обмундирование, в котором ощущался такой большой недостаток»<sup>33</sup>.

Кроме того, Гришина, естественно, волновало то, как поведут себя местные военные во главе с П.П. Ивановым-Риновым: признают ли они в новых условиях его в качестве командующего и верховенство Западно-Сибирского комиссариата? Судя по всему, эти же проблемы волновали находившегося в Новониколаевске М.Я. Линдберга, поскольку силы эсеров в Омске были настолько слабы, что им даже не удалось создать комиссариата Временного Сибирского правительства. 8 июня в переговорах по прямому проводу с оставшимися в Томске Л.Д. Василенко и П.Я. Михайловым М.Я. Линдберг потребовал, чтобы в связи с возрастанием объема деятельности Западно-Сибирского комиссариата П.Я. Михайлов и В.О. Сидоров на экстренном поезде немедленно выехали в Новониколаевск. «Полковник Гришин, — передал М.Я. Линдберг, — будет ждать [П.Я.] Михайлова до утра, а затем выезжает в Омск». Поскольку, видимо, М.Я. Линдберг опасался сговора Гришина и П.П. Иванова-Ринова за спиной эсеров, он считал крайне необходимым, «чтобы Гришин выехал в Омск совместно с [П.Я.] Михайловым»<sup>34</sup>.

Рано утром 11 июня П.Я. Михайлов и Гришин прибыли в Омск. Как вскоре выяснилось, опасения М.Я. Линдберга насчет Гришина и Гришина, в свою очередь, насчет П.П. Иванова-Ринова оказались на-

---

<sup>32</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 37, лл. 2–3.

<sup>33</sup> Русская армия (Омск). 1919. 7 июня.

<sup>34</sup> Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 86.

прасными. П.П. Иванов-Ринов не нарушил имевшиеся договоренности. Оказалось, что еще 7 июня он издал ряд приказов по Омскому гарнизону, в которых объявил, что Временным Сибирским правительством назначен командиром Степного корпуса, а вся власть в городе принадлежит ему и уполномоченному Временного Сибирского правительства А.А. Кузнецову<sup>35</sup>. Ознакомившись с омской обстановкой и убедившись, что ситуация не вышла из-под контроля, Гришин дал в Новониколаевск начальнику штаба округа телеграмму: «Общее положение в Омске вполне благоприятное»<sup>36</sup>.

Вечером того же дня П.Я. Михайлов, Гришин и П.П. Иванов-Ринов посетили заседание Омской городской думы. П.Я. Михайлов рассказал думцам о возникновении, деятельности и задачах Временного Сибирского правительства, а Гришин<sup>37</sup> впервые сделал ряд важных заявлений о том, в чем он видит цели и задачи вооруженных сил Временного Сибирского правительства. «Сибирская добровольческая армия, — сказал он, — находится вне политики и построена на демократических принципах. Предоставляя всем политическим партиям, всем общественным группировкам бороться вокруг Временного Сибирского правительства в смысле парламентской борьбы, Сибирская добровольческая армия не позволит какой-либо стороне [вести] эту борьбу с оружием в руках». От имени армии Гришин потребовал от присутствующих «забыть все партийные и классовые споры», а в случае эффективной помощи с их стороны пообещал им «передать власть Сибирскому Учредительному собранию»<sup>38</sup>.

На следующий день П.Я. Михайлов и Гришин сделали еще один важный шаг. Они подготовили и от имени Временного Сибирского правительства неофициально передали отъезжавшему из Омска в Вологду дипломатическому представителю Северо-Американских соединенных штатов меморандум. В этом документе они кратко объяснили происхождение правительства (избрано Сибирской областной думой, состоящей из представителей земских и городских самоуправлений, а также национальных меньшинств), его основные цели и задачи (возобновление деятельности Всероссийского Учредительного собрания, созыв Сибирского Учредительного собрания, восстановление органов самоуправления, прекращение гражданской войны, осуществление идей народоправства и государственной мощи). Непри-

---

<sup>35</sup> Омский вестник. 1918. 11 июня.

<sup>36</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 43, л. 15.

<sup>37</sup> В газете это выступление Гришина ошибочно приписано П.П. Иванову-Ринову.

<sup>38</sup> Омский вестник. 1918. 13 июня.

знание Брестского мирного договора, восстановление дружеских отношений с союзными державами и совместная с ними борьба против германского милитаризма были названы приоритетными внешнеполитическими проблемами Временного Сибирского правительства. В меморандуме сообщалось о начале формирования в Сибири добровольческой армии на основе строгой дисциплины по образцу Западной Европы. Завершался документ заявлением о том, что эта армия будет стоять «вне политики, вне классов и партий»<sup>39</sup>. В результате союзники впервые получили достоверную информацию о том, кто и почему ведет в Сибири борьбу против большевиков из самого надежного источника — от непосредственных руководителей этой борьбы.

Тогда же Гришин принял решение еще по одному важному вопросу: о переводе штаба Западно-Сибирского военного округа (армии) из Новониколаевска в Омск. С военной точки зрения такой перевод был вполне оправдан, поскольку в Омске имелась более развитая инфраструктура и имевшие опыт штабной службы офицерские кадры. Находясь в Омске, легче было контролировать поведение командиров казачьих формирований, не отличавшихся законопослушанием и дисциплинированностью. Поскольку с жильем в городе было плохо, квартиру ему быстро обустроили в гарнизонном собрании, приведя в порядок и оставив мебелью комнаты, которые недавно занимал советский военный комиссариат. 13 июня Гришин телеграфировал жене в Новониколаевск, чтобы через пару дней она выехала на новое место жительства<sup>40</sup>.

Западно-Сибирский комиссариат не мог не считаться с хорошо мотивированным решением Гришина о переводе штаба округа (армии) в Омск. В то же время комиссариат не мог допустить и потери своего непосредственного контроля над командованием армии. П.Я. Михайлов вместе со срочно прибывшими в Омск Б.Д. Марковым и М.Я. Линдбергом лихорадочно взвешивали разные варианты и, несмотря на возражение В.О. Сидорова, после колебаний приняли решение перенести резиденцию Западно-Сибирского комиссариата в Омск.

Последнее означало, что необходимо безотлагательно и практически с «нуля» формировать исполнительный аппарат комиссариата. Еще 12 июня, заблаговременно, П.Я. Михайлов провел большое совещание омских демократических деятелей, представителей государственных и общественных учреждений для того, чтобы выяснить ре-

---

<sup>39</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 10; Временное Сибирское правительство. С. 63.

<sup>40</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 12.

альную экономическую ситуацию в городе и получить рекомендации относительно кандидатов на должности.

Вечером 14 июня в Омске состоялось первое заседание Западно-Сибирского комиссариата. На заседании, кроме трех его наличных членов, присутствовали два оказавшихся здесь министра Временного Сибирского правительства: глава ведомства внешних сношений П.В. Вологодский и министр финансов И.А. Михайлов, а также Гришин и приглашенный на должность управляющего делами комиссариата профессор Г.К. Гинс. Первыми в повестке дня заседания стояли четыре вопроса, инициированные Гришиным, в том числе о военном отделе комиссариата и его заведующем.

Вопросы эти возникли далеко не случайно. Как уже упоминалось, заведовал военным отделом Западно-Сибирского комиссариата Н.В. Фомин. Это был молодой, но умный, энергичный и умеющий работать с разными людьми человек. Он довольно быстро вошел в курс дел военного ведомства. Даже такой опытный и взывательный бюрократ, каким был Г.К. Гинс, отнюдь не благоволивший эсерам, позднее признавал, что Нил Валерианович «проявлял большую распорядительность и такт»<sup>41</sup>. В заведующем военном отделе, обнаружившим способность решать проблемы военного строительства, Гришин, у которого стали прорезаться амбиции, увидел реального конкурента, которого он считал необходимым немедленно устранить со своей дороги.

Однако мотивы личного характера Гришин умело закамфлировал деловыми соображениями. Алексей Николаевич утверждал, что иметь в Омске две руководящие военные структуры — штаб Западно-Сибирского округа (армии) и военный отдел комиссариата, деятельность которых к тому же частично дублировалась, — нецелесообразно. Поэтому Гришин предлагал считать уже укомплектованный штаб округа (армии) военным отделом комиссариата, а заведующим военным отделом ультимативно потребовал назначить его самого. К тому времени Гришин уже располагал таким влиянием, что члены Западно-Сибирского комиссариата были вынуждены пойти на уступку. 14 июня комиссариат принял решение считать штаб военного округа своим военным отделом, а командующего войсками округа — заведующим военным отделом<sup>42</sup>. Как следствие, Гришин сконцентрировал в своих руках огромную власть.

---

<sup>41</sup> Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 84–85; Шишкин В.И. Фомин Нил Валерианович // Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 406.

<sup>42</sup> Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства, издаваемое управлением делами



Пожалуй, в то время в лагере сибирской контрреволюции имелся только один человек, который превосходил его по авторитету и силе влияния. Это был П.Я. Михайлов. Со времен подполья они действовали тандемом, ведущим в котором все время был Павел Яковлевич<sup>43</sup>. Такое распределение ролей сохранилось и после перебазирования Западно-Сибирского комиссариата в Омск. Однако из-за тяжелой болезни жены, жившей в Томске, он не мог полноценно заниматься государственными делами, что повышало акции Гришина. 14 июня Западно-Сибирский комиссариат предоставил П.Я. Михайлову семидневный отпуск для поездки в Томск по личным делам. Оценивая возникшую в Омске политическую ситуацию, М.Я. Линдберг сообщал еще находившемуся в Новониколаевске В.О. Сидорову: «[...] Уезжать отсюда ни в коем случае невозможно, особенно после того, как пришлось выехать в Томск [П.Я.] Михайлову»<sup>44</sup>.

Гришин не преминул воспользоваться новой ситуацией. 19 июня 1918 г. он направил Совету министров Временного Сибирского правительства во главе с П.Я. Дербером и военному министру этого правительства А.А. Краковецкому, находившимся в то время в Харбине, донесение, в котором коротко проинформировал их о ходе восстания и военно-политической обстановке в Сибири. Заканчивалось это донесение такими словами: «Мы все, ставши[е] под знамена Временного Сибирского правительства, клянемся, что будем честно служить этому законному правительству Сибири, и наше оружие никогда не станет оружием классово-партийной борьбы»<sup>45</sup>. Складывается впечатление, что Гришин пытался установить прямые связи с П.Я. Дербером и А.А. Краковецким, чтобы ослабить непосредственный контроль со стороны Западно-Сибирского комиссариата и обрести более высоких покровителей и партнеров.

\* \* \*

«Правые» круги сибирской общественности изначально были недовольны слишком мягкой политикой Западно-Сибирского комисса-

---

комиссариата (Омск). № 1. 1918. 28 июня. С. 7; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 101.

<sup>43</sup> У Г.К. Гинса, наблюдавшего за деятельностью П.Я. Михайлова в это время в Омске, о нем сохранилось такое впечатление: «Этот бледный человек с горящими черными глазами работал день и ночь» (см.: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 83).

<sup>44</sup> ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 6, л. 221.

<sup>45</sup> Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 118-119.

риата по отношению к свергнутым большевикам и их сторонникам, медленным темпами формирования государственного аппарата и неудовлетворительным — преимущественно эсеровским — его составом. Совершенно естественно, что в стремлении хотя бы поправить ситуацию они свои взоры в первую очередь обратили на военных, ключевой и одновременно совершенно непонятной для них фигурой среди которых был командующий Сибирской армией. С ним они связывали смутные надежды на ужесточение политического курса. Заметим, что для такого рода внимания и тем более для таких надежд Гришин не давал не только абсолютно никаких ни оснований, но даже и повода.

Судя по всему, одним из первых, кто предпринял попытку прозондировать реальные политические взгляды Гришина и заодно выяснить его преданность эсеровскому Западно-Сибирскому комиссариату, был редактор издававшейся в Томске самой многотиражной и влиятельной газеты «Сибирская жизнь» 63-летний А.В. Адрианов. Александр Васильевич был хорошо известен местной общественности своими научными исследованиями Азиатской России и сопредельных с ней территорий, просветительской, издательской и политической деятельностью. Формально А.В. Адрианов являлся членом трудовой народно-социалистической партии и депутатом Временной Сибирской областной думы. Реально же гораздо большее значение имела его принадлежность к областникам и близость к самому патриарху сибирского областничества — Г.Н. Потанину. А.В. Адрианов входил в так называемый «потанинский кружок», который еще в феврале 1918 г. разработал свою платформу, направленную на борьбу с большевиками, на спасение России через создание временной беспартийной власти, утверждение в стране законности и порядка и созыв Учредительного собрания<sup>46</sup>.

А.В. Адрианов был человеком огромного общественного темперамента, который для достижения поставленной цели не стеснялся в выборе средств, зачастую даже нарушая общепринятые нормы поведения. Со страниц «Сибирской жизни» он почти сразу же, не считаясь даже с советом Г.Н. Потанина «прийти на помощь комиссариату», повел на последний атаку, требуя изменить его состав и включить представителей цензовой общественности<sup>47</sup>.

---

<sup>46</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 44, л. 68; *Ларьков Н.С.* О роли «потанинского кружка» в консолидации антибольшевистских сил в Сибири // История белой Сибири. Материалы 6-й международной научной конференции (7–8 февраля 2005 года). Кемерово, 2005. С.206–211.

<sup>47</sup> ГАТО. Ф. Р-72, оп. 1, д. 15, лл. 3–3а; *Шишкин В.И.* Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь 1918 г.) // Вестник НГУ. Серия:

12 или 13 июня 1918 г. А.В. Адрианов специально приехал в Новониколаевск для того, чтобы повстречаться с Гришиным и лично выяснить у него, «какой платформы держатся люди, стоящие у власти в качестве комиссаров Западной Сибири». Но поскольку к тому времени Гришин был уже в Омске, А.В. Адрианов написал ему пространное письмо, в котором изложил свою оценку политической обстановки в Западной Сибири после ее освобождения от большевиков и сформулировал ряд вопросов, на которые хотел бы получить ответы.

Вот какие вопросы задал А.В. Адрианов Гришину: «Знает ли он Гр. Н. Потанина, имя которого свято для всей Сибири, как ее испытанного, старого и верно борца за ее интересы? [...] Находится ли командующий войсками в контакте с так называемым [Временным] Сибирским правительством и с кем именно? Находится ли он в подчинении у военного министра этого правительства полков[ника] Краковецкого? Находится ли он в контакте с атаманом [А.И.] Дутовым, генералом [Л.Г.] Корниловым и [М.В.] Алексеевым? Можно ли опасаться присылки в Сибирь карательной экспедиции из-за Урала? Работает ли атаман [Г.М.] Семенов, где и каковы будут его дальнейшие планы? Что разумее командующий под именем Сибирского правительства и каков его состав в данное время персонально? Насколько необходимо поддерживать Врем[енное] Сибирское правительство с Дербером во главе и областную Сибирскую думу данного состава? Основательно ли опасение, что с колебанием власти Врем[енного] Сибирск[ого] правит[ельст]ва мы рискуем лишиться поддержки союзников, которые будто бы только и ждут выяснения, — признает ли страна [Временное] Сибирское правительство в данном составе? Нас пугают перспективой вторжения в Сибирь германцев в случае, если мы не признаем Врем[енного Сибирского] правительства и его комиссаров, что поведет в свою очередь к отказу союзников нам в помощи. Какая цель переезда Зап[адно]-Сибир[ского] комиссариата из Томска в Новониколаевск и переедет ли он отсюда в Омск в случае переезда туда командующего со своим штабом? Каковы взаимоотношения между комиссариатом и военной властью?»<sup>48</sup>.

К письму А.В. Адрианов приложил № 28 редактируемой им «Сибирской жизни», в которой была напечатана платформа «потанинского кружка».

Гришин успешно справился с возникшей перед ним непростой задачей. 20 июня он ответил А.В. Адрианову собственноручно напи-

---

История, филология. Новосибирск, 2005. Т. 4. Вып. 2 (история). С.54–63.

<sup>48</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 44, л. 30.

санным небольшим письмом, составленным в лучших дипломатических традициях. Для начала он выразил свое сожаление, что не смог лично побеседовать с Александром Васильевичем. Далее, ссылаясь на недостаток времени, командующий Сибирской армией категорически отказался прямо отвечать на заданные ему вопросы, предложив редактору газеты самому найти «исчерпывающие ответы» на них в своих приказах, распоряжениях и действиях!

Дальше, однако, Гришин все же счел нужным во избежание кривотолков хотя бы в общих чертах объяснить А.В. Адрианову суть своей позиции. «Я считаю, — написал он, — необходимым еще раз подчеркнуть, что я и вверенная мне армия поклялись честно служить Сибирскому Временному правительству как законному правительству Сибири и вполне удовлетворяющему нас своим основным пунктом программы — созывом Сибирского Учредительного собрания».

Затем Гришин повторил А.В. Адрианову то, что уже говорил на заседании Омской городской думы: «[...] Армия стоит вне политики и, признавая Сибирское Временное правительство как идею, предоставляет право все классам, партиям и общественным группировкам вести вокруг этого правительства парламентскую борьбу, имея в виду при этом, что малейшая попытка к выступлению против Сибир[ского] пр[авительств]ва с оружием в руках, от кого бы она ни исходила, будет немедленно и решительно ликвидироваться армией».

В заключение Гришин выразил уверенность, что такая уважаемая газета, как «Сибирская жизнь», «поможет нашей молодой Сибирской армии в ее тяжелой, но почетной работе созданием соответствующей обстановки, которая заключается в полном объединении всех здравомыслящих граждан вокруг Сибирского Временного пр[авительств]ва»<sup>49</sup>.

Видимо, А.В. Адрианов был удовлетворен ответом командующего армией. В принципе ему не могла не импонировать позиция Гришина, состоявшая в признании Временного Сибирского правительства только как идеи. Это открывало возможность произвести замену персонального состава правительства, удалив из него одних и введя других. Не случайно, между Гришиным и А.В. Адриановым после этого завязалась переписка, носившая доверительный характер.

После освобождения от большевиков Степного края и переезда Западно-Сибирского комиссариата в Омск резко активизировались цензовые элементы. 16 июня в Омске на собрании торговцев и промышленников было принято несколько чрезвычайно важных постановлений по вопросам текущей жизни, подготовленных биржевыми

---

<sup>49</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 38.

комитетами, а также группой деятелей торговли и промышленности. Главным из них был, естественно, вопрос о власти. Цензовики считали, что из-за чрезвычайных обстоятельств вся власть сначала в Омске, а затем и в Западной Сибири должна быть вверена одному лицу — диктатору, который имеет право назначения на все административные и судебные должности. Для управления губерниями и областями диктатор немедленно должен был назначить управляющих и их помощников. Такой порядок цензовики предлагали сохранять до полного сконструирования и укрепления на местах всесибирской правительственной власти<sup>50</sup>.

В торгово-промышленных кругах Томска стали активно муссироваться слухи о «белом» генерале, военной диктатуре и т. п.<sup>51</sup> В начале 20-х чисел июня томские биржевики направили в Омск к Гришину специальную делегацию с предложением о реорганизации верховной гражданской власти, минуя Западно-Сибирский комиссариат. Находившийся в Томске и бывший в курсе этих событий П.Я. Михайлов попытался блокировать инициативу биржевиков, но безуспешно. С тревогой сообщая об этом Гришину, он просил проинформировать об этом Западно-Сибирский комиссариат и выработать консолидированную позицию, о содержании которой срочно поставить его в известность.

Особенно беспокоило П.Я. Михайлова еще одно обстоятельство, о котором он шифрованной телеграммой информировал Гришина в таких выражениях: «...Много поводов для посылки делегации дала оппозиция Ивана Андриановича, о чем говорили открыто [в] Новониколаевске и ссылались прямо на его авторитет. Пробовал я открыть ему глаза, но не знаю результатов. Дедушка Сазонов со мной согласен»<sup>52</sup>.

Упомянутый П.Я. Михайловым Иван Андрианович — это находившийся тогда в Новониколаевске министр финансов Временного Сибирского правительства Михайлов. Он родился в Карийской каторжной тюрьме в семье ссыльного народника, члена «Земли и воли». В 1913 г. окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета и был оставлен для подготовки к званию профессора по кафедре политической экономии. Во время Мировой войны заведовал Петроградским отделением экономического отдела Всероссийского земского союза. После Февральской революции служил в министерствах земледелия, продовольствия и финансов Всероссийского

---

<sup>50</sup> Сибирская речь (Омск). 1918. 23 июня.

<sup>51</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 41.

<sup>52</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 44, л. 3.

Временного правительства, управляющим делами Экономического совета правительства. Являлся автором трех книг о государственных доходах и расходах России в начале XX века. С 1908 г. состоял в партии эсеров, из которой вышел, видимо, осенью 1917 г. С декабря 1917 г. был товарищем председателя Петроградского отделения Союза сибиряков-областников. В ночь на 29 января 1918 г. на тайном заседании части членов Временной Сибирской областной думы заочно был избран министром финансов. В конце апреля 1918 г. его пригласили заведовать экономическим бюро при Союзе сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт», и он переехал жить в Новониколаевск<sup>53</sup>.

30 мая 1918 г., когда М.Я. Линдберг приступил в Новониколаевске к формированию исполнительного аппарата Западно-Сибирского комиссариата, И.А. Михайлов дал согласие возглавить отдел финансов. Но почти сразу же он стал дистанцироваться от реальной работы и фактически перестал заведовать отделом. С большим трудом Гришину и П.Я. Михайлову удалось уговорить его приехать в Омск для участия в заседании комиссариата, состоявшемся 14 июня. Приняв участие в первом заседании комиссариата в Омске, И.А. Михайлов вернулся в Новониколаевск. 21 июня членом комиссариата пришлось вновь отправлять телеграмму в «Закупсбыт» с просьбой к И.А. Михайлову прибыть в Омск лично или командировать своего помощника для передачи дел и материалов новому заведующему отделом финансов<sup>54</sup>.

Гришин быстро отреагировал на информацию П.Я. Михайлова. На телеграмме Павла Яковлевича командующий написал такую резолюцию: «Сообщить П.Я. Михайлову, что подобные делегации у меня уже были и методы борьбы с ними у меня выработаны. Оппозиция И.А. Михайлова вредная для дела и армии, и я потребую ее ликвидации». 23 июня 1918 г. этот текст был телеграммой передан в Томск П.Я. Михайлову<sup>55</sup>.

Вторая половина июня 1918 г. прошла под знаком новых военных успехов Чехословацкого корпуса и Сибирской армии. К концу месяца почти полностью были освобождены от большевиков Западная Сибирь, Енисейская губерния, Южный Урал и Зауралье. К 30 июня

---

<sup>53</sup> Шишкин В.И. Михайлов Иван Андрианович // Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск. 2009. Т. 2. С. 373.

<sup>54</sup> ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 3, л. 3; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 46, 96, 134. Упорное нежелание И.А. Михайлова сотрудничать с Западно-Сибирским комиссариатом можно объяснить только одной причиной: неприятием его партийного состава и политического курса.

<sup>55</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 44, лл. 2–3.

боевой состав Сибирской армии составил 11943 человека при 19 орудиях и 108 пулеметах<sup>56</sup>.

Заняв наряду с постом командующего Сибирской армией должность главы военного ведомства, Гришин был вынужден заниматься не только оперативными вопросами, связанными с боевой деятельностью армии, но и всем комплексом проблем формирования, управления, снабжения и т. д. вооруженных сил. Изданные им приказы и распоряжения позволяют судить о том, какие из них он считал наиболее важными и насколько грамотно пытался их решить. Так, 19 июня Гришин издал приказ № 4 по войскам Западно-Сибирской отдельной армии о розыске и сборе боевого оружия, 20 июня — приказ № 6 о необходимости строгого соблюдения воинской дисциплины и честного исполнения воинского долга, 30 июня — приказ № 15 о недопустимости создания импровизированных должностей и учреждений<sup>57</sup>.

25 июня Гришин направил в Западно-Сибирский комиссариат служебную записку, в которой обратил внимание на публикацию в газете «Омский вестник» информационных телеграмм, помеченных как правительственные сообщения, но содержащих неблагоприятную для власти информацию. «Несомненно, — отметил Гришин, — подобного рода сведения лишний раз подчеркивают в сознании обывателя неустойчивость нашего положения и даже бессилие власти». Поэтому он попросил Западно-Сибирский комиссариат впредь все сведения военного характера передавать в печать только через штаб армии<sup>58</sup>. Не исключено, что именно записка Гришина побудила Западно-Сибирский комиссариат в тот же день издать постановление «О печати», в котором он обратил внимание всех граждан, обществ и учреждений на необходимость «точного и неуклонного соблюдения всероссийского закона о печати от 27 апреля 1917 г.»<sup>59</sup>.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Гришин видел некоторые «болевые» точки растущего армейского организма и даже пытался на них воздействовать. В то же время он явно закрывал глаза на нарушения законности, произвол и бесчинства, которые творили военные, особенно начальники гарнизонов и командный состав дей-

---

<sup>56</sup> РГВА. Ф. 40308, оп. 1, д. 69, л. 2.

<sup>57</sup> Омский вестник. 1918. 22 и 30 июня, 4 июля; Заря (Омск). 1918. 29 июня; Известия отряда чешско-словацких войск (Иркутск). 1918. 15 июля.

<sup>58</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 47.

<sup>59</sup> Собрание постановлений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Сибирского Временного правительства, издаваемое управлением делами комиссариата. Омск, № 2, 30 июня 1918 г. С. 1–2.

ствующих отрядов, по отношению к населению, периодической печати и гражданским властям.

Так, в Новониколаевске утром 4 июня при переводе из арестного дома в военный городок конвой застрелил якобы при попытке к бегству арестованных во время переворота большевиков Ф.И. Горбана, А.И. Петухова и Ф.П. Серебренникова, левых эсеров Полковникова и Шмурыгина<sup>60</sup>. По приговору военно-полевого суда, учрежденного начальником военного района войсковым старшиной В.И. Волковым, в начале июня 1918 г. были расстреляны 22 гражданина Петропавловска, среди которых были женщины и газетные работники. Подвергся преследованию со стороны В.И. Волкова и бесследно исчез также уполномоченный Временного Сибирского правительства в Петропавловске эсер М.М. Чекушин (Шаньгин, Лиссабонский)<sup>61</sup>. Только в июне 1918 г. дважды производились бессудные расстрелы арестованных в Барнауле. В числе убитых оказались члены Алтайского губисполкома советов Н.Д. Малюков и Киреев<sup>62</sup>. Тогда же около десятка человек было расстреляно вопреки приказу командира Степного Сибирского корпуса офицером Шеркуновым в Ишиме<sup>63</sup>. Бесчинствовал и лютовал в Кузнецком уезде отряд штабс-капитана Альмановича<sup>64</sup>. Обо всех этих случаях Гришин знал, но только Шеркунов был арестован военными властями, причем общественности сообщили, что офицер не являлся военнослужащим Сибирской армии и был нездоров психически<sup>65</sup>.

На 29 июня Гришин запланировал выехать в Челябинск, где в то время находился штаб Чехословацкого корпуса, а также имелась группировка русских частей под командованием полковника Н.Г. Сорочинского и войскового старшины М.И. Замятина. Существовала настоятельная необходимость нормализовать отношения с командованием Чехословацкого корпуса. Его командование не скрывало своего недовольства тем, что, как считал командир корпуса генерал-майор В.Н. Шокоров, вверенные ему части «фактически всю тяжесть войны с советскими властями несли, несут и будут нести на себе», тогда как местные русские войска были заняты только караульной службой<sup>66</sup>.

<sup>60</sup> ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 12, л. 80; ф. Р-176, оп. 1, д. 1, лл. 15–16.

<sup>61</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 7, лл. 12–13; Единство (Петропавловск). 1918. 28 июля.

<sup>62</sup> ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 1, д. 194, лл. 55–56; Алтайский луч (Барнаул). 1918. 20 июня.

<sup>63</sup> ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 6, л. 260.

<sup>64</sup> Голос народа (Томск). 1918. 1 августа.

<sup>65</sup> Омский вестник. 1918. 23 июня; Заря (Омск). 1918. 27 июня.

<sup>66</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 26.



Следовало также решить вопрос о подчинении Сибирской армии имевшихся в районе Челябинска формирований русских частей. Но Гришин от намеченной командировки в Челябинск неожиданно отказался, отправив 29 июня В.Н. Шокорову, Н.Г. Сорочинскому и М.И. Замятину телеграмму такого содержания: «Вследствие болезни выеду не завтра, а через несколько дней»<sup>67</sup>.

Действительно, в местной печати имеются упоминания о том, что в конце июня — начале июля Гришин болел<sup>68</sup>. Но представляется, что в немалой степени эта болезнь имела и политический характер. Во всяком случае, на такую мысль наводит записка, которую днем 27 июня Гришин отправил все еще находившемуся в Томске П.Я. Михайлову: «Ваше присутствие здесь крайне необходимо, и я очень прошу Вас приехать в ближайшие дни»<sup>69</sup>. П.Я. Михайлов, несомненно, хорошо понимал, зачем он так срочно потребовался в Омске. Он ответил Гришину, как минимум, двумя телеграммами, в которых обещал приложить все силы «к экстренному выезду» и постараться «ускорить выезд»<sup>70</sup>.

Причину беспокойства Гришина нетрудно «вычислить» по омской прессе, исправно информировавшей читателей о местных новостях. Безусловно, одним из главных событий тех дней стал неожиданный для всех без исключения совместный приезд утром 27 июня в Омск сразу трех из шести находившихся в то время на территории Сибири министров Временного Сибирского правительства: уже упоминавшегося министра финансов И.А. Михайлова, министра юстиции Г.Б. Патушинского и министра туземных дел М.Б. Шатилова<sup>71</sup>. Следует также иметь в виду, что вместе с ними приехал председатель Временной Сибирской областной думы И.А. Якушев. Точнее, министры приехали с И.А. Якушевым, поскольку инициатива внезапного появления этой группы в Омске исходила именно от него.

Ивану Александровичу Якушеву к тому времени только что исполнилось 32 года. Он получил образование в Омской центральной фельдшерской школе, но главным его занятием стала революционная деятельность, которую он с 1907 г. вел в рядах партии эсеров. За участие в революционных событиях 1905–1906 гг. в Туркестане И.А. Якушев подвергнулся аресту, а в 1910 г. был осужден к ссылке в Восточную Сибирь, которую отбывал сначала в Братской волости Нижнеудинского уезда, затем — в селе Тулун.

---

<sup>67</sup> Там же, л. 51.

<sup>68</sup> Омский вестник. 1918. 6 июля.

<sup>69</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 50.

<sup>70</sup> Там же, лл. 52–53.

<sup>71</sup> Заря (Омск). 1918. 27 июня; Омский вестник. 1918. 29 июня.

В 1914–1915 гг. И.А. Якушев служил в Иркутской городской управе и в продовольственной комиссии. Февральская революция вынесла его на гребень политической волны. Он избирался членом секретариата исполнительного комитета общественных организаций Иркутска, гласным местной городской думы, являлся участником октябрьского и декабрьского чрезвычайного Сибирских областных съездов в Томске. В ночь на 26 января 1918 г. И.А. Якушев был арестован томскими большевистскими властями и заключен в тюрьму Красноярска. На состоявшемся двое суток спустя нелегальном заседании части членов Временной Сибирской областной думы заочно был избран ее председателем<sup>72</sup>. В Красноярской тюрьме И.А. Якушев сидел в одной камере с Г.Б. Патушинским, с которым подружился. Оба они оказались на свободе накануне бегства большевиков из Красноярска.

Судя по всему, Гришин был обеспокоен приездом большой группы министров в Омск, поскольку их появление на местном политическом горизонте могло привести к очередной смене государственной власти, чреватой потерей с такими риском и усилиями добытыми должностями. Интуиция не подвела полковника. 28 июня состоялось совещание министров Временного Сибирского правительства с участием И.А. Якушева. Участники совещания выяснили, что у них существует единство взглядов по таким ключевым вопросам, как отношение к свергнутым советам и к партии большевиков-коммунистов, к Брестскому мирному договору, к Сибирской областной думе, к национализированным предприятиям и имуществам. Они признали необходимым принять на себя власть на освобожденной от большевиков территории Сибири, конституируясь как Совет министров Временного Сибирского правительства. Министерские должности, на которые их избрала Сибирская областная дума, были частично перераспределены. П.В. Вологодский, сохранив за собой пост министра внешних сношений, стал также председателем Совета министров, И.А. Михайлов, Г.Б. Патушинский и М.Б. Шатилов сохранили свои портфели, а еще не прибывший из Красноярска министр здравоохранения В.М. Крутовский получил должность министра внутренних дел<sup>73</sup>.

Трое находившихся в Омске членов Западно-Сибирского комисариата, имевших статус только уполномоченных Временного Сибирского правительства, после некоторых колебаний согласились уступить власть пятерке министров. Гришин, быстро сориентировавшийся

---

<sup>72</sup> Шишкин В.И. Якушев Иван Александрович // Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 3. С.

<sup>73</sup> Временное Сибирское правительство. С. 99–100.

ся в новой обстановке, понял, кто из конкурентов сильнее и предпочтительнее для него, и поддержал претензии претендентов. 30 июня передача власти была оформлена специальной грамотой председателя Сибирской областной думы<sup>74</sup>.

Западно-Сибирский комиссариат и Совет министров позиционировали себя как представители Временного Сибирского правительства. Но они отличались как по составу, так и по политическим позициям своих членов. Если большинство комиссариата составляли эсеры-максималисты, то в Совете министров ситуация была принципиально иная. Председатель правительства П.В. Вологодский, в прошлом эсер, больше таковым не являлся, а считал себя беспартийным областником и государственным. Министр внутренних дел В.М. Крутовский симпатизировал эсерам, но тоже считал себя беспартийным областником. Министр юстиции Г.Б. Патушинский входил в трудовую народно-социалистическую партию. Министр финансов И.А. Михайлов, около десятка лет бывший эсером, теперь своих бывших «однопартийцев» люто ненавидел и относил себя к беспартийным государственным. Единственным эсером в правительстве являлся министр туземных дел М.Б. Шатилов, человек нерешительный и слабый. Иначе говоря, правительственная коллегия Совета министров была значительно «правее», чем Западно-Сибирского комиссариата. Можно утверждать, что, несмотря на формальную преемственность власти, по сути дела в конце июня 1918 г. в Омске произошел мирный государственный переворот.

Совет министров не поспешил на похвалу своим предшественникам — членам Западно-Сибирского комиссариата, отметив в специальной грамоте их «крупные и исторические по своему значению заслуги перед Сибирью и государственностью». Но еще больших комплиментов удостоился Гришин. В особой грамоте он был назван достойным вождем армии, уникальным военачальником и администратором<sup>75</sup>. Эти слова, конечно, согревали больного полковника.

Откликаясь на похвалу, Гришин в тот же день, 30 июня, издал приказ № 14, в котором говорилось: «[...] Я еще раз от имени всех офицеров, казаков и солдат Сибирской армии объявляю, что мы клянемся честно, до последней капли крови, служить нашей родине России и Сибири и законному Временному правительству Сибири, которое доведет нас до Сибирского и Всероссийского Учредительного соб-

---

<sup>74</sup> Там же. С. 102, 120; Гинс Г.К. Указ. соч. С. 90–92; Вологодский П.В. Указ. соч. С. 62–63.

<sup>75</sup> Временное Сибирское правительство. С. 103–105.

рания». Причем Гришин потребовал этому приказу «дать самое широкое распространение путем прочтения во всех ротах, помещения в газетах и расклейки на улицах»<sup>76</sup>. Хотя полковник не мог не понимать, что омский Совет министров во главе с П.В. Вологодским и харбинский Совет министров под председательством П.Я. Дербера — это два разных правительства, только формально позиционирующих себя в качестве единого органа власти.

Но подлинно целительным бальзамом для Гришина стала не персональная грамота, а официальный указ Совета министров от 1 июля 1918 г., в котором Гришин был назначен управляющим военным министерством с оставлением в должности командующего армией. 3 июля он впервые участвовал в заседании Совета министров в качестве управляющего военным ведомством<sup>77</sup>.

Переход власти к Совету министров объективно содействовал дальнейшему укреплению позиций Гришина в вооруженных силах. К тому же 5 июля он получил от Совета министров еще один мощный инструмент воздействия на подчиненных: право производства в высшие чины в армии и в военном ведомстве<sup>78</sup>.

В свою очередь новый, более «правый» политический курс, который стало проводить правительство, теперь позволял Гришину действовать смелее, без оглядки на эсеровские представления об устройстве армии. Не случайно, на следующий день после взятия власти Советом министров Гришин издал приказ № 2 по военному ведомству, который был не только полон лести в адрес Временного Сибирского правительства, но и впервые публично провозглашал основополагающие принципы внутреннего распорядка в Сибирской армии.

Гришин потребовал от строевых начальников всех степеней, от всех начальников военных заведений и учреждений, от всех без исключения военнослужащих во всех своих распоряжениях и действиях руководствоваться такими нормативными документами и правилами: существующими законами и воинскими уставами с изменениями, введенными в них Всероссийским Временным правительством (кроме комитетов, советов, комиссаров, митингов, голосований и пр.); постановлениями Временного Сибирского правительства; вновь отдаваемыми им приказами по военному ведомству и по армии; приказами своих начальников; в случае сомнения — здравым смыслом, не боясь проявлять личную инициативу. Идейными основами Сибирской ар-

---

<sup>76</sup> Заря (Омск). 1918. 2 июля; Омский вестник. 1918. 2 июля.

<sup>77</sup> Временное Сибирское правительство. С. 109, 113.

<sup>78</sup> Там же. С. 121.

мии он провозгласил любовь к родине — России и Сибири, преданность идее Всероссийского и Сибирского Учредительного собрания, полное и беспрекословное подчинение Временному Сибирскому правительству<sup>79</sup>.

Еще одним фактором, который стал «работать» на Гришина, была неспособность большинства членов Совета министров по объективным обстоятельствам (состояние здоровья П.В. Вологодского и Г.Б. Патушинского, возраст В.М. Крутовского, партийная ангажированность М.Б. Шатилова) вести активную работу как среди местной общественности, так и за пределами Омска, в то время как на очередь дня выдвигались задачи координации деятельности с другими антибольшевистскими силами и правительствами на западе и на востоке России.

Исключение из этого ряда составлял только министр финансов И.А. Михайлов. Молодой, умный, образованный, волевой, энергичный, имевший опыт государственной службы в центральных ведомствах — он вполне соответствовал духу времени и обстановке набиравшей обороты гражданской войны.

Воспользовавшись столь благоприятной обстановкой, Гришин развил активность прежде всего в самом Омске. 3–9 июля он принял участие в работе нескольких проходивших в городе крупных общественно-политических мероприятий: 4-го чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска, Акмолинского областного крестьянского съезда, объединенного заседания казаков, крестьян и духовенства. Причем Алексей Николаевич обнаружил незаурядные ораторские способности. На казачьем круге и на крестьянском съезде его выступления были встречены восторженно<sup>80</sup>. Тогда же он встречался с прибывшим в Омск всего на один день главой французской военной миссии при Чехословацком корпусе майором Альфонсом Гинэ<sup>81</sup>.

В то же время Гришин продолжал активно взаимодействовать со своим ближайшим сподвижником по предшествующей работе — П.Я. Михайловым, который с середины июня находился в Томске. Этот союз имел отнюдь не идеалистический характер и не являлся следствием дружеских отношений, хотя по письмам и запискам Павла Яковлевича чувствуется, что он симпатизировал Гришину. Со стороны же Гришина интерес к П.Я. Михайлову носил сугубо прагматический характер и объяснялся его реальным положением во властных структурах.

---

<sup>79</sup> РГВА. Ф. 39597, оп. 1, д. 12, л. 17.

<sup>80</sup> Омский вестник. 1918. 7 июля; *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 65.

<sup>81</sup> Заря (Омск). 1918. 6 июля.

Дело в том, что Павел Яковлевич оказался единственным из членов Западно-Сибирского комиссариата, кого Совет министров уже 30 июня 1918 г., то есть еще до назначения всех других управляющих министерствами, посчитал необходимым привлечь к своей работе в качестве товарища министра внутренних дел. Премьер П.В. Вологодский, видимо, знавший Павла Яковлевича еще по Томску, считал, что он был человек «хороший и государственно-мыслящий». Телеграмму П.Я. Михайлову с предложением приехать в Омск для занятия должности товарища министра отправили в Томск за подписью самого председателя Совет министров<sup>82</sup>. Пост товарища министра этого ведомства при слабо дееспособном В.М. Крутовском по своему объективному значению не уступал должности главы любого другого ведомства, кроме, пожалуй, военного.

Правда, тяжелая болезнь жены резко ограничила мобильность П.Я. Михайлова и резко отрицательно сказалась на его собственном здоровье. Как доверительно сообщил он 20 июня Гришину, за последние несколько дней «я постарел лет на десять»<sup>83</sup>. И без того крайне неустойчивая психика П.Я. Михайлова дала серьезный сбой. Близко наблюдавшие его член Томского губернского комиссариата А.А. Грацианов и В.М. Крутовский — врачи по профессии — считали, что он страдал манией величия и манией преследования<sup>84</sup>.

Справедливость этих оценок в какой-то мере подтверждают несколько зашифрованных телеграмм, которые 7 июля 1918 г. П.Я. Михайлов послал в Омск товарищу министра иностранных дел М.П. Головачеву и Гришину о ситуации в Иркутске. Основываясь на полученных им частных сведениях, как вскоре выяснилось — недостоверных, он утверждал, что, во-первых, Иркутск был освобожден от большевиков с востока частями есаула Г.М. Семенова и чехословаками, во-вторых, из Иркутска в Омск при содействии командира Средне-Сибирского корпуса А.Н. Пепеляева выехало Российское правительство во главе с адмиралом А.В. Колчаком<sup>85</sup>.

Одновременно П.Я. Михайлов высказал Гришину вполне обоснованное мнение о том, что положение Временного Сибирского правительства в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке «зависит исклю-

---

<sup>82</sup> ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 6, л. 31; ф. Р-5871, оп. 1, д. 92, л. 6; Временное Сибирское правительство. С. 106. Примерно такую же характеристику П.В. Вологодский дал П.Я. Михайлову в своем «Дневнике»: «[...] Хороший он человек и чистый политик» (см.: *Вологодский П.В. Указ. соч. С. 71*).

<sup>83</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 41.

<sup>84</sup> ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 2 л.36; ф. Р-5871, оп. 1, д. 92, л. 6.

<sup>85</sup> ГАРФ. Ф. Р-170, оп. 1, д. 3, лл. 6, 10, 13; РГВА. Ф. 39671, оп. 1, д. 44, лл. 4, 7.

чительно от позиции чехов, ибо на востоке ни у кого никаких серьезных сил нет и быть не может». Исходя из такой оценки военной ситуации, П.Я. Михайлов предлагал Гришину срочно связаться командующим Восточным фронтом чехословацким полковником Р. Гайдой и начать дипломатическую игру, нейтрализуя Японию Америкой<sup>86</sup>.

Гришин думал примерно так же. В отправленной 7 июля по телеграфу П.Я. Михайлову записке он писал: «[...] При взятии Иркутска мы можем быть поставлены перед очень сложной политической ситуацией, и мы обязаны обеспечить себя от губительных последствий». Лучший вариант избежать неожиданностей и неприятностей в районе Иркутска, освобождения которого от большевиков ждали со дня на день, Гришин и Совет министров Временного Сибирского правительства видели в откомандировании П.Я. Михайлова для работы на Восточном фронте. «Я, — писал Гришин Павлу Яковлевичу, — считаю необходимым Ваше там присутствие [...]»<sup>87</sup>.

Что касается Совета министров, то 7 июля он обратился к П.Я. Михайлову с просьбой «немедленно выехать на восток для дальнейшего следования по мере продвижения войск Временного Сибирского правительства». На него возлагались обязанности по представительству Временного Сибирского правительства, по организации гражданской власти и управления, по объединению и руководству деятельностью уполномоченных правительства<sup>88</sup>. Информацию о возложенной Советом министров на П.Я. Михайлова тяжелой ноше Гришин скрасил словами сочувствия и поддержки: «Зная Вас и Вашу любовь к Сибири, уверен, что Ваши тяжелые семейные обстоятельства все-таки не помешают Вам исполнить это поручение [...]»<sup>89</sup>.

Прибывший через пару дней в штаб Средне-Сибирского корпуса П.Я. Михайлов в первую очередь собрал информацию о состоянии частей Сибирской армии. Уже 12 июля он направил Гришину личное письмо с анализом обстановки. Его первые строки были такие: «Дела идут чрезвычайно нехорошо, и необходимо принимать самые решительные меры». Заканчивалось же послание выводом о том, что «сейчас восток и фронт этот в предательских руках». Ответственность за такую обстановку Павел Яковлевич возложил на командира корпуса А.Н. Пепеляева, обвинив его в устранении назначенцев Гришина и раскисировании созданных им организаций, в установлении связей с

---

<sup>86</sup> ГАРФ. ф. Р-170, оп. 1, д. 3, л. 14.

<sup>87</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 44, л. 1.

<sup>88</sup> Временное Сибирское правительство. С. 674.

<sup>89</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 44, л. 1.

Г.М. Семеновым, генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом и поддерживавшим последнего Дальневосточным комитетом защиты родины и Учредительного собрания, базировавшимся в Харбине<sup>90</sup>.

Гришин оказался в непростой ситуации выбора между П.Я. Михайловым и А.Н. Пепеляевым. Особую пикантность ей придавало то обстоятельство, что одновременно он получил письмо и от А.Н. Пепеляева. Письмо командира корпуса командующему армией являлось ответом на телеграмму, в которой Гришин поздравил А.Н. Пепеляева с производством в полковники. А.Н. Пепеляев, в свою очередь, поблагодарил Гришина за оказанное доверие и поздравление, а также заверил, что «если [будет] нужно, то мы умрем, но дадим Временному Сибирскому правительству спокойно работать на благо освобожденной Сибири»<sup>91</sup>.

Для истории на письме П.Я. Михайлова 21 июля Гришин оставил такую ремарку: «Я все-таки по-прежнему верю полк[овнику] Пепеляеву»<sup>92</sup>. Фактически она означала, что Гришин перестал доверять П.Я. Михайлову.

Более того, в поведении товарища министра внутренних дел, обремененного доверием всего Совета министров, командующий армией увидел злой умысел. Со всей очевидностью об этом свидетельствует письмо, в тот же написанное им А.Н. Пепеляеву. Оно начиналось такими словами: «Люди, которым, по-видимому, выгодно посеять смуту и взаимное недоверие в нашей офицерской семье и, между прочим, между высшими начальствующими лицами, уже долгое время стремятся убедить меня, что Вы стоите во главе „партии военной диктатуры“, что Вы определенно сноситесь с Дальневосточным комитетом и т. д. и т. д.».

В письме был также фрагмент, в котором Гришин как бы расставил точки над «i». «Раз [и] навсегда, чтобы не было между нами никаких недоразумений, я заявляю Вам, также как и Вашим врагам, честно и открыто: я верю Вашему офицерскому честному слову служить верой и правдой Временному Сибирскому правительству, я ценю Вас как храброго и умелого боевого начальника, и в смысле политическом Вы тоже пользовались и ныне пользуетесь моим полным доверием»<sup>93</sup>. Такое признание означало, что Гришин порвал с П.Я. Михайловым, который являлся его главной связью с Сибирским краевым комитетом партии эсеров. Другими словами, он почти порвал с эсерами и пе-

---

<sup>90</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 81.

<sup>91</sup> Там же, лл. 77–78.

<sup>92</sup> Там же, л. 81.

<sup>93</sup> Там же, л. 79. Подчеркнуто А.Н. Гришиным.



реориентировался на другие политические группы, набиравшие силу на востоке России.

\* \* \*

Достаточно сориентировавшись в новой обстановке и осознав прочность своих позиций, Гришин решил совершить отложенную командировку в Челябинск. 10 июля он проинформировал Совет министров о своем намерении и обратился с просьбой делегировать вместе с ним уполномоченного правительства для изучения общеполитического положения в районе Челябинска. Совет министров пошел навстречу просьбе командующего армией и постановил командировать вместе с ним в Челябинск товарища министра иностранных дел М.П. Головачева. Как уже отмечалось, в тот же день Гришин был произведен в генерал-майоры<sup>94</sup>.

Но прежде, чем выехать в Челябинск, Гришин решил провести через Совет министров имевший исключительно важное значение вопрос о комплектовании Сибирской армии. 11 июля генерал он выступил на вечернем заседании Совета министров с обстоятельным докладом, который подготовила специальная комиссия из высших чинов штаба Западно-Сибирского военного округа. В докладе в тезисной форме излагались способы комплектования армии, определялись число призываемых возрастов, призываемые контингенты, продолжительность срока службы, порядок призыва, размер содержания призываемых, порядок комплектования запасных частей, размер содержания унтер-офицеров запасных частей, характер вооружения запасных полков и предлагалась последовательность проведения намеченной работы.

В докладе делался вывод о том, в создавшихся условиях наиболее целесообразным способом комплектования армии в Сибири является «обязательный призыв нескольких молодых возрастов в зависимости от количества формируемых войсковых частей и наличности числа лиц в каждом из возрастов», а наилучшей системой комплектования была признана территориальная, «как не вызывающая больших передвижений и к которой само население относится сочувственно».

Исходя из того, что первоначально намечалось сформировать три корпуса, для укомплектования которых требовалось около 120,0

---

<sup>94</sup> Временное Сибирское правительство. С. 144–147. Правда, вызывает удивление тот факт, что указ о производстве Гришина в генерал-майоры был официально опубликован только 1 сентября 1918 г. (см.: Сибирский вестник. 1918. 1 сентября).

тыс. человек, в докладе рекомендовалось мобилизовать только два возраста призывов 1919 и 1920 гг., «как не бывших на фронте и не зараженных большевизмом».

Призыву подлежало все коренное русское население и переселенцы, прибывшие в Сибирь до 1 января 1915 г. Поляки, украинцы и представители других народностей подлежали призыву в части, организуемые по национальному принципу, но входящие в состав русских высших войсковых соединений. Никаких льгот и освобождения от призыва не предусматривалось, даже для народных учителей. Срок службы определялся в два года. Информация населения о призыве и доставка призываемых к воинским начальникам и в приемные комиссии возлагались на городские и волостные органы самоуправления.

Для укомплектования запасных частей офицерским составом намечалось призвать офицеров, годных к службе только в мирное время, допуская повышение возрастного ценза до 53 лет. Унтер-офицерскую проблему предполагалось решить путем набора добровольцев, обучения во вновь созданных унтер-офицерских школах и выдвижения на должности из состава призванных по усмотрению командиров. Оклады содержания призванных рядовых и унтер-офицеров рекомендовалось сохранить на уровне существующих в добровольческих частях. Первым днем призыва предлагалось объявить 20 августа 1918 г.

Доклад был хорошо встречен министрами и управляющими ведомствами. Его основные положения были утверждены с минимальными поправками и вошли в указ Временного Сибирского правительства от 31 июля, в соответствии с которым военное ведомство подготовило и позднее осуществило призыв молодых сибиряков в армию<sup>95</sup>.

Однако ситуация с поездкой в Челябинск довольно неожиданно усложнилась. Дело в том, что после освобождения Уфы от большевиков появилась возможность установить прямое сообщение между Омском и Самарой, где образовался антибольшевистский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания. Самарский Комуч, состоявший к тому времени из полутора десятка эсеров, претендовал на лидерство в лагере контрреволюции. Видимо, он и был инициатором установления контактов с Временным Сибирским правительством, надеясь договориться с ним о создании всероссийской власти. Во всяком случае, около 10 июля Комуч поставил Совет министров Времен-

---

<sup>95</sup> ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 5, д. 535, лл. 1–3; ф. Р-193, оп. 1, д. 31, лл. 1–3; Сибирский вестник (Омск). 1918. 18 августа.

ного Сибирского правительства в известность о направлении своей делегации в Омск.

Провинциальные сибирские министры проявили разумную осторожность, посчитав, что им не следует допускать в свою столицу политических конкурентов с российскими именами и с такими же амбициями. Поэтому было принято решение о том, чтобы провести встречу с комучевцами не в Омске, а в признавшем власть Временного Сибирского правительстве уездном городе Челябинске, воспользовавшись поездкой туда Гришина и М.П. Головачева. Правда, состав отправлявшейся в Челябинск делегации был усилен за счет включения в нее министра финансов И.А. Михайлова. 11 июля членам Комуча в Самару была отправлена телеграмма за подписью управляющего делами Совета министров Г.К. Гинса, содержащая соответствующую информацию. На всякий случай, чтобы комучевцы не «проскочили» через Челябинск, 13 июля Г.К. Гинс послал начальнику тамошней железнодорожной станции телеграмму с просьбой задержать самарскую делегацию, при необходимости объяснив ей, что для переговоров с членами Комуча в Челябинск выезжают представители Временного Сибирского правительства<sup>96</sup>.

Сибирская делегация выехала из Омска вечером 13 июля на специальном поезде командующего Сибирской армии, в составе которого имелись платформы с автомобилями, призванные продемонстрировать высокий статус членов делегации. По пути следования поезд сделал остановки на станциях Исилькуль, Петропавловск и Курган. Здесь Гришин принимал доклады местной военной администрации — комендантов станций, городов и начальников гарнизонов — о политическом настроении населения, его отношении к власти и чехословакам. Командующий армией не мог не заметить, что чехословацкие офицеры несли службу гораздо лучше, чем русские. Вдобавок ко всему, настроение омрачил инцидент, произошедший на подходе к последнему разъезду перед станцией Челябинск. В вагон, в котором находился Гришин, врезался товарный состав. Стенка генеральского вагона была пробита, оконные стекла и электрические лампочки — разбиты, но пассажиры не пострадали.

В полдень 14 июля поезд с сибирской делегацией прибыл на станцию Челябинск. Правительственную делегацию из Омска встречали почетный караул и все местное военное начальство, в том числе командир Уральского корпуса генерал-лейтенант М.В. Ханжин, командир Чехословацкого корпуса генерал-майор В.Н. Шокоров, коман-

---

<sup>96</sup> ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 1, д. 95, лл. 77, 80.

дир Челябинской дивизии полковник Н.Г. Сорочинский, начальники их штабов, другие штаб-офицеры. В салон-вагоне командующего Сибирской армией все они представились Гришину, после чего с ними состоялась короткая беседа<sup>97</sup>.

В тот день в Челябинск прибыли еще две делегации. Приехавшую первую составляли нелегально добравшиеся из Москвы члены Союза возрождения России А.А. Аргунов — член ЦК эсеров и депутат Всероссийского Учредительного собрания, Л.А. Кроль — член ЦК партии народной свободы и депутат Всероссийского Учредительного собрания и В.Е. Павлов — эсер, депутат Всероссийского Учредительного собрания. Во вторую входили посланцы Самарского Комуча И.М. Брушвит — товарищ его председателя и управляющий ведомством финансов, М.А. Веденяпин-Штегеман — член ЦК эсеров, управляющий ведомством иностранных дел Комуча и полковник Н.А. Галкин — начальник штаба Народной армии Комуча.

«Возрожденцы» первые напросились на прием к сибирякам. Сначала с ними долго беседовал М.П. Головачев, затем наступила очередь Гришина и И.А. Михайлова. Они, вспоминая позднее Л.А. Кроль, «приняли нас очень тепло и радушно».

Затем сибиряков «в частном порядке» посетили самарцы, встреча с которыми была продолжительной, но разговора «по душам» не получилось. Напротив, отношения между обеими делегациями сразу же приняли настолько острый характер, что возникла угроза срыва переговоров. И.М. Брушвит, считавший Гришина эсером и пославший ему записку, начинавшуюся словами «товарищ Алмазов», получил ответ, в котором ему популярно разъясняли, что никакого «товарища» здесь нет, а «есть военный министр»<sup>98</sup>.

Воспользовавшись возникшей паузой в переговорах, Гришин сначала принял секретаря Челябинского исполнительного комитета народной власти Г.А. Носкова, потом — представителей Чехословацкого национального совета. После этого он в пятом часу дня на собственном автомобиле отправился в «Номера М.И. Дядина», где находился штаб формировавшегося М.В. Ханжиным Уральского корпуса, и вернулся оттуда почти в семь часов вечера. Остаток вечера Алексей Николаевич провел в беседе с командиром Чехословацкого корпуса и членами Чехословацкого национального совета, которая проходила в его салон-вагоне.

<sup>97</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 37, лл. 4–5.

<sup>98</sup> Кроль Л.А. Указ соч. С. 63.

Утром 15 июля по предложению А. Гинэ все участники совещания участвовали в киносъемке. Почти вся середина дня ушла у Гришина сначала на беседу с «возрожденцами», а затем — на поездку с М.В. Ханжиным в офицерскую кадровую роту, где командующий армией познакомился с «начальствующими лицами» Челябинского гарнизона.

Во второй половине дня, благодаря инициативе и дипломатическим усилиям А. Гинэ, удалось открыть совещание с участием всех трех русских делегаций, прибывших в Челябинск. После того, как оно конституировалось, была сформулирована его повестка дня. Она включала в себя два вопроса: создание центральной всероссийской власти и объединение командования вооруженными силами, — которые в то время для антибольшевистских сил были, безусловно, главными. Затем все делегации в общих чертах осветили историю возникновения представляемых ими структур и изложили свое видение того, как они считают нужным решать вопросы, поставленные в повестку дня. Поскольку прения приняли характер общеполитической дискуссии, то по предложению того же А. Гинэ, поддержанного делегацией Союза возрождения России, было решено, что сначала должны консолидировать свои позиции самарцы и омичи<sup>99</sup>.

Такие переговоры в узком составе под председательством И.М. Брушвита длились до позднего вечера. От имени сибирской делегации И.А. Михайлов сразу же заявил, что она явилась для координации с Комучем практических действий, а не для выяснения вопросов о возможности и конструкции всероссийской власти. Тем не менее, И.М. Брушвит предложил в первую очередь обсудить разработанный Комучем проект организации верховной власти и изложил его содержание.

Сибиряки, не вступая в обсуждение предложенного И.М. Брушвитом проекта, заявили, что они являются областниками и будут последовательно защищать интересы Сибири. Опираясь в дальнейшем на данную позицию как на базовую, И.А. Михайлов аргументировал право Сибири иметь собственное мнение по вопросу об организации центральной власти, а Гришин — располагать собственной армией, подчиненной «исключительно Сибирскому правительству». Причем сибиряки не стеснялись откровенно блефовать. Так, И.А. Михайлов утверждал, что Временное Сибирское правительство «не признает никакого всероссийского правительства, которое сорганизуется без со-

---

<sup>99</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 37, лл. 5–6; *Кроль Л.А.* Указ. соч. С. 64–66; *Волков Е.* Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999. С. 95.

глашения с ним», что центральная власть «должна быть санкционирована населением Сибири».

Еще дальше пошел Гришин. Он сообщил, что главнокомандующим Сибирской армией намечается английский генерал-майор Ф.С. Пуль. Отправку частей Сибирской армии на Волжский фронт, если бы такое произошло (и на что надеялись самарцы), назвал «величайшей авантюрой», а их нахождение в Сибири и на Урале расценил как создание тыла, который «одинаково нужен как для союзников, так и для России».

В результате переговоры 15 июля окончились почти безрезультатно. И.М. Брушвит даже утверждал, что не нашлось ни одного пункта, по которому было бы достигнуто согласие. В действительности это было не так. Делегации Временного Сибирского правительства и Комуча взяли взаимное обязательство не распространять своих распоряжений на территорию, контролируемую другой стороной<sup>100</sup>.

Для того, чтобы сдвинуть «русское дело» с «мертвой точки», утром 16 июля снова было созвано совместное заседание всех трех делегаций с участием майора А. Гинэ, членов Временного исполнительного комитета чехословаков в России К. Куделы, Р. Медека, И. Патейдля, Б. Павлу и Ф. Рихтера, командира Чехословацкого корпуса генерал-майора В.Н. Шокорова и начальника его штаба полковника Червинки. По взаимному согласию участников председательствовал на заседании Б. Павлу.

По просьбе Гришина представители Союза возрождения России дали более подробную информацию о представляемой ими организации: ее составе, целях, задачах и т. п. Затем все русские делегации разъяснили свою позицию по вопросу о необходимости и принципах организации центральной всероссийской власти. И.А. Михайлов от лица омской делегации заявил о том, что Временное Сибирское правительство «заинтересовано в создании центральной власти, но оно подходит к этому вопросу осторожно». В то же время он решительно отверг предлагавшуюся самарцами схему, в соответствии с которой задача по созданию общероссийской власти доверялась только Комучу.

Сибиряков поддержала делегация Союза возрождения России, член которой Л.А. Кроль категорически заявил: «Практически У[чредительное] с[обрание] созвать невозможно. Власть не может быть создана У[чредительным] собранием». В противовес «комучевцам» А.А. Аргунов от имени руководства Союза возрождения России предложил как можно быстрее создать центральное всероссийское пра-

---

<sup>100</sup> Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 10 августа; Сибирский вестник. 1918. 25 августа.

вительство, привлекая к этой работе не только наличных членов Учредительного собрания, но и «все политические партии и общественные организации». «Возрожденцы» мыслили это всероссийское правительство по сути как «правительство диктаторского типа — сильное и прочное», по форме — «как директорию, окруженную деловым министерством». Они немедленно предложили фамилии 15 кандидатов в состав такой директории.

После «возрожденцев» с пространной речью выступил Гришин. Чтобы отвести от себя подозрение во вмешательстве Сибирской армии в гражданские дела, генерал сделал несколько превентивных заявлений, которым никто, конечно, не поверил, о чем тут же открыто заявил И.М. Брушвит. Гришин утверждал, что Сибирская армия, ее офицеры и добровольцы, думают не столько о Сибири, сколько о России в целом; что они стоят за создание центральной всероссийской власти, но Сибирская армия взяла на себя обязательство «стоять вне политики», «более месяца не принимала и не будет принимать участие в политических распрах».

Далее Гришин отверг предложения Комуча по созданию центральной всероссийской власти как неприемлемые для армии, а также для национальных правительств башкир и киргизов (казахов). И, напротив, командующий Сибирской армией поддержал предложения «возрожденцев», заявив, что их метод организации центрального правительства «несомненно, может носить название законного»<sup>101</sup>.

Поскольку в очередной раз дискуссия приняла общеполитический характер и грозила затянуться, А. Гинэ предложил сделать перерыв в работе заседания и образовать две секции для обсуждения военного и политического вопросов. Это предложение было принято.

После двухчасового перерыва началось заседание военной секции. Председательствовал на ней Гришин. На секции были быстро приняты принципиальные решения о создании единого командования антибольшевистским фронтом. До прибытия в Россию союзнических войск оперативное командование всеми вооруженными силами вручалось В.Н. Шокорову — русскому генералу на чехословацкой службе, к которому в качестве консультантов рекомендовалось прикрепить по одному представителю от Народной армии Комуча и Сибирской армии.

Обеспечение вооружением, боеприпасами и снаряжением всех союзных войск, действовавших в пределах Российского государства, было признано необходимым объединить, для чего образовать меж-

---

<sup>101</sup> ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 1, д. 95, лл. 85–87; РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 37, лл. 6–7.

дународную комиссию из представителей Сибирской армии, Народной армии Комуча, Чехословацкого корпуса и французской военной миссии. Комиссия должна была приступить к работе 26 июля в Омске.

Параллельно руководимая Б. Павлу политическая секция признала необходимым безотлагательно организовать центральную всероссийскую власть. Более подробно характер и конструкцию этой власти рекомендовалось определить на особом государственном совещании. В то же время секция предложила передать этой власти руководство военными и иностранными делами, путями сообщения, финансами и снабжением. Созвать государственное совещание планировалось 6 августа в Челябинске, пригласив на него членов Всероссийского Учредительного собрания, за исключением большевиков и «левых» эсеров, представителей областных правительств и различных общественных организаций (политических партий, Союза возрождения России и др.). Задача созыва государственного совещания по организации центральной всероссийской власти возлагалась на А.А. Аргунова.

Вечером 16 июля состоялось заключительное заседание всех прибывших в Челябинск заинтересованных сторон. Председатели военной и политической секций доложили участникам совещания о результатах проделанной под их руководством работы. Эти результаты были единогласно одобрены без каких-либо дебатов.

Кем-то из участников совещания было высказано предложение немедленно опубликовать принятые решения. Однако оно встретило категорическое возражение со стороны Гришина. Командующий Сибирской армией, напротив, рекомендовал решения по военному вопросу засекретить в принципе, а по политическому — временно не оглашать<sup>102</sup>.

Здесь, конечно, не обошлось без лукавства со стороны Гришина. Строго говоря, в соответствии с достигнутыми договоренностями он должен был лишиться части своих полномочий в оперативных вопросах. Но отсутствие официально обнародованного документа позволяло командующему Сибирской армией при необходимости игнорировать не устраивавшие его директивы В.Н. Шокорова.

Сибирская делегация в основном была довольна результатами челябинского совещания. Она смогла добиться того, что Комуч лишился права на единоличное формирование центрального всероссийского правительства и согласился сделать это на государственном совещании. Выступивший от имени сибирской делегации Гри-

---

<sup>102</sup> ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 1, д. 95, лл. 87–88; РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 37, л. 8.



шин положительно оценил достигнутые в ходе переговоров итоги. Будущее центральное всероссийское правительство, заявил он, «по его конструкции и составу будет иметь вес, может быть названо единственно законным и, так как под его программу будет Учредительное собрание (так в тексте. — *В.Ш.*), то за ним пойдут все». Гришин поблагодарил союзников за оказанную помощь, особо отметив, что «первый шаг для возрождения России сделала братская чешская кровь». Генерал пообещал, что «Россия этого не забудет и будет их всегда считать своими братьями»<sup>103</sup>.

В ночь на 17 июля в специальном поезде командующего армией сибирская делегация отбыла из Челябинска. На обратном пути в Кургане и в Петропавловске Гришина вновь приветствовали начальники гарнизонов городов, коменданты городов и станций. В Петропавловске к ним присоединились еще и представители городской думы, а также местной общественности (промышленники, торговцы, врачи), с которыми генерал имел непродолжительную беседу. Около 9 часов вечера 17 июля делегация прибыла в Омск<sup>104</sup>.

На следующий день Совет министров Временного Сибирского правительства заслушал доклад министра финансов, управляющего военным министерством и товарища министра иностранных дел о результатах совещания с представителями Самарского Комуча, Чехословацкого национального совета и французскими дипломатическими агентами в Челябинске. Совет министров постановил благодарить всех членов делегации за весьма успешное выполнение его поручения, отметив «правильность занятой ими при переговорах позиции»<sup>105</sup>.

Еще одним побочным, но исключительно важным результатом июльского челябинского совещания, на который тогда едва ли кто обратил внимание, стало установление тесных отношений между Гришиным и И.А. Михайловым. По сути дела, они образовали новый мощный военно-политический тандем, который заменил собой ранее существовавший, но изживший себя к середине июля 1918 г. тандем Гришина и П.Я. Михайлова.

\* \* \*

Судя по всему, успех челябинских переговоров и их высокое одобрение Советом министров придали молодому генералу уверен-

---

<sup>103</sup> ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 1, д. 95, л. 88.

<sup>104</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 37, л. 8.

<sup>105</sup> ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 5, д. 43, лл. 56–57; Временное Сибирское правительство. С. 165–166.

ность и немного вскружили голову. Он стал действовать более решительно, настойчиво, а временами даже агрессивно. Об этом свидетельствуют как намерения, так и слова, а в особенности дела Гришина.

В первую очередь Гришин принялся за упрочение своего положения и авторитета в армии, который был невысок. Значительная часть штаб-офицеров знала своего командующего только по фамилии и не считало, что он заслуженно занимает высокую должность<sup>106</sup>

Да, собственно говоря, и Сибирской армии как таковой не существовало. Она была только на бумаге. В действительности имелись отдельные партизанские отряды, полки, дивизии и два корпуса. Но они подчинялись командующему Сибирской армией номинально, а те, которые подчинялись, были немногочисленными и занятыми на второстепенных направлениях. Реально большинство сибирских воинских частей находилось в оперативном отношении в подчинении чехословацких военачальников. Гришин это прекрасно понимал и поставил своей целью свести отряды и части в реальные дивизии и корпуса, а для начала планировал постепенно перехватить у чехословацкого командования оперативное управление сибирскими войсками, давая их русским командирам свои советы и рекомендации<sup>107</sup>

Претворение своего плана в жизнь Гришин начал с приказа об офицерах. Появление такого приказа было вполне ожидаемым, поскольку офицеры составляли большую часть Сибирской армии. Демократически настроенную часть сибирского общества это обстоятельство с самого начала настораживало и даже пугало, так как в офицерской среде широкое распространение имели не только антибольшевистские, но и антисоциалистические и даже монархические взгляды и настроения. Летом 1918 г. по инициативе журналистов-социалистов в периодической печати была опубликована серия статей, авторы которых убеждали население в том, что в своей массе сибирские офицеры являются выходцами из трудящихся слоев населения и настроены демократически.

Жизнь, однако, довольно быстро показала, что общество беспокоилось не напрасно. На фронте и в тылу офицеры часто нарушали законы, допускали насилие и жестокость по отношению к военнопленным и гражданскому населению. Командующий армией смотрел на эти преступления «сквозь пальцы», скорее всего потому, что не имел ни сил, ни желания пресечь их. Более того, чтобы заработать политический капитал у своих подчиненных, 5 июля он издал приказ

---

<sup>106</sup> ГАРФ. Ф. Р-170, оп. 1, д. 1, л. 20.

<sup>107</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 19, л. 1.

№ 23, в котором в ложном свете представил поведение офицерского корпуса. Гришин заявил, что потомками будет оценено «исключительное рыцарство и благородство, проявленные офицерством к своему презренному врагу». Командующий армией выразил надежду, что каждый офицер и впредь будет так же «ревниво оберегать свою честь, и никто не будет иметь право упрекнуть его в кровавых расправах с поверженными врагами»<sup>108</sup>.

Второго августа Гришин издал приказ № 43, который опубликовали едва ли не все газеты Урала и Сибири от Челябинска на западе до Иркутска на востоке. В приказе командующий армией потребовал от начальников частей в борьбе с врагами быть инициативными, настойчивыми и беспощадными, «не боясь ответственности за превышение власти». В приказе содержался пространный перечень врагов и преступных деяний, за которые, как считал Гришин, необходимо «бестрепетно и беспощадно стрелять на месте». Приказ заканчивался такой сентенцией, явно рассчитанной на то, чтобы попасть в анналы истории: «Каждый военный начальник должен помнить, что на театре войны все средства, ведущие к цели, одинаково дороги и законны и что победители вообще не осудят любящие родную землю современники и благоразумные потомки»<sup>109</sup>.

В том же духе и тональности был выдержан приказ № 46 от 16 августа, в котором Гришин определил формы и методы осуществления властями предстоящего набора новобранцев. Он приказал «соответствующим лицам и учреждениям „приказывать“ и „требовать“, а отнюдь не просить и не уговаривать». Уклоняющихся от службы в армии он потребовал арестовывать и заключать в тюрьму для последующего предания суду по законам военного времени, а по отношению к подстрекателям и открыто неповивающимся применять «самые решительные меры [вплоть] до уничтожения на месте»<sup>110</sup>.

Еще одним проявлением тенденции на ужесточение порядка в армии стал приказ № 55 по Сибирской армии от 1 сентября 1918 г. Приказ был обращен к только что призванным в ряды армии. Командующий потребовал от новобранцев честно исполнять свой долг, назвав неисполняющих его преступниками, которые «будут караться беспощадно»<sup>111</sup>.

---

<sup>108</sup> Сибирская речь. 1918. 10 июля; Заря (Омск). 1918. 11 июля.

<sup>109</sup> Сибирь (Иркутск). 1918. 7 августа; Утро Сибири (Челябинск). 1918. 10 августа; Заря (Омск). 1918. 22 августа.

<sup>110</sup> Сибирский вестник. 1918. 21 августа.

<sup>111</sup> Сибирский вестник. 1918. 5 сентября; Заря (Омск). 1918. 5 сентября.

На следующий день Гришин дал директивы главному начальнику Западно-Сибирского военного округа по вопросам своевременного снабжения Сибирской армии теплыми вещами. Для выполнения этого задания генерал приказал не только использовать аппарат Омского военно-промышленного комитета, но «прибегать к реквизиции сырья, заводов и проч[его]»<sup>112</sup>. Такое указание выходило за рамки компетенции командующего армией и главы военного ведомства и являлось прямым вторжением в сферу деятельности министерства торговли и промышленности.

Сам же Гришин на вмешательство гражданских властей в армейские дела сначала реагировал относительно спокойно. Но постепенно его отношение стало меняться и приобретать сначала болезненный, а затем и агрессивный характер. Весьма показательна реакция Николая Алексеевича на информацию, замечаниям и советы о работе военных органов и о положении в частях армии, которые содержались в докладах уполномоченного Временного Сибирского правительства эсера Ю.А. Алексеева-Кудрявцева. В июне — июле 1918 г. Ю.А. Алексеев-Кудрявцев успешно работал в Акмолинской области и в Тобольской губернии, внося большой вклад в формирование органов государственного управления и местного самоуправления. На выписке из телеграммы Ю.А. Алексеева-Кудрявцева, отправленной 8 июля 1918 г. из Ишима и специально предоставленной ему Министерством внутренних дел, полковник Гришин наложил резолюцию: «Я подобным сообщениям значения не придаю»<sup>113</sup>.

Прошло ровно три недели, и Гришин, ставший к тому времени генералом, разразился целым рапортом на имя председателя Совета министров. В нем Николай Алексеевич утверждал, что в поведении Ю.А. Алексеева-Кудрявцева он усматривает «стремление вмешиваться в дела, подлежащие исключительно ведению военных властей».

Более того, редким случаям вмешательства гражданских властей в компетенцию военных органов по частным вопросам Гришин придал принципиальное значение. Он обратился к председателю Совета министров с просьбой «сделать соответствующее циркулярное распоряжение о полном невмешательстве гражданской власти в сферу деятельности военных властей»<sup>114</sup>.

Момент для атаки на гражданские власти генерал выбрал верно. Он не мог не знать, что 24 июля Совет министров упразднил должно-

---

<sup>112</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 47, л. 23.

<sup>113</sup> ГАРФ. ф. Р-148, оп. 1, д. 21, лл. 6–10, 18.

<sup>114</sup> Там же, л. 36; ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 1, д. 1, л. 188.

сти уполномоченных правительства. В результате Ю.А. Алексеев-Кудрявцев лишился своего высокого статуса и тем самым утратил способность эффективно защищать себя. Не захотели сделать этого ни П.В. Вологодский, личным уполномоченным которого, кстати, Ю.А. Алексеев-Кудрявцев вскоре стал, ни П.Я. Михайлов. «Указать уполномоченному на неправильность его действий», — написал премьер-министр на рапорте Гришина, а товарищ министра внутренних дел сообщил командующему армией, что соответствующие распоряжения и указания по линии МВД им сделаны<sup>115</sup>.

Но надо отдать должное: при решении ряда военных проблем, имевших резонансный характер, Гришин проявил осмотрительность и осторожность. Весьма показательна его позиция по вопросу о введении в Сибирской армии погон. Как известно, большинство нижних чинов и обывателей считали погоны одним из основных символов старой, царской власти. Не случайно, после Февральской революции срывание погон приняло в российской армии характер «политической эпидемии»<sup>116</sup>.

Сознавая серьезность проблемы, для анализа вопроса о введении погон в Сибирской армии (на этом особенно настаивал командующий 2-м Степным Сибирским корпусом П.П. Иванов-Ринов) и чтобы разделить ответственность за принятое решение с другими военачальниками, Гришин приказал создать специальную комиссию. Ее председателем он назначил главного начальника Западно-Сибирского военного округа генерал-майора М.К. Менде. В качестве членов в комиссию были включены ставшие к тому времени тоже генералами П.П. Белов и П.П. Иванов-Ринов, инспектор артиллерии Сибирской армии полковник П.А. Бобрик, подполковники Л.Д. Василенко (начальник штаба 2-го Степного Сибирского корпуса) и А. Васильев, обер-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера штаба Сибирской армии штабс-капитан А. Фризель.

Эта комиссия 14 августа тщательно обсудила поставленный перед ней вопрос и пришла к выводу о том, что «введение погон сейчас нежелательно, так как это вызовет недовольство в народных массах, которое в связи с предстоящей мобилизацией может вылиться в ряд эксцессов и этим нарушить начинающееся объединение и оздоровление народа». Единственным членом комиссии, не согласившимся с ее большинством, был П.П. Иванов-Ринов. Он считал, что погоны нужны, причем одинаковые для солдат и офицеров, но не из политических

---

<sup>115</sup> ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 1, д. 21, л. 36.

<sup>116</sup> *Колоницкий Б.И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001.

соображений, а исключительно «для помещения шифровки частей»<sup>117</sup>. Гришин прислушался к выводам комиссии и, несмотря на настойчивые требования П.П. Иванова-Ринова, вводить погоны не стал.

Затем комиссию из 36 георгиевских кавалеров при военном министерстве Гришин учредил для обсуждения вопроса о боевых наградах. О необходимости введения наград за боевые отличия говорили многие офицеры-фронтовики, с ними солидаризировались такие уполномоченные Временного Сибирского правительства, как Н.В. Фомин. Однако учрежденная главой военного ведомства комиссия единогласно высказалась против применения наград, мотивируя свою позицию тем, что армия участвует не в национальной, а в гражданской войне. В такой ситуации Гришин занял «промежуточную» позицию: он приказал вести, как это и делалось раньше, списки отличившихся солдат и офицеров, предоставив окончательное решение вопроса о наградах будущего всероссийскому Верховному главнокомандующему<sup>118</sup>.

После возвращения из челябинской командировки, оказавшейся для него столь успешной, Гришин все больше стал заниматься вопросами не только военными, но гражданскими, общеполитическими. Он все больше превращался в фигуру военно-политическую и публичную. Его авторитет и влияние продолжали расти. Совет министров все чаще стал давать ему ответственные поручения, а отдельные министры<sup>119</sup> и лично П.В. Вологодский — обращаться за содействием в решении тех или иных проблем. Так, после издания полковником Р. Гайдой приказа об объявлении на военном положении Транссибирской железной дороги от Барабинска до Иркутска именно Гришину было предложено «безболезненно и без всяких осложнений ликвидировать это распоряжение Гайды». Командующий армией согласился выполнить поручение, о чем П.В. Вологодский оставил в своем дневнике такой комментарий: «Гришин-Алмазов взялся это сделать, а на него в этом отношении можно положиться, человек он умный и решительный»<sup>120</sup>.

Поскольку Гришин зарекомендовал себя успешным переговорщиком, 3 августа 1918 г. Совет министров предложил ему и главе

---

<sup>117</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 7, лл. 23–26.

<sup>118</sup> Заря (Омск). 1918. 1 сентября.

<sup>119</sup> См., например, просьбу министра снабжения И.И. Серебренникова об освобождении арестованного военными властями в Бийске ветеринарного врача Гея. Выполняя ее, 1 сентября Гришин передал по телеграфу в Бийск свой приказ полковнику Кабакову освободить Гея как человека, «хорошо известного Временному Сибирскому правительству» (см.: ГАРФ. Ф. Р-176, оп. 1, д. 1, лл. 338, 341).

<sup>120</sup> *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 68.

только что образованного ведомства снабжения министру И.И. Серебренникову принять участие сначала во втором челябинском совещании по организации центральной всероссийской власти, а затем выехать в Екатеринбург для участия в создании гражданской и военной власти на Урале<sup>121</sup>.

Пятого августа Гришин и И.И. Серебренников во главе сибирской делегации прибыли в Челябинск. Их встречали почетный караул и местные власти. Однако на месте сразу же стало ясно, что назначенное на 6 августа совещание во время не состоится. После непродолжительного общения с местными военными и гражданскими властями сибирская делегация в тот же день выехала в Екатеринбург<sup>122</sup>.

В отличие от челябинских властей, подчиненных Омску и уже усвоивших торжественный ритуал встречи высоких сибирских гостей, екатеринбуржцы, чувствовавшие себя самодостаточными, не расстались и не позаботились о почетном карауле и оркестре. Узнавший об этом Гришин приказал остановить поезд в перегоне от Екатеринбурга и дал разрешение на дальнейшее следование только тогда, когда ему сообщили, что к встрече «все готово»<sup>123</sup>.

Ко времени прибытия сибиряков в Екатеринбург местная межпартийная комиссия по выработке платформы и организации гражданской власти уже решила все принципиальные вопросы. По сути дела она сформировала Временное областное правительство Урала и наметила кандидатов на должности управляющих ведомствами. Осталось только договориться о распределении компетенции с Временным Сибирским правительством и получить от него официальный акт о передаче полномочий, который бы зафиксировал автономный статус Урала<sup>124</sup>.

Приехавшие в Екатеринбург Гришин и И.И. Серебренников устроили совещание из персонально приглашенных общественных, политических, торгово-промышленных и банковских деятелей. В течение двух дней, 6–7 августа, эти вопросы были подвергнуты широкому обсуждению. Причем сначала Гришин чуть ли не ультимативно потребовал у местной общественности согласия на полное подчинение Урала Сибири. Он даже пошантажировал уже знакомого ему по первому челябинскому совещанию кадета Л.А. Кроля, в упор задав по-

---

<sup>121</sup> Временное Сибирское правительство. С. 241–242.

<sup>122</sup> Утро Сибири (Челябинск). 1918. 6 августа; Власть народа (Челябинск). 1918. 8 августа.

<sup>123</sup> Кроль Л.А. Указ. соч. С. 76.

<sup>124</sup> Антибольшевистское правительство (из истории белого движения). Тверь, 1999. С.44–53.

следнему вопрос: «А что вы, не имея реальных сил, сделаете, если мы не согласимся с вами?».

Торгово-промышленники и банковские деятели были согласны идти «под крыло» Сибири, поскольку там уже имелась твердая власть. Но этому воспротивились представители социалистических партий энесов, эсеров и социал-демократов. На позицию Гришина и И.И. Серебренникова не могло не повлиять и то обстоятельство, что в это же время в Екатеринбурге находилась делегация Комуча в составе Я.А. Богословова и А.С. Былинкина, которая тоже вела переговоры с местной общественностью, настаивая на подчинении Урала Самаре. В итоге генерала удалось убедить в том, что Урал — это не Сибирь, с этим объективным обстоятельством необходимо считаться и следует предоставить Уралу автономию<sup>125</sup>.

В результате совещание приняло решение о том, что в ведение Временного областного правительства Урала поступят вся Пермская губерния и горнозаводские районы Вятской автономии, Оренбургской и Уфимской губерний. Правительству Урала передавалось управление всеми сферами жизнедеятельности, за исключением военного, иностранных дел, путей сообщения, почт и телеграфа, которые сохраняло за собой Временное Сибирское правительство. По предложению Гришина и И.И. Серебренникова для надзора за деятельностью правительства Урала учреждалась должность наместника (уполномоченного) Временного Сибирского правительства<sup>126</sup>. Но окончательное решение вопроса об уральской автономии переносилось в омский Совет министров.

Днем 10 августа Совет министров заслушал подробный отчет Гришина и И.И. Серебренникова о поездке и переговорах в Екатеринбурге<sup>127</sup>. Как сообщил в тот же день во время переговоров по прямому проводу с Л.А. Кролем П.В. Вологодский, достигнутое сибирской делегацией соглашение Советом министров было признано «вполне приемлемым»<sup>128</sup>.

К Гришину как авторитетному и влиятельному деятелю все чаще стали обращаться представители общественности и различных партийно-политических структур с тем, чтобы проинформировать его о

---

<sup>125</sup> Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918. 15 августа; *Кроль Л.А.* Указ. соч. С. 76–77.

<sup>126</sup> ГАРФ. Ф. Р.-176, оп. 1, д. 95, лл. 89–90.

<sup>127</sup> Парадоксально, но факт: в журналах обоих, дневного и вечернего, заседаний Совета министров, состоявшихся 10 августа 1918 г., вопрос об отчете делегации о поездке в Екатеринбург отсутствует.

<sup>128</sup> *Вологодский П.В.* Указ. соч. С. 73; Антибольшевистское правительство. С. 61



своей позиции и получить поддержку в решении тех или иных вопросов. Несомненно, что одной из главных проблем, которая после антибольшевистского переворота постоянно держала сибирскую общественность в состоянии возбуждения, был вопрос о Сибирской областной думе.

В принципе Сибирская областная дума являлась исходным, базовым элементом той конструкции государственной власти, которая существовала в Сибири с конца мая 1918 г. Именно ей были обязаны своим происхождением Временное Сибирское правительство и находившийся у власти Совет министров во главе с П.В. Вологодским. В принципе Совет министров это сознавал и хотел использовать думу для дальнейшего укрепления своих позиций. В декларации от 4 июля Временное Сибирское правительство торжественно объявило во всеобщее сведение, что «ныне оно одно вместе с Сибирской областной думой является ответственным за судьбы Сибири»<sup>129</sup>.

Как только Томск был освобожден от большевиков, сюда стали съезжаться депутаты думы. Поскольку кворума для начала полноценной работы не доставало, депутаты думы стали устраивать частные совещания. 7 июля Совет министров в согласии с председателем думы И.А. Якушевым и частным совещанием постановил пополнить состав думы представителями цензовой общественности, а представительство от советов заменить представительством от профессиональных организаций<sup>130</sup>.

В тот же день И.А. Якушев издал грамоту, в которой предложил ранее и вновь избранным депутатам думы, а также депутатам Всероссийского Учредительного собрания явиться к 20 июля 1918 г. в Томск на ее вторую сессию. Условия переживаемого момента, говорилось в грамоте, требуют немедленного решения неотложных вопросов государственного и хозяйственного строительства, поэтому «является необходимым возобновить насильственно прерванную советской властью законодательную работу Сибирской областной думы»<sup>131</sup>. Планировалось, что как только образуется кворум думы, она приступит к законотворчеству.

Но у Сибирской областной думы даже с учетом той корректировки ее состава, который должен был произойти после реализации постановления Совета министров от 7 июля, имелись серьезные про-

---

<sup>129</sup> Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (Омск). 1918. 18 июля. № 2. Ст. 9. С. 1–3.

<sup>130</sup> Временное Сибирское правительство. С. 138–139.

<sup>131</sup> ГАРФ. Ф. Р-192, оп. 1, д. 17, л. 8; Воля Сибири (Красноярск). 1918. 14 июля.

тивники. В числе наиболее активных среди них был так называемый «оборонческий блок», который создали в Омске местные группы эсеров-воленародовцев и трудовой народно-социалистической партии, а также социал-демократической группы «Единство».

Десятого июля «блокисты», обсудив вопрос о ближайшем созыве Сибирской областной думы, сформулировали собственную позицию по этому вопросу, отличную от мнения Совета министров. В своем отношении к думе «блокисты» исходили из того, что «по составу своему и по обстановке, в которой дума организовалась, она не может функционировать в качестве органа, облеченного доверием и поддержкой сколько-нибудь значительных групп», что она «не будет сочтена никем даже и за сколько-нибудь сносный суррогат представительства Сибири».

«Блокисты» утверждали, что созыв Сибирской областной думы как органа верховной власти является препятствием на пути укрепления власти Временного Сибирского правительства, «создавая другого носителя верховной власти, низводя в действительности и в правосознании масс Временное правительство до положения органа исполнительного, могущего выронить власть и до Учредительного собрания, в случае коллизии с областной думой». Они предрекали конфликт между «левой» думой, состоявшей почти из одних эсеров, и Временным Сибирским правительством, который будет иметь для Сибири катастрофические последствия.

«Блокисты» считали, что широкие круги населения испытывают «голод по твердой и сильной власти», и выражали опасения, что такой ситуацией могут воспользоваться для «окончательной ликвидации надежд на народовластие в России». По их мнению, «голод о сильной власти должен быть утолен самим Сибирским Временным правительством, для чего нельзя допускать колебаний сил Временного правительства путем возрождения органов, могущих претендовать на присвоение себе верховной власти».

Через два дня платформа «блокистов» появилась в местной кадетской газете «Сибирская речь». Но еще раньше ее подлинник за подписями лидеров всех трех организаций — В.И. Ишерского, Г.М. Котлярова и Н.А. Филашева (А. Новикова) — был отправлен Гришину<sup>132</sup>. Совершенно очевидно, что генерал не остался равнодушным к прочитанному.

---

<sup>132</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 7, лл. 3–5. После публикации в «Сибирской речи» платформа «блокистов» поступила в Совет министров. В своем «Дневнике...» П.В. Вологодский называет этот документ «письменным протестом», а комментаторы «Дневника...» ошибочно отождествляют с призывом Омского отдела Союза возрождения России «К сынам погибающей родины» (см.: *Воло-*

На самом деле документ в той его части, где речь шла о составе думы и ее правомерности претендовать на роль «областного парламента», был написан со знанием вопроса и производил серьезное впечатление. Прогноз же относительно неизбежности конфликта думы и правительства был аргументирован слабо, а возможность его воплощения в жизнь — мало вероятной. Что касается утверждения авторов о «жажде» широких слоев народа в твердой и сильной власти, то он противоречил исходным посылкам авторов документа, где говорилось об усталости, полной депрессии и инертности большинства населения, «неспособного в ближайшее время к активной поддержке власти».

Видимо, правильность своего понимания платформы «блокистов» Гришин решил проверить на прибывших в Омск членах Союза возрождения России А.А. Аргунове, Л.А. Кроле и В.Е. Павлове. 17 июля он направил им этот документ, сопроводив просьбой после прочтения вернуть ему. Судя по всему, они не только быстро ознакомились с текстом, но и обсудили его содержание с Гришиным. Выяснилось, что генерал и «возрожденцы» разделяют взгляды авторов документа на роль Сибирской областной думы. Тем более, что 20 июля из-за отсутствия кворума дума не смогла открыть свою вторую сессию.

Единство взглядов со столь авторитетными политиками, прибывшими из Москвы, подвигло Гришина на новый шаг. 21 июля Алексей Николаевич написал председателю думы И.А. Якушеву довольно пространное письмо, имевшее, как он сам отметил в преамбуле, «совершенно частный характер» и продиктованное «лишь желанием предотвратить катастрофу», по его мнению, неминуемую, «если не будут приняты соответствующие меры».

Далее генерал воспроизвел исходный тезис «блокистов» о том, что эсеровская по своему составу дума, при отсутствии в ней «цензовиков», казаков, «правых» социалистов и кооператоров, не будет пользоваться авторитетом ни в народе, ни в армии.

Тезис «блокистов» о неизбежности конфликта между думой и Временным Сибирским правительством Алексей Николаевич конкретизировал, придав ему динамизм и дополнительную остроту. В результате ход генеральской мысли выглядел так: дума, несомненно, аннулирует некоторые изданные Советом министров законы, в ответ на что министры и сочувствующие им управляющие министерствами и ведомствами из корпоративной солидарности уйдут в отставку. Позицию, которую в этом случае займет он сам, Гришин изложил так:

«[...] В их числе, несомненно и безусловно, буду и я», — оттенив подчеркиванием двух слов категоричность своего мнения.

Чтобы И.А. Якушев не подумал о том, что Гришин беспокоится о сохранении собственных должностей, а понял, что генерал печется о судьбах Сибири, Алексей Николаевич дальше разъяснил: «Таким образом, самый сложный вопрос сибирской действительности — вопрос о создании общепризнанной государственной власти, а таковою был, несомненно, настоящий Кабинет министров, — вновь станет во всей своей остроте». Гришин предрекал Сибири «ужасы новой борьбы за власть и, быть может, новой междоусобной войны».

Для убедительности своих доводов Гришин сослался, с одной стороны, на мнение членов Союза возрождения России, назвав последний «солиднейшей политической группой», с другой — на отказ Самарского Комуча «от однобокого эсеровского парламентаризма», признав такое решение мудрым. Генерал заявил, что принятия такого же мудрого решения он ждет и от членов думы.

Видимо для того, чтобы облегчить думе принятие нужного решения, Гришин напомнил И.А. Якушеву о том, что Сибирская армия стоит вне политики, вне классов и вне партий, но она верит Временному Сибирскому правительству и в случае политического конфликта между ним и думой ее симпатии будут не на стороне последней. Для полной ясности генерал добавил фразу, которая самым лучшим образом раскрывала его действительную позицию, очищенную от всяких дипломатических ухищрений: «Мы переживаем время не парламентов, а твердой власти». Можно догадываться, какие чувства испытывал И.А. Якушев, читая эти слова. Ведь они были как раз тем самым «последним гвоздем», который вбивали в крышку гроба, в котором намеревались похоронить Сибирскую областную думу!

Заканчивалось письмо довольно странно. Гришин объяснил, что он счел своим долгом поделиться своим мнением с председателем думы как «с человеком, могущим предотвратить неминуемую опасность». Конечно, И.А. Якушев сгоряча мог принять эти слова за комплимент. Но по трезвому размышлению он должен был понять, что в действительности они были ничем иным, как скрытой формой приказа не допустить созыва думы. Другими словами, Гришин предложил И.В.Якушеву самому забить тот самый «последний гвоздь».

В постскриптуме Гришин предоставил И.А. Якушеву возможность распорядиться его письмом по собственному усмотрению, вплоть до публикации в открытой печати. Копии же с него генерал решил сам разослать некоторым общественным деятелям без права

оглашения<sup>133</sup>. Совершенно точно, что в числе этих избранных оказался П.В. Вологодский<sup>134</sup>.

Письмо Гришина И.А. Якушеву интересно еще в двух отношениях. Во-первых, генерал, дважды обращаясь к председателю Сибирской областной думы по имени отчеству, оба раза называл Ивана Александровича Иваном Яковлевичем. В то, что глава военного ведомства не знал имени-отчества председателя думы, верится с трудом. Если же забыл он его или засомневался, то мог быстро выяснить. Во-вторых, свое письмо Гришин сначала хотел удостоверить подписью «Глубоко уважающий Вас», но затем зачеркнул первое слово и заменил его на «Искренно уважающий Вас».

И.А. Якушев не замедлил с ответом. 30 июля он отправил Гришину записку личного характера. Председатель думы написал, что вполне понимает те чувства, которые руководили Алексеем Николаевичем при написании письма, но считает, что «в основе лежит неверная предпосылка: дума пойдет на конфликт с правительством». И.А. Якушев сообщил, что он такого мнения не разделяет, однако лишен возможности его обосновать. Он выразил надежду, что в ближайшее время приедет в Омск и будет иметь честь лично обсудить этот вопрос с генералом<sup>135</sup>.

Что касается текста письма Гришина, то оно ни полностью, ни в изложении в печати не появилось. Такое поведение И.А. Якушева вполне понятно. Публикация письма Гришина явилась бы дополнительным аргументом для противников созыва думы, поэтому И.А. Якушев не стал его обнародовать. Не решился предать свое письмо гласности и сам Гришин. Его появление в печати позволило бы генералу заработать дополнительные очки у «правых» кругов и государственныхников. Но в таком случае Гришин вступал бы в противоречие с большинством Совета министра и самим П.В. Вологодским, считавшими тогда, что Сибирская областная дума должна быть сохранена и использована в интересах сибирского областничества и укрепления государственной власти.

Не известно, встречался в начале августа 1918 г. И.А. Якушев с Гришиным или нет. Скорее всего, что не встречался. Основанием такого вывода является тот факт, что 3 августа на заседании Совета ми-

---

<sup>133</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, лл. 88–89

<sup>134</sup> ГАРФ. Ф. Р-193, оп. 1, д. 4, л. 3.

<sup>135</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 90.

нистров управляющий военным ведомством заявил протест против представительства армии в Сибирской областной думе<sup>136</sup>.

Действительно, в конце 1917 — начале 1918 г. в находившихся на фронте и в тылу сибирских частях русской армии были произведены выборы депутатов во Временную Сибирскую областную думу. К августу 1918 г. мандатная комиссия думы зарегистрировала в качестве ее полноправных членов 11 офицеров и военных чиновников<sup>137</sup>.

Вполне возможно, что протест А.Н. Гришина-Алмазова был спровоцирован обращением к нему со специальным письмом депутата подпоручика П.Я. Обухова, проинформировавшего командующего армией о создании комиссии по военным делам при частном совещании думы, а также попросившим А.Н. Гришина-Алмазова дать для комиссии «некоторые справки и информацию по военному ведомству»<sup>138</sup>. В случае, если обеспокоенность Гришина была вызвана двумя названными фактами, И.А. Якушев легко бы все разъяснил генералу.

Указом Совета министров от 7 августа возобновление работы Сибирской областной думы было назначено на 15 августа. Планировалось, что почти все министры и управляющие ведомствами выедут в Томск на специальном поезде в ночь на 11 августа<sup>139</sup>. Исключение было сделано только для двух человек: министра снабжения И.И. Серебренникова, остававшегося «на хозяйстве» в Омске, и министра финансов И.А. Михайлова, находившегося в командировке в Челябинске и Екатеринбурге. Однако Гришин не явился в Томск в назначенное время.

Вместо поездки в Томск он днем 11 августа принимал парад войск Омского гарнизона в честь как писала одна газета, «начавшегося восстановления мощи России»<sup>140</sup>. В качестве предлога для организации парада было использовано за день до этого подписанное по инициативе самого Гришина обращение Временного Сибирского правительства к союзным державам, которое начиналось словами «Россия воскресает» и завершалась обязательством принять участие вместе с союзными державами в войне против Германии<sup>141</sup>. Возникла непредвиденная ситуация, безусловно имевшая политическую подклад-

---

<sup>136</sup> Временное Сибирское правительство. С. 241–242.

<sup>137</sup> См.: ГАТО. Ф. Р-72, оп. 1, д. 45, лл. 3, 6, 9, 14, 26, 39, 54, 56, 87, 107–109

<sup>138</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 7, л. 18.

<sup>139</sup> Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (Омск). 1918. 24 августа. № 7. Ст. 64. С. 2; Временное Сибирское правительство. С. 258, 262.

<sup>140</sup> Заря (Омск). 1918. 13 августа.

<sup>141</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 11, л. 5; Сибирский вестник. 1918. 24 августа.

ку: управляющий военным ведомством и командующий Сибирской армией игнорировал Временную Сибирскую областную думу и тем самым не выполнял постановление Совета министров.

Более того, оказывается, что Гришин отправил в Томск телеграмму, в которой командующий армией заявил о своей готовности применить находящуюся в его подчинении вооруженную силу с целью обеспечить безопасность Временного Сибирского правительства в случае, если бы дума попыталась на почве недовольства Советом министров произвести его замену другим правительством<sup>142</sup>.

На состоявшемся 13 августа в Томске заседании Совета министров министр юстиции Г.Б. Патушинский сделал заявление о необходимости присутствия управляющего военным министерством на открытии думы. Совет министров принял соответствующее постановление. В 18 часов того же дня Гришину была направлена телеграмма за подписью П.В. Вологодского, в которой говорилось: «Сибирское правительство считает Ваше присутствие [на] открытии областной думы необходимым». Получивший ее на следующий день глава военного ведомства продолжал упорствовать. На бланке телеграммы имеется его помета такого содержания: «Запросить, нельзя ли не ездить?»<sup>143</sup>.

Пятнадцатого сентября около 11 часов в Томске в кафедральном соборе состоялось молебствие, затем — парад войск гарнизона, выступления председателя Совета министров П.В. Вологодского и представителя Чехословацкого корпуса доктора И.И. Глосса. Примерно в половине второго часа дня в библиотеке Томского университета состоялось торжественное открытие заседания Сибирской областной думы. Гришин на открытие так и не явился. В это время он находился в Новониколаевске, всего в нескольких часах езды. Вечером председатель думы И.А. Якушев и управляющий делами Совета министров Г.К. Гинс направили ему телеграммы. И.А. Якушев от имени думы приветствовал в лице Гришина Сибирскую армию, а Г.К. Гинс проинформировал его о том, что и как происходило в Томске<sup>144</sup>.

Не исключено, что Алексей Николаевич пожалел о том, что проигнорировал событие, на котором мог быть в числе самых почетных гостей и первым героем. Только ближе к середине следующего дня он приехал в Томск. Есть сведения, что его сопровождал внушительный вооруженный отряд. Примерно в обеденное время генерал появился в

---

<sup>142</sup> Вологодский П.В. Указ. соч. С. 72.

<sup>143</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 43, л. 1; Временное Сибирское правительство. С. 276.

<sup>144</sup> ГАТО. Ф. Р-72, оп. 1, д. 2, л. 123; РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 7, л. 21; д.43, л. 5.

правительственной ложе думы. В стенограмме заседания после слов председателя заседания, объявившего о прибытии Гришина, записано следующее: «Бурные рукоплескания. Члены думы и гости встают, долго и шумно приветствуют командующего армией».

Речь Гришина была непродолжительной, но нетривиальной, смелой и достаточно убедительной. Напряженное молчание, которое воцарилось в зале, свидетельствовало о том, что генерал сразу же смог овладеть непростой аудиторией. «Слово мое будет кратко, — начал он, — и я Вас прошу к нему отнестись с должной серьезностью. Я в этом не сомневаюсь, потому что каждое слово в нем будет пропитано кровью, потому что голос мой отсюда прозвучит по полям битвы, и к нему и к вашему ответному голосу прислушаются те, которые жертвуют за ваше благополучие, которые жертвуют для нашей Родины своей жизнью».

Затем генерал повторил то, что от него уже многократно слышали: единственным средством спасения России является сильная армия. Сидевшие в зале депутаты думы и публика восприняли это утверждение абсолютно спокойно, поскольку ничего иного от профессионального военного услышать не ожидали.

Шумными аплодисментами, которые сопровождалась криками «Браво!», взорвался зал, когда Гришин, сказал, что «армия должна быть создана на основах полной воинской дисциплины».

Дальше Гришин озвучил то, к чему он сам, судя по всему, уже давно пришел, но что публично никогда не говорил: «Вне благоприятной политической обстановки армия, та [армия], о которой мечтаю я, о которой мечтают все офицеры, о которой мечтает вся Россия, — создана быть не может». И он обратился к депутатам с просьбой создать такую политическую обстановку.

Но это было только начало. «Прежде всего и необходимее всего, — заявил Гришин, — это создание твердой власти». «За созданием этой твердой власти я от имени армии к Вам и обращаюсь», — подытожил генерал.

Наверно, наибольшего градуса обстановка в зале достигла тогда, когда Гришин произнес такие слова: «Быть может, мне зададут вопрос, почему же я ни словом не обмолвился о народоправстве?». И тотчас же дал ответ на им самим поставленный вопрос: «Я сделал это вполне сознательно».

Судя по всему, значительная часть депутатов и публики в этот момент пережила шоковое состояние, выйти из которого им помогло следующее откровение генерала: «[...] В настоящее время идея народоправства, полностью выявленная, впредь до полного успо-



коения России и Сибири является средством неприемлемым, средством слишком сильным, средством, которое может расшатать организм большой России».

Стенографисты зафиксировали такую реакцию зала: «Рукоплекскания членов думы, движение и громкие аплодисменты в публике». Редакторы Сибирского телеграфного агентства несколько иначе оценили восприятие речи Гришина думцами и публикой: «Бурные аплодисменты на всех скамьях за исключением крайней левой»<sup>145</sup>.

Никто из присутствовавших в зале заседаний думы не знал, насколько самостоятельно Гришин пришел к тем выводам, которые он донес до слушателей, и в какой мере они были подсказаны многочисленными советчиками, которые досаждали генералу своими проектами по устройству и переустройству Сибири и России. Гораздо важнее было другое: нужные слова генерал публично произнес, их услышали его политические союзники и противники, они стали заветной целью для первых, вражеской мишенью — для вторых.

Так, фракция областников в Сибирской областной думе пригласила его на свое собрание, на котором Алексей Николаевич поделился своими политическими взглядами<sup>146</sup>. Газета «Сибирская речь», являвшаяся рупором омских кадетов, 21 августа, по свежим следам, назвала выступление Гришина «замечательной речью». И далее она разъяснила своим читателям, почему так оценила это выступление: «Он сказал именно то, что должен был сказать военный министр».

Иначеотреагировал на выступление Гришина секретариат Сибирской областной думы. В направленной Самарскому Комучу телеграмме он сообщил: «Овации думы в честь армии были единодушны, но речь командующего, в которой он говорил о неприменимости пока начал народоправства, [была] встречена сдержано»<sup>147</sup>.

Примерно такой же, точнее — даже очень сдержанной, была реакция на речь Гришина его коллег по Совету министров: В.М. Крутовского, Б.Г. Патушинского и М.Б. Шатилова. П.В. Вологодский, которого во время пребывания в Томске эсеры усиленно настраивали против генерала, тоже стал смотреть на Гришина с подозрением.

---

<sup>145</sup> Заря (Омск). 1918. 21 августа; Сибирский вестник. 1918. 21 августа; Сибирская жизнь (Томск). 1918. 22 августа; Временная Сибирская областная дума. Стенографический отчет. 2-я сессия. Заседание 2-е. Томск, 1918.

<sup>146</sup> Голос народа (Томск). 1918. 21 августа.

<sup>147</sup> Сибирский вестник. 1918. 30 августа.

\* \* \*

В письме Гришина от 23 июля 1918 г., адресованном А.В. Адрианову и выдержанном в доверительных тонах, есть такие слова: «Труден мой путь создания дисциплинированной армии; мало, до трагизма мало помощников, а врагов я не боюсь»<sup>148</sup>.

Думается, мотив о «врагах» возник в письме далеко не случайно. Гришин был очень честолюбивый и властный человек, далеко не всегда стеснявшийся в выборе средств для достижения поставленных целей. Он безжалостно боролся против любого, кто хоть в малейшей степени вторгался в сферу его компетенции, как-то мог помешать карьере или делу, за которое он взялся.

Показательно хотя бы дальнейшее развитие их взаимоотношений с ранее называвшимся полковником Н.Н. Сумароковым, которого летом 1918 г. Гришин, видимо, не выпускал из поля своего зрения. Несомненно, что командующий армией и глава военного ведомства откровенно препятствовал продвижению Н.Н. Сумарокова по службе. Во всяком случае, в ходе реорганизации управления войсками 13 июня 1918 г. он назначил Н.Н. Сумарокова всего лишь инспектором артиллерии Средне-Сибирского корпуса, тогда как младший по званию подполковник П.А. Бобрик получил должность инспектора артиллерии Сибирской армии<sup>149</sup>. Можно предположить, что Н.Н. Сумарокову аукнулось его нежелание весной 1918 г. войти в подчинение Гришина, тогда как П.А. Бобрику зачли в «плюс» непродолжительное сотрудничество с А.А. Краковецким в начале 1918 г. в Киеве.

Недовольный таким развитием событий Н.Н. Сумароков обратился с письмом к Гришину, напомнив о своих недавних заслугах в борьбе с большевиками, и попросил у него «живого боевого дела». 20 июня Гришин ответил Сумарокову письмом, выдержанным в исключительно товарищеском тоне. Он указал полковнику на то, что в столь тяжелый для возрождающейся русской армии момент каждый должен «работать в той области, в которой он может принести наибольшую пользу». «Я считаю, — продолжал Гришин, — что Вы своим знанием и боевым опытом в артиллерийском деле крайне необходимы для армии как инспектор артиллерии корпуса». Гришин выразил уверенность в том, что Н.Н. Сумароков сможет «вдохнуть в молодую артиллерию Средне-Сибирского корпуса истинно боевой артиллерийский дух, заключающийся, прежде всего, в том, что артиллерия должна соперничать в храбрости с пехотой и быть ее другом и братом».

---

<sup>148</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 93.

<sup>149</sup> Временное Сибирское правительство. С. 64.

Письмо Гришина заканчивалось обещанием в дальнейшем пойти на встречу пожеланиям Н.Н. Сумарокова «в смысле перемены места службы»<sup>150</sup>.

Действительно, новое назначение не заставило себя долго ждать. Приказом Гришина от 14 июля 1918 г. Н.Н. Сумароков был назначен членом военно-химической комиссии военного ведомства<sup>151</sup>, что было откровенным отрешением от престижных командно-штабных должностей. Прямых сведений о том, чем руководствовался Гришин, принимая такое решение, нет. Косвенные же данные свидетельствуют о том, что в качестве предлога было использовано поведение Н.Н. Сумарокова, продолжавшего публично афишировать свои монархические предпочтения. Гришин, однако, преследовал Н.Н. Сумарокова, скорее всего, не за монархические взгляды, а по мотивам исключительно личного характера. Оскорбленный Н.Н. Сумароков не задержался с ответом, отправив полковнику Гришину телеграмму, выдержанную в исключительно жестком тоне: «Для химических экспериментов я устарел. После Вашего письма назначение Ваше считаю насмешкой и от службы с Вами себя совершенно свободным»<sup>152</sup>. 24 июля из Томска Н.Н. Сумароков отправил главе Совета министров П.В. Вологодскому письмо, полное обид на Гришина<sup>153</sup>.

Еще более жесткую борьбу Гришин вел с Н.В. Фоминым. Н.В. Фомин, получивший 14 июня должность уполномоченного Западно-Сибирского комиссариата, отправился из Омска к передовым частям Сибирской армии, действовавшим в восточном направлении. По мере продвижения на восток он создавал, утверждал и инструктировал местные комиссариаты, восстанавливал органы земского и городского самоуправления, вел большую разъяснительную работу среди населения, особенно в кооперативных кругах. Деятельность Н.В. Фомина была настолько продуктивной и полезной, что 3 июля 1918 г. Совет министров назначил его своим уполномоченным на Восточном фронте<sup>154</sup>. 16 июля П.Я. Михайлов, ставший к тому времени товарищем министра внутренних дел Временного Сибирского правительства, находившийся в Иркутске с особой миссией и непосредственно наблюдавший работу Н.В. Фомина, по поручению правительства выразил

---

<sup>150</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, лл. 24–25, 36.

<sup>151</sup> ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 1, д. 41, л. 12.

<sup>152</sup> ГАРФ. Ф. Р-193, оп. 1, д. 31, л. 24.

<sup>153</sup> ГАРФ. Ф. Р-193, оп. 1, д. 5, лл. 97–98.

<sup>154</sup> Заря (Омск). 1918. 27 июня; Нижнеудинские бюллетени. 1918. 4 июля; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 108–109, 115, 119–121, 125–126, 150; Временное Сибирское правительство. С. 113–114.

ему «глубокую благодарность» за его деятельность в качестве уполномоченного<sup>155</sup>.

Иначе оценивал результаты работы Н.В. Фомина Гришин. В советах и рекомендациях, которые Нил Валерианович давал омским деятелям, исходя из реального знания местной обстановке, тот видел в основном некомпетентные суждения дилетанта и покушение на его власть, а реагировал на них эмоционально и крайне предвзято. Так, 18 июня — как можно предположить, после встречи в Новониколаевске с руководством «Закупсбыта» — Н.В. Фомин телеграфировал Западно-Сибирскому комиссариату и Гришину: «Считаю безусловно необходимым привлечение деятелей кооперации к руководству военным снабжением округа». На бланке этой телеграммы Гришин написал для членов Западно-Сибирского комиссариата такую резолюцию: «Гражд[анин] Фомин не оставляет меня советами даже в области оперативной; [о том,] насколько это допустимо, предоставляю судить Вам»<sup>156</sup>.

Ненависть Гришина к Н.В. Фомину, успешно работавшему в качестве уполномоченного Временного Сибирского правительства на вновь освобождаемой от большевиков территории, где он наладил хорошие взаимоотношения с командованием Средне-Сибирского корпуса, командным составом частей Чехословацкого корпуса и дипломатическими представителями союзников, зашла настолько далеко, что он не считал нужным ее скрывать. Так, в записке от 7 июля 1918 г., адресованной товарищу министра внутренних дел П.Я. Михайлову, являвшемуся однопартийцем Н.В. Фомина, Гришин писал: «[...] Посланный туда Фомин совершенно для этого негоден»<sup>157</sup>. Еще более откровенно 23 июля Гришин высказался в письме к редактору томской газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианову: «[...] Фомин — мой личный враг»<sup>158</sup>.

В конце июля 1918 г. Гришин довольно жестко повел себя с эсерами-«воленародовцами», с которыми его свел видный омский кооператор и один из лидеров этой группы «оборонцев» В.В. Куликов. Сам В.В. Куликов считал «воленародовцев» «благоразумными эсерами». Алексей Николаевич, однако, по свидетельству В.В. Куликова,

---

<sup>155</sup> ГАРФ. Ф. Р-148, оп. 1, д. 195, л. 189; Временное Сибирское правительство. С. 113–114.

<sup>156</sup> ГАРФ. Ф. Р-151, оп. 1, д. 6, л. 225; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства. С. 115, 219.

<sup>157</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 44, л. 1.

<sup>158</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 1, л. 93.

«прямо заявил, что он политики эсеров не признает, считает ее гибельной и никогда не сможет согласиться с ней»<sup>159</sup>.

Последнее вкупе с прекращением контактов с П.Я. Михайловым, олицетворявшим «левый» флаг и «центр» сибирских эсеров, означало полный разрыв с партией эсеров. Для верного партийной дисциплине министра туземных дел М.Б. Шатилова Гришин превратился в политического врага.

Не складывались отношения у Гришина с министром юстиции Г.Б. Патушинским. Григорий Борисович был очень амбициозным человеком с крайне неуравновешенным характером. К нему был нужен индивидуальный подход, а генерал был слишком прямолинеен и резок. Так, Гришин вместе с И.А. Михайловым выступил против командировки Г.Б. Патушинского сначала на восток для ведения переговоров с генералом Д.Л. Хорватом и Временным правительством автономной Сибири П.Я. Дербера — И.А. Лаврова, потом — на государственное совещание в Уфу<sup>160</sup>. Доходило до смешного: накануне заседания правительства Г.К. Гинс писал Алексею Николаевичу записки, в которых уговаривал его нанести визит Г.Б. Патушинскому «в видах облегчения прохождения некоторых актов в засед[аний] Совета [министров]»<sup>161</sup>.

Серьезное напряжение в августе 1918 г. возникло у Гришина с товарищем министра иностранных дел М.П. Головачевым. На первом челябинском совещании они солидарно выступали против делегации Самарского Комуча. Но Гришин был недоволен тем, что ведомство иностранных дел не занимает жесткой позиции по германскому вопросу. К тому же амбициозному Гришину хотелось, чтобы о Сибирской армии, которой он командовал, знал весь мир, по крайней мере — мир военный. А М.П. Головачев для этого ничего не делал. Алексей Николаевич настаивал и добился того, что Совет министров 10 августа принял обращение к союзным державам. В этом документе без всяких на то оснований утверждалось, что приближается тот день, когда «Сибирская армия вместе с другими братскими и союзными силами встанет в ряды борцов на новом Русско-Германском фронте»<sup>162</sup>.

Пикантность ситуации заключалась в том, что Гришин вторгся в сферу международных отношений, которую курировал сам П.В. Вологодский, а непосредственная ответственность лежала на М.П. Голова-

---

<sup>159</sup> ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 4, л. 6.

<sup>160</sup> ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 3, л. 3; Вологодский П.В. Указ соч. С. 76.

<sup>161</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 47, л. 17.

<sup>162</sup> Сибирский вестник. 1918. 24 августа; Временное Сибирское правительство. С. 275.

чеве. Именно М.П. Головачев по указанию Совета министров вынужден был готовить проект обращения к союзным державам. Однако под опубликованным документом его подписи не оказалось, тогда как фамилия Гришина значилась. Это был удар по самолюбию молодого дипломата, на который он не мог не ответить своему обидчику. Для этого у М.П. Головачева имелись большие возможности, если принять во внимание, что Мстислав Петрович жил на квартире П.В. Вологодского и был одним из его любимчиков.

Некоторых управляющих ведомствами Временного Сибирского правительства и общественных деятелей очень беспокоили властный тон Гришина, его манера говорить коротко властно, резко, категорично<sup>163</sup>. Эти гражданские люди не учитывали того, что Гришин был профессиональным военным, и такая манера поведения во многом являлась следствием его ролевой функции: в прошлом — офицера-артиллериста, в настоящем — командующего армией.

Правда, случалось, что для подкрепления своих аргументов Гришин прибавлял, что за ним стоит реальная сила: возглавляемая им армия. Такими необдуманными заявлениями генерал давал повод некоторым гражданским политикам подозревать его в намерениях установить военную диктатуру, может быть — даже собственную<sup>164</sup>.

Гришин оказался очень полезным в составе делегаций Временного Сибирского правительства, которые вели переговоры с Самарским Комучем и Временным областным правительством Урала. Он прекрасно выполнил отведенную ему «силовую функцию». Однако сам по себе генерал был плохим дипломатом, и в ситуациях, когда нужно было проявить гибкость, он зачастую действовал прямолинейно и грубо.

Весьма показателен случай, когда 27 июля Совет министров поручил ему выяснить, чем руководствовался чехословацкий полковник Р. Гайда, вводя военное положение на линии железной дороги от станции Барабинск до станции Красноярск и осадное — от станции Красноярск на восток, а также принять меры к устранению этого неправомерного распоряжения. Гришин не нашел ничего лучшего, как дать Р. Гайде жесткую телеграмму: «Требую<sup>165</sup> немедленно сообщить, на каком основании Вы отменяете законы Временного Сибирского

---

<sup>163</sup> ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 2, л. 12.

<sup>164</sup> ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 3, л. 3.

<sup>165</sup> В машинописном варианте телеграммы слово «требую» было кем-то вычеркнуто.

правительства, вмешиваясь во внутреннюю жизнь страны»<sup>166</sup>. Р. Гайду такой тон обидел. В результате их отношения были испорчены<sup>167</sup>.

Разрыв связей с эсерами Гришин компенсировал установлением контактов с группами и отдельными общественными деятелями, представлявшим «центр» и «правую» часть сибирского политического спектра. Причем в этом вопросе наблюдалось встречное движение. Так, после возвращения с первого челябинского совещания генерал выразил желание встретиться с руководством проходившего в это время в Омске съезда представителей торговли, промышленности и домовладения Сибири и Урала. Такая встреча состоялась. На ней Алексей Николаевич попросил дать ему возможность выступить на пленарном заседании съезда. Трибуна съезда генералу была предоставлена. В своем выступлении Гришин сообщил, что в Самаре вся власть находится в руках эсеров-черновцев, что Комуч намеревается через Сибирскую областную думу распространить свое влияние на Сибирь, говорил о вреде сепаратизма, о необходимости единой русской армии для создания великой России.

Когда же Гришина ознакомили с проектом политической резолюции съезда, в которой говорилось о необходимости передачи власти до завершения гражданской войны и выборов нового Учредительного собрания «особому органу с неограниченными диктаторскими полномочиями», он заявил, что «с резолюцией совершенно согласен»<sup>168</sup>.

В конце июля — августе 1918 г. значительно расширились и упорочились связи Гришина с омским отделением Союза освобождения России и местным кадетами. Кадеты прислали генералу для ознакомления резолюции, которые приняла сибирская конференция партии народной свободы. Гришин, в свою очередь, протезировал одному из организаторов омского отделения «освобожденцев», товарищу председателя центрального военно-промышленного комитета Д.С. Каргалову. Он добивался от управляющего министерством торговли и промышленности П.П. Гудкова его приглашения на должность товарища министра. Свою просьбу о назначении Д.С. Каргалова генерал мотивировал так: «В интересах нашего общего дела было бы крайне жела-

---

<sup>166</sup> ГАРФ. Ф. Р-193, оп. 1, д. 31, л. 12; Хроника гражданской войны в Сибири (1917–1918 гг.). / Сост. В. Максаков и А. Турунов. [М.,] 1926. С. 221–222; Временное Сибирское правительство. С. 202.

<sup>167</sup> ГАРФ. Ф. Р-170, оп. 1, д. 6, л. 15.

<sup>168</sup> ГАРФ. Ф. Р-189, оп. 1, д. 4, л. 48; ЦДООСО. Ф. 41, оп. 1, д. 119, л. 7; Сибирская речь. 1918. 21 июля.

тельно, чтобы его возможно скорее утвердили, ибо он в своих поездках будет исполнять и некоторые чисто политические функции»<sup>169</sup>.

Одновременно Гришин через своих доверенных лиц устанавливал собственные связи с руководителями контрреволюции как на западе, так и на востоке. В середине августа 1918 г. по его указанию полковник М.И. Замятин выезжал в Оренбург для политического зондажа атамана А.И. Дутова и правительства Оренбургского казачьего войска. 31 августа генерал приказал М.И. Замятину отправиться в Челябинск и Оренбург «для выполнения особых поручений», данных ему лично Гришиным<sup>170</sup>.

Одновременно Гришин затеял небезопасную для него игру на востоке. Каким-то образом он познакомился с подпоручиком Н.С. Калашниковым. До первой русской революции Николай Сергеевич был слесарем Красноярских железнодорожных мастерских, в 1905 г. вступил в партию эсером. В 1905–1908 гг. участвовал в террористической деятельности, многократно подвергался арестам, совершал побег из заключения. Одно время жил во Франции и учился в *Colleque de France*, по возвращению в Россию продолжил обучение в университете Шанявского, работал на московских заводах. Во время Мировой войны призван в армию, после учебной команды был направлен в военное училище, из которого в 1916 г. вышел прапорщиком. После Февральской революции служил в Иркутском военном округе, участвовал в восстании юнкеров против советов декабре 1917 г. Во время советской власти возглавлял вооруженное подполье эсеров в Иркутске, входил в состав Восточно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. После свержения советов был назначен помощником командующего Восточно-Сибирского военного округа. В отличие от большинства своих товарищей по партии он был ярким сторонником сильной армии и твердой государственной власти. Обладая организаторскими способностями, исключительной активностью, был заговорщиком по натуре. Находясь в начале августа 1918 г. в Омске, познакомился с Гришиным. Генерал и подпоручик быстро нашли общий язык. В результате 11 августа Н.С. Калашников получил от Гришина поручение вести от его имени переговоры с генералом Д.Л. Хорватом<sup>171</sup>.

Свое вступление в переговоры с А.И. Дутовым и Д.Л. Хорватом Гришин мотивировал принципиально новой идеологией, суть кото-

---

<sup>169</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 47, л. 12.

<sup>170</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 11, лл. 6–8; д.47, л. 20.

<sup>171</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 30, л. 3.



рой он коротко сформулировал в одной из зашифрованных телеграмм Н.С. Калашникову: «[...] Надо считаться с лицами, а не с правительствами»<sup>172</sup>.

Последнее, однако, не означало, что Гришин недооценивал или выпустил из поля своего зрения вопросы, относившиеся к организации и деятельности правительственных структур. Напротив, он отслеживал ход и итоги второго челябинского совещания, которое его организаторам удалось провести только 20–25 августа, придав ему статус предварительного государственного совещания. Его участники смогли договориться по ограниченному кругу проблем: о месте и времени проведения государственного совещания, составе участников и регламенте работы. Государственное совещание было решено провести в Уфе, открыв его 5 сентября.

Временное Сибирское правительство достаточно серьезно готовилось к участию в этом совещании. 27 августа оно утвердило состав правительственной делегации, которую должны были составить три министра: В.М. Крутовский, А.И. Михайлов и Г.Б. Патушинский, — а также Гришин. 29 и 30 сентября Совет министров обсудил вопрос об инструкции сибирской делегации на Уфимское совещание. Гришин выступил в ходе его обсуждения. Свои главные предложения он сформулировал так: «Создать твердую беспартийную власть в виде директории. Эта директория должна быть обеспечена всей полнотой власти впредь до созыва второго Всероссийского Учредительного собрания».

Предложения Гришина были полностью включены в принятую инструкцию. Но Г.Б. Патушинский высказал относительно ее содержания свое особое мнение и заявил об отказе от участия в правительственной делегации. В результате обстановка в правительстве, глава которого П.В. Вологодский накануне отбыл в двухмесячный отпуск, а министр внутренних дел В.М. Крутовский после поездки в Томск на открытие думы в Омск не приехал, обострилась<sup>173</sup>.

Дополнительное напряжение в правительстве возникло из-за того, что в это время части Сибирской армии и Чехословацкого корпуса, действовавшие в восточном направлении, в районе станции Оловянная соединились с войсками есаула Г.М. Семенова, оперировавшего в Забайкалье. Тем самым, актуализировался вопрос об отношении к Временному правительству автономной Сибири и Д.Л. Хорвату. Для

---

<sup>172</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 30, л. 18.

<sup>173</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 11, л. 1; Временное Сибирское правительство. С. 301–302, 309–311, 313–314.

переговоров с ними требовалось направить, как минимум, одного из министров<sup>174</sup>. 2 сентября Гришин и А.И. Михайлов телеграфировали в Уфу, что из-за событий на востоке сибирская правительственная делегация сможет выехать на Государственное совещание только 5 сентября<sup>175</sup>.

Накануне предполагаемого отъезда в Уфу Гришин проявил очередную инициативу. 4 сентября он посетил проходивший в Омске 3-й Всесибирский кооперативный съезд. Генерал был встречен делегатами бурными аплодисментами. В отличие от Г.Б. Патушинского, который официально приветствовал съезд от имени правительства и отдал должное истории кооперации, Алексей Николаевич коротко повторил свою мысль о необходимости для создания крепкой и сильной армии соответствующей политико-экономической обстановки в настоящем.

«И это ваша задача, — продолжил генерал, — задача кооперации как крупной общественной силы». «Создайте же нужную для успешной деятельности армии обстановку, — призвал руководителей кооперации Алексей Николаевич, — и я вам ручаюсь, что дело восстановления государственности в России пойдет быстрым темпом». Комментируя это выступление Гришина, кадетская газета «Сибирская речь» оптимистично писала: «Будем думать, что уверенность ген[ерала] Гришина-Алмазова не окажется напрасной»<sup>176</sup>.

Однако уже вечером того же дня по Омску разнесся слух о том, что Гришину предъявлены претензии в непочтительном отношении к союзникам и чехословакам. Этот слух отразил начало кризиса Временного Сибирского правительства, приведшего к лишению Гришина обоих постов и устранению от власти.

\* \* \*

За три с небольшим месяца, с конца мая до начала сентября 1918 г., в течение которых Гришин был во главе вооруженных сил сибирской контрреволюции, его политические взгляды, позиции и поведение претерпели существенную трансформацию. Он быстро прошел путь от служения эсеровскому народоправству до признания военной диктатуры в качестве неременного условия восстановления прочной российской государственности. Причем в качестве некоторого парадокса можно отметить тот факт, что на начальном этапе своей

---

<sup>174</sup> Временное Сибирское правительство. С. 318–319.

<sup>175</sup> РГВА. Ф. 39617, оп. 1, д. 43, л. 18.

<sup>176</sup> Сибирская речь. 1918. 6 сентября.

деятельности он проявлял бóльшую лояльность властям, чем в последний месяц.

Стремительная эволюция политических взглядов и поведения Гришина объясняется многими причинами как внутреннего, так и внешнего порядка.

Судя по всему, решающую роль в этом процессе сыграли факторы внешнего порядка, имевшие объективный характер. Главным из них являлось, конечно, состояние контрреволюционного лагеря.

Можно утверждать, что дрейф Гришина «вправо» отразил главный вектор развития сил контрреволюции в Сибири того времени. Но темпы этого дрейфа были иными, чем у большинства других лидеров антибольшевизма. Гришин проделал отмеченную эволюцию быстрее, а формы выражения его взглядов отличались большей определенностью и степенью радикализма. В данном случае, безусловно, сказались как молодость и амбициозность Гришина, так и его принадлежность к военной среде. Будучи представителем офицерского корпуса и являясь единоличным руководителем вооруженным сил Временного Сибирского правительства, он раньше других политиков осознал необходимость адаптации государственного устройства контрреволюции применительно к объективным условиям углублявшейся и расширявшейся свои масштабы гражданской войны.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВПАС — Временное правительство автономной Сибири.

ВТА — Всероссийское телеграфное агентство.

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области.

ГАОО — Государственный архив Омской области.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГАТО — Государственный архив Томской области.

ГПНТБ СО РАН — Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук.

КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога.

МВД — Министерство внутренних дел.

НГУ — Новосибирский государственный университет.

ОМО — Особый Маньчжурский отряд.

РГБ — Российская государственная библиотека.

РГВА — Российский государственный военный архив.

РТА — Русское (Российское) телеграфное агентство.

САСШ — Северо-Американские соединенные штаты.

СТА — Сибирское телеграфное агентство.

ТАУЧ — Телеграфное агентство при Учредительном собрании.

ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области.

ЦХАФАК — Центр хранения архивного фонда Алтайского края.

## ОБ АВТОРАХ

**Журавлев Вадим Викторович** — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета, доцент кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета.

**Рынков Вадим Маркович** — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета.

**Симонов Дмитрий Геннадьевич** — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета.

**Шишкин Владимир Иванович** — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Института истории СО РАН, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета.

**Шудьяков Владимир Александрович** — кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры общественных наук Омского экономического института.

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.В. Журавлев.</i> Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г. ....	3
<i>Д.Г. Симонов.</i> Антибольшевистские вооруженные формирования на Дальнем Востоке в конце 1918 — начале 1919 г. ....	21
<i>В.А. Шулдяков.</i> К вопросу о роли казачества в образовании «всероссийской власти» на востоке России в 1918 г. ....	85
<i>В.М. Рынков.</i> Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России .....	105
<i>В.И. Шишкин.</i> Командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету .....	126
Список сокращений .....	196
Об авторах .....	197

Научное издание

**Контрреволюция на востоке России  
в период гражданской войны (1918–1919 гг.)**

Сборник научных статей

Научный редактор В.И. Шишкин

Технический редактор В.В. Журавлев

Подписано в печать 30.11.2009 г.

Формат 60×84 1/16. Офсетная печать.

Уч.-изд. л. 12,3, усл. печ. л. 11,5. Тираж 100 экз.

Заказ №

Редакционно-издательский центр  
Новосибирского государственного университета  
630090, г. Новосибирск-90, ул. Пирогова, д. 2.